Военно-исторический сборник

Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг.

Выпуск 2.

Москва
1919 г.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙНЫ 1914—1918 г.

ВЫПУСК II-й.

МОСКВА.—1919.

МОСКВА.
Типография Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
1919.

Об'явление.

„Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1918—14 г.г." об'евляет:

1) Что помещаемые в настоящее время в номерах Сборника статьи являются результатами личных трудов их авторов, а не составляют плодов официальной работы комиссии. Последние будут издаваться особыми выпусками, при чем некоторые из них, по мере разработки материалов, будут печататься и в Сборнике, с соответствующей отметкой.

2) Что в настоящее время в архив комиссии начинают поступать и материалы по ведению военных действий в течение 1918—19 г.г. По мере разработки последних, в Сборнике, на ряду со статьями, посвященными войне 1914—18 г.г., будут постепенно помещаться наиболее интересные статьи и материалы, относящиеся к боевой работе Красной армии, для которых отводится часть Сборника.

и 3) Так как дела о военных действиях за время 1918—19 гг. только что получены в архиве комиссии, то во 2. номере Сборника, уже сданного в печать, будет помещена только первая статья, касающаяся Красной армии, а именно Д. Парского „Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте—апреле 1918 г.", относящаяся к самому началу возникновения нашей современной вооруженной силы.

Комиссия просит всех участников минувшей и настоящей войны облегчить ее труд в этом отношении и присылать, по возможности, в редакцию Сборника (Москва, Пречистенка, 14) статьи и материалы, освещающие наиболее интересные и поучительные эпизоды из боевых действий.

Ответственная Коллегия Комиссии.

Июня 24 дня 1919 г.

Наступательный маневр XXV корпуса в мае 1915 г. под гор. Опатовым.

(Пример активной обороны и взаимной выручки).

Общая обстановка.

В течение зимы 1915 года 4. армия, находясь в составе Юго-Западного фронта, занимала крайне растянутую позицию на левом берегу Вислы, в районе к западу от г. Кельцы, между рр. Пилицей и Вислой, прикрывая важнейшие пути к Варшаве и Ивангороду.

Расположение корпусов ее было следующее (схема № 1):

XIV к-с—по р. Пилице от д. Доманевице до д. Камень В.; XVI и Гренадерский к-са—левее, до д. Михалагура, и далее по р. Ниде XXV и XXXI к-са до р. Вислы у Нов. Корчина.

Штаб армии—в г. Конске.

Соседями 4. армии были: справа—5. армия (Сев.-Зап. фронта) и слева — 3. армия, примыкавшая своим IX к-сом к р. Висле при устье р. Дунайца.

Противник, подготовляя удар по 3. армии, снял все, что можно, с фронта 4. армии, и линия его была здесь растянута не меньше нашего.

В двадцатых числах апреля противник повел энергичное наступление на 3. армию, которая под давлением превосходных сил начала отходить и к 28 апр./11 мая правый фланг ее оказался на линии устье р. Вислоки — с. Сендзишув, не рассчитывая удержаться и на этой линии.

В связи с этим отходом, обнажение фланга соседней 4. армии, при растянутости и отсутствии крупных резервов, вызвало приказание штаба фронта откинуть ее левый фланг от д. Сарбице на сс. Поржече—Лагов—Сташев—Поланец, а затем также начать отход по директивам фронта. Первоначально армии было

СХЕМА N1.
Общая обстановка
на фронте 4 армии
в апреле 1915 года.
ВАРШАВА
РАВА
IV к. (5 АРМИЯ)
Доманевице
р. Пилица
Высмержице
ПЕТРОКОВ
XIV к.
Каменьв
XVI к.
РАДОМ
ИВАНГОРОД
НОВО-РАДОМСК
Сндлов
КОНСН 4 АРМИЯ
Н. АЛЕКСАНДРІЯ
ИЛЖА
Сарбице
Вонхоцк
Поржечъ
Любния
Броды
Михалагуж
Кельцы
р. Нида
XXV к.
Островец
Юзефов
Лагов
ОПАТОВ
Аннополь
Хияновице
ПИНЧОВ
САНДОМИР
Копржвница
МЪХОВ
XXXI к.
Сташев
ТАРНОБРЖЕГ
Розвадув
Поланец
Нов. Корчин
КРАКОВ
IX к. (3 АРМИЯ)
р. Вислока
р. Дунаец
Сендзишув
р. Висла
р. Пилица
р. Сан

указано отходить на Радомские позиции и занять их между $\frac{2}{15}$ $\frac{3}{16}$ мая. Но во время исполнения отхода новая директива фронта (от $^1/_{14}$ мая) изменяла это основное решение и указывала 4. армии задержаться на линии сс. Высмержице—Илжа—Островец — Опатов — Копрживница — Тарнобржег, где и укрепиться.

Задача XXV к-су.

Во исполнение этого, корпуса получили новые задачи, и в частности XXV к-су было указано остановиться на линии сс. Вонхоцк—Броды—Островец—Опатов и активно обороняться на участке д. Любеня (искл.)—г. Опатов (искл.).

После пятимесячного сидения на р. Ниде новая задача более отвечала настроению корпуса, нежели пассивный отход, и штаб корпуса приступил к разработке плана активных действий.

Положение XXV к-са.

К вечеру $\frac{2}{15}$ мая корпус занимал позицию (схема № 2): 46. дивизия — двумя полками участок от д. Татры Бр. на дд. Яблонна, Домброва, Калков, Вюры, ф. Загае Болеское до ручья восточнее его и 3. гр. дивизия—тремя полками от этого ручья на дд. Петров, Снешковице, г. дв. Коссовице, д. Рушков до г. Опатова (искл.). Один полк той же дивизии (11. грен. п.)—в дивизионном резерве у г. Островца и два полка 46. дивизии (182. и 181. пп.)—в корпусном резерве. у п. Нетулиско и п. Кунов. Конница (Уральская каз. бригада и 52. Дон. каз. полк)—в д. Воля Бодзехова.

Полкам было приказано занять боевую линию лишь передовыми частями, укрепив опорные пункты; оборону же вести маневрируя резервами.

Сведения о противнике.

Сведения о противнике к этому времени были следующие (схема № 2): против 46. дивизии в районе ф. Ржепин — д. Хыбице группировалось около трех полков германской дивизии Бредова. От п. Лагова на г. Опатов двигалась 25. австрийская дивизия. Между тем у п. Васнева (к северу от Свентокшишского хребта) были взяты пленные 84. полка той же дивизии. Следовательно, или 25. австр. дивизия сильно растянулась, или у Васнева—только боковой ее отряд. И в том, и в другом слу-

Схема №2
1 Положение XXV к-са к веч. 9/15 мая
2 Исходное положение 3 грен дивизии к 15 час 3/16 мая (пунктир)
ЛЮБЕНЯ
ТАТРЫ БР.
46 пех дивизия
ЯБЛОННА
РЖЕПИН
ДОМБРОВА
Ржепин
КАЛКОВ
ВЮРЫ
ф. Загас Болеское
ПЕТРОВ
ХЫБИЦЕ
НЕТУЛИСКО
182 Гроховс. п.
КУНОВ
181 Остроп. п.
ХИЛЛЕВ
11 гр. фанагор. п
ОСТРОВЕЦ
ЧЕНЕСТРИЦЕ
С
Ю

ВОЛА
БОДЗЕХОВА
УРАЛ. КАЗ. БР.
52 Дон. каз. п.
Донцы
Уральцы
ВАСНЕВ
плен. 84 п-ка
КОССОВИЦЕ
ГРОМАДЗИЦЕ
181 п.
СТРАЧЕВИЦЕ
ЯРУГИ
РУШКОВ
СЛУПЯ СТАРА
СЛУПЯ НОВА
САРНЯ ЗВОЛЯ
ЕЖЕВ
РОСТЫЛИЦЕ
КРАШКОВ
БУКОВЯНЫ
ЗОХЦИН
ЛЕНЖИЦЕ
НЕСКУРЖЕВ
ПЮРКОВ
25 Остр дивизия
п. ЛАГОВ
ОПАТОВ
XXXI к.

чае хребет Свентокшишских гор разделял немцев и австрийцев и давал возможность бить их по частям.

Решение командира XXV к-са.

$\frac{2}{15}$ мая XXXI корпус, прикрывавший своим правым флангом Опатовское направление, был атакован превосходными силами и с трудом сдерживал напор австрийцев. Дабы облегчить положение соседа, командир XXV к-са решил на следующее утро ($\frac{3}{16}$ мая) разбить дивизию Бредова.

Весь успех этой операции зависел от устойчивости левого фланга Гренадерского корпуса у д. Любеня и от степени активности правого фланга XXXI к-са. Со стороны обоих корпусов было получено согласие содействовать наступлению, при чем XXXI к-с, в случае движения противника севернее Опатова, собирался атаковать его во фланг.

План действий XXV к-са.

Предполагалось 46. дивизией удерживаться на занимаемой позиции, а 3. гр. дивизией с одним полком корпусного резерва развить удар в направлении на дд. Ежев—Хыбице. Но в $8^1/_2$ час. $\frac{3}{16}$ мая, когда приказ о наступлении должен был передаваться по телеграфу в дивизии, из штаба 3 гр. дивизии было получено донесение, что против левофлангового ея полка (Астраханского) разворачивается не менее бригады пехоты.

Изменение плана.

Тотчас же план был изменен: 3 гр. дивизии приказано, прикрываясь частью своих сил и конницей со стороны п. Слупя Нова, коротким ударом разбить Опатовскую группу, а затем, заслонившись от н е полком пехоты с конницей, быстро переброситься на дивизию Бредова. Первую операцию предполагалось закончить $\frac{3}{16}$ мая, а вторую—$\frac{4}{17}$ мая.

Первая часть маневра.

Распоряжения начальника 3. гр. дивизии.

Начальник дивизии, получив задачу, решил (схема № 2): оставив на месте правофланговый (Сибирский) полк с $1^1/_2$ батанами соседнего (Малороссийского) полка при двух батареях,

выдвинуть Фанагорийский полк (из дивизионного резерва) на правый фланг ударного крыла и группою в составе этого полка, $2^1/_2$ б-нов Малороссийского и всего Астраханского полка, при 4 легких и 1 мортирной батареях, ударить по Опатовской группе противника. Полку корпусного резерва (181. Остроленский) держаться за правым флангом ударной группы. Уральцам — выдвинуться к дд. Крашков и Ростылице и, перевалив за хребет, бить по тылу противника. Ближайшее же обезпечение правого фланга и тыла дивизии возлагалось на Донских казаков с 2 орудиями, выдвигавшихся для этого через д. Сарня Зволя на п. Слупя Нова.

Исходное положение.

Для занятия исходного положения (схема № 2) Фанагорийский полк, прикрываясь оврагами, скрытно перешел от Островца к д. Яруги, а за ним Остроленский полк к д. Громадзице. Мортирная батарея передвинулась в район Астраханского полка для усиления его левого фланга.

Начало наступления было назначено в 15 часов. Малороссийский и Астраханский полки должны были согласовать свое движение с Фанагорийцами, как с заходящим флангом.

Боевые задачи.

Боевые задачи полкам были даны следующие (схема № 2): Фанагорийскому полку с батареей, развернувшись в Стрычевицком овраге—наступать на фронт дд. Буковяны — Ленжице (включ.), Малороссийскому полку с батареей — наступать на фронт д. Ленжице (искл.)—роща у д. Зохцин (включ.) и Астраханскому, с двумя легкими и одной мортирной батареями—на фронт д. Зохцин—г. Опатов (искл.).

К 15 часам начальник дивизии со штабом был на наблюдательном пункте на высоте, что в 1 версте к северо-западу от д. Рушков (схема № 3), соединенный телефонами со всеми полками дивизии для личного управления заходящим крылом дивизии.

Действия противника.

Противник, еще с утра начавший наступление на Астраханцев силами в 3—4 батальона, к 11 часам, спустившись в долину Зохцин, стал распространяться по поперечным долинам. Против Малороссийского полка части противника к 15 часам

Схема №3.

Наступление 3 грен. дивизии 3/16 мая.

ХЫБИЦЕ
ф. Яблонна
9 ф. Сибирск
п. ВАСНЕВ
ЧАВНЧИЦЕ
ДОБРУХНО
ф. Ковальковице
САРНЯ ЗВОЛЯ
п. СЛУПЯ НОВА
ГАРВАЧ
ЗОРОВИЦЕ
ф. Нагоржице
ВУЛЬКА
ВРОНОВ
ВИТОСЛАВИЦЕ
НЕСКУРЖЕВ СТ.
ПЮРКОВ
НЕСКУРЖЕВ НОВ.
р. Покрживанка
БАЦЬКОВИЦЕ
п. ЛАГОВ

Условные знаки:
} наши войска
} противник

ОСТРОВЕЦ
СНЕШКОВИЦЕ
11-й п.
КОССОВИЦЕ
52 Дон. к.п.
СОНСИЦЕ
ГРОМАДЗИЦЕ
СТРЫЧЕВИЦЕ
СКАЛА
ЯРУГИ
СМЫГОВ
Н-к див.
РУШКОВ
ЗВОЛЯ
ГУРА
Рушковец
6 Ур. к.
КРАШКОВ
НЕМЕНИЦЕ
КОЛ. МИХАЛОВ
БИСКУПИЦЕ
ЛЕНЖИЦЕ
БУКСВЯНЫ
ЗОХЦИН
ф. Зохцинек
ЯЛОВЕНСЫ
ОПАТОВ
ЖЕРНИКИ
Гв.
ГОЛОШИЦЕ
ОЗЕМБЛОВ
МОДЛИБОРЖИЦЕ
БАРАНОВЕК
Гв.
ПИСКРЖИН
РУДНИКИ
КОБЫЛЯНЫ
НОХОВ
ЯГНИК
ВОЙНОВИЦЕ
ВЫМЫСЛОВ
Гв. Пянта
п. ИВАНИСКА
С
Ю

заняли ф. Рушковец и вели наступление на лес у ф. Дукляны, подойдя к нашим окопам на 1000 шагов, когда ударная группа начала свое наступление.

Наступление 3. грен. дивизии.

В 15 часов Фанагорийцы, развернувшись в Стрычевицком овраге, перешли в наступление на фронт Зволя—Червона Гура, имея два батальона в боевой линии и два в резерве. Правый фланг полка обезпечивала команда разведчиков. Противник, засевши в окопах за оврагом, проходящим у этих деревень, встретил наступающих сильным огнем, но под натиском I. б-на вынужден был очистить д. Зволя, продолжая упорно держаться у д. Червона Гура. В это время австрийцы открыли огонь в тыл правофланговому баталиону со стороны дд. Гарбач Скала и Зоровице Смыгов, но команда разведчиков, выйдя по оврагу к д. Гарбач Скала также в тыл противнику, атаковала его, и 127 солдат при 2 офицерах были первыми трофеями Фанагорийцев.

Вскоре III. б-н преодолел сопротивление у д. Червона Гура и, взобравшись по крутому склону оврага, совместно с I. б-ном продолжал теснить противника. Последний отошел к г. дв. Трусколясы и к лесу западнее д. Буковяны. Задержавшись на опушке леса, а затем и в лесу, противник открыл сильный ружейный и пулеметный огонь, но Фанагорийцы, ворвавшись в лес, не имея возможности подготовить атаку огнем, действовали штыками и вскоре овладели южной опушкой. При выходе из леса, встреченные пулеметами почти в упор, шагах в 150 от опушки, Фанагорийцы, при поддержке своих пулеметов, снова бросились в штыки, заняли гребень $162,_4$ и преследовали противника до д. Жерники и д. Модлиборжице, где окопались в виду наступившей темноты.

В это время на остальном фронте дивизии Малороссийцы, преодолевая сопротивление неприятеля у ф. Рушковец, д. Неменице, д. Бискупице, продвинулись на линию выс. $162,_4$— д. Яловенсы, а Астраханцы с боем заняли д. Яловенсы — ф. Зохцинек.

52. Донской каз. полк к вечеру выдвинулся к д. Боксице, тесня противника, задерживавшагося у д. Чаенчице—ф. Ковальковице; силы его здесь определялись в 1. баталион с батареей.

Уральская каз. бригада, выступив с ночлега в 14 ч. 30 м., к 20 часам подошла к д. Крашков, где и заночевала. В виду полученного донесения о движении большой колонны обозов,

отходивших за горами по Опатовской дороге, 6. полку было приказано атаковать обоз. Выйдя к д. Нескуржев Ст. около 22 часов, 4 сотни полка были пущены лавой на большую дорогу; но движение затруднялось темнотой; от жителей узнали, что обоз прошел час тому назад. Выяснив, что д. Пюрков занята австрийской пехотой, полк заночевал в лесу на дороге д. Крашков—д. Нескуржев Ст.

Таким образом Фанагорийцы к ночи оказались значительно впереди назначенной им линии, в выдвинутом положении на наружном, неприкрытом фланге дивизии; к тому же телефонная связь со штабом дивизии оборвалась. Дабы не подвергать полк опасности отдельного поражения, командир полка поздно ночью отвел роты к южной опушке Буковянского леса [1]).

В результате дня полки 3. грен. дивизии стали на путях отхода противника, наступавшего на 83. дивизию и этим уже оказали ей весьма существенную помощь. Задачу дивизией можно было считать выполненной.

Действия 46. дивизии.

В 46. дивизии в этот день происходило следующее (схема № 4).

С 8 часов было обнаружено накапливание немцев (1—2 б-на) в районе д. Павлов и затем наступление на левый фланг Пултусского полка у д. Домброва. Наступление было приостановлено нашим ружейным и артиллерийским огнем. В то же время с наблюдательного пункта было замечено движение новой колонны противника с артиллерией к д. Ржепин и далее вдоль этой деревни; хвост колонны был скрыт в овраге д. Радковице. Попав под артиллерийский огонь, колонна частью скрылась в лесу севернее д. Ржепин, частью продолжала двигаться в направлении на д. Домброва.

Около 10 ч. 30 м. была обнаружена колонна, обходящая от д. Свирта на д. Стыков.

К 13 часам огонь пяти немецких батарей (2 легкие, 2 гаубичные и 1 тяжелая 6 дм.) по участку против д. Домброва и особенно против д. Яблонна достиг наивысшего напряжения. Д. Яблонна была зажжена и около двух б-нов немцев, в густых цепях, с поддержками позади, начали наступать на деревню от леса, что севернее д. Ржепин. После ввода в дело участко-

---

[1]) Позже выяснилось, что такое именно распоряжение последовало со стороны начальника дивизии, но, за порчей телефона, до полка не дошло.

вых и полкового резервов наступление было остановлено с большими для неприятеля потерями.

На участке Варшавского полка захваченные в районе дд. Калков—Домброва пленные показали, что в этом районе сосредоточена бригада германской пехоты, подтверждая таким образом донесения артиллерийских наблюдателей и пехотных разведчиков. Боевой участок Варшавцев тянулся на 6 верст по крайне пересеченной местности. При невозможности прочно занять весь фронт и невыясненности намерений противника, позиция была занята сначала лишь двумя баталионами, но вскоре пришлось влить и большую часть участкового резерва, сосредоточив огонь трех полевых и мортирной батарей. При первом своем натиске противник, пользуясь численным превосходством, настолько продвинулся вперед, что батареи вынуждены были переменить позиции, но дальнейшее его продвижение было остановлено, и прорыв в этом пункте ему не удался.

Ведя ожесточенные атаки на среднюю и правую часть боевого фронта Варшавцев, противник оставался совершенно пассивным перед левой его частью, а также и против Сибирцев, где держал, повидимому, лишь передовые части.

По получении от штаба дивизии предупреждения, что Сибирцы предполагают выдвинуться вперед в направлении на п. Васнев, начальник участка приказал Варшавцам также продвигаться вперед, выбить передовые части противника из рощи, что к югу от д. Шелиги и занять эту деревню, рощу, а также дд. Броневице и Ямы с тем, чтобы угрожать правому флангу противника, сосредоточившегося против центра и правого фланга Варшавцев. Продвижение это было успешно выполнено и не только парализовало действия противника, но дало возможность выбить его и из д. Калков.

К этому времени выяснилось, что Сибирцы в наступление не перейдут. Опасение за открытый выдвинутый левый фланг Варшавцев заставило к ночи отвести его на первоначальную позицию. Но в виду важного значения позиции левого фланга на линии Шелиги—Ямы, в смысле парирования удара противника на фронте Домброва—Запиев, были оставлены сильные передовые части, которые своими демонстративными действиями должны были служить угрозой противнику, оперирующему севернее. Эти передовые части сыграли большую роль позже (5/18 мая), когда было получено приказание продвинуть левый фланг одновременно с продвижением всей 3. грен. дивизии.

№ 373075

Схема № 4.

Действия 46 пех. дивизии в бою 3/16 мая.

С
Ю

ТАТРЫ БР.
183
Пултусский п-к
184
Варш. п.
9 гр. Сибирский полк.
½ б. 10 гр. п.
СТЫКОВ
СВИРТА
БЛОНИА
РЖЕПИН
РАДКОВИЦЕ
ДОМБРОВА
КАЛКОВ
ПАВЛОВ
ЗАПКЕВ
ВЮРЫ
ШЕЛИГИ
БРОНЕВИЦЕ
ЯМЫ
КОТ
АРШИН
ф. Загне Болеское
ф. Яблонна
Ручей
р. Покрживянка
НЕТУЛИСКО
Д. КУНОВ
ОСТРОВЕЦ
ПЕТРОВ
СНЕЦКОВИЦЕ
Г. ВАСНЕВ
КОССОВИЦЕ
СТРЫЧЕВИЦЕ
ХЫБИЦЕ
П. СЛУПЯ НОВА
1000 500 0 Верс.

Условные знаки:
наши войска,
противник.

Новая задача 3. грен. дивизии.

Около 22 часов 3 мая начальник 3. грен. дивизии получил от командира корпуса такое приказание (схема № 3):

„Закрепившись на линии Вами назначенной, принять меры особой бдительности и образовать резервы, имея в виду, что завтра 4/17 мая Вам придется наносить удар в направлении на Слупя Нова; подробное приказание следует“.

Вслед за этим был отдан приказ по корпусу:

„3. грен. дивизия нанесла сильный удар по группе противника, наступавшего на Опатов, и остановилась на линии Буковяны—Опатов. На завтра, 4/17 мая, приказываю:

3. грен. дивизии, оставив заслон у д. Яловенсы для обеспечения себя слева, с рассветом быстро выдвинуться на дд. Хыбице—Слупя Нова и, заняв последнюю, выпустить конницу на Лагов, в тыл Опатовской группе.

46. дивизии, удерживаясь 183. полком на занятой позиции, 184. полком перейти в наступление на Варшувек-Хыбице, сообразуясь с 3. грен. дивизией. 182. полк остается в моем распоряжении“.

На это, в первом часу ночи, начальник 3. грен. дивизии донес о невозможности, в виду продвижения Фанагорийцев сильно к югу, начать с рассветом наступление на Слупя Нова—Хыбице, прося предоставить ему самому определить время начала действий в новом направлении. Вместе с тем начальник дивизии высказал соображение, что с выходом к д. Модлиборжице гренадеры оказались в тылу противника, наступавшего на 83. дивизию, и что поэтому правому флангу XXXI корпуса представляется самый удобный случай для наступления. Но командир этого корпуса просил развить удар далее на п. Иваниска, чтобы облегчить его положение.

Изменение задачи.

Принимая во внимание, что при выдвинутом положении 3. грен. дивизии передвижение ее на утро для наступления на запад было трудно выполнимо, противник к тому же держался еще к северу от п. Иваниска, командир XXV корпуса телеграммой в 2 ч. 25 м. 4/17 мая приказал начальнику 3. грен. дивизии: „добить Опатовскую группу и затем обратиться к выполнению поставленной задачи, действуя по обстановке;

конница подчиняется Вам. Командира XXXI корпуса вместе с сим прошу с рассветом перейти 83. дивизией в наступление".

Во исполнение этого начальник дивизии приказал с рассветом продолжать наступление на юг, чтобы добить противника, а затем уже обратиться против германцев, наступающих на 46. дивизию.

Положение в ночь на 4/17 мая.

Дивизия заночевала согласно схемы № 5.

Распоряжения на 4/17 мая.

На 4/17 мая задачи полкам были даны следующие (схема № 5):

Фанагорийскому полку наступать правым флангом на г. дв. Пискржин, г. дв. Плянта и левым на дд. Рудники, Вымыслов (включ.).

Малороссийскому полку—правым флангом на дд. Рудники—Вымыслов (исключ.), левым—на д. Кохов (включ.).

Астраханскому полку наступать правым флангом на д. Кохов.

181. полку быть в готовности выступить на д. Буковяны.

Уральской бригаде перейти на южную подошву хребта и, наступая на дд. Бацьковице—Пискржин—п. Иваниска, наблюдать за правым флангом дивизии и действовать в тыл противнику.

52. Донскому каз. полку продолжать обеспечивать дивизию со стороны д. Слупя Нова и, тесня противника, захватить узел путей у д. Вулька.

Сибирскому полку с $1^1/_2$ баталионами Малороссийцев обеспечивать операцию со стороны дд. Хыбице—Слупя Нова.

Штаб дивизии 4/17 мая перешел в д. Рушков.

Наступление 3. грен. дивизии.

В 7 часов 4/17 мая Фанагорийцы начали наступление одним баталионом на дд. Жерники, Пискржин, г. дв. Плянта, другим на дд. Модлиборжице, Рудники, Вымыслов, имея остальные два во второй линии.

До д. Жерники наступление шло безпрепятственно, и к 8 часам баталионы продвинулись к этой деревне. Но как только

ХЫБИЦЕ
п. ВАСЛЕВ
ЧАВНЧИЦЕ
ДОБРУХНО
БОКСИЦЕ
32 Дон. к.п.
Ф. Ковалькевице
Ф. Верженовице
п. СЛУПЯ НОВА
ВУЛЬКА
Ф. Нагоржице
ВРОНОВ
ВИТОСЛАВИЦЕ
РОСТЫЛИЦЕ
Урал.
КРАШКОВ
Урал. к.п.
ЛЕТРОВ
НЕСКУРЖЕВ СТ.
ПЮРКОВ
НЕСКУРЖЕВ НОВ
БАЦЬКОВИЦЕ
ЖЕРНИКИ
БАРАНОВЕК
Г. дв. Пиоржин
р. Ложувянка
ВОЙНОВИЦЕ
п. ЛАГОВ
п. ИВАНИСКА

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

НАШИ ВОЙСКА

ПРОТИВНИК

СХЕМА № 5

1. Положение 3-й грен. дивизии в ночь на 4/17 мая /пунктир/
2. Наступление 3-й грен. дивизии 4/17 мая.

баталионы развернулись на фронте дд. Жерники—Модлиборжице, противник открыл ружейный огонь во фланг от д. Барановек и артиллерийский с фронта от д. Войновице и Собекуров. В это время из леса, что западнее д. Барановек, показались три колонны противника, силою около полка. Командир полка приостановил наступление флангового баталиона, развернул из резерва фронтом на запад новый баталион, который открыл сильный огонь по д. Бацьковице и д. Барановек; этим огнем совместно с огнем батареи, стрелявшей от южной опушки леса у дороги через Буковянский перевал, противник был оттеснен обратно в лес.

Дальнейшее продвижение Фанагорийцев к югу оказалось, однако, затруднительным, так как противник продолжал брать во фланг весь боевой порядок с западного берега р. Покржывянки. Пришлось израсходовать последний баталион из резерва, дабы, окопавшись фронтом на запад, он мог облегчить наступление полка. Кроме того, начальник дивизии приказал Уральской бригаде энергичными действиями во фланг и тыл противника помочь Фанагорийцам.

7. Уральский полк, выдвинутый еще с утра из д. Крашков в тыл противнику на д. д. Нескуржев Ст.—Пискржин—п. Иваниска, выяснил, что окопы противника тянутся по окраине д. Бацьковице до д. Нескуржев Нов. и заняты не менее как тремя ротами. Командир полка развернул одну сотню в лаву на д. Бацьковице, другую на д. Нескуржев Нов., с остальными же в развернутом строю двинулся в атаку на окопы. В несколько минут полк дошел до д. Бацьковице, противник оставил окопы и укрылся в лес. Преследование затруднялось болотистою и пересеченной местностью, а потому сотни спешились и, заняв южную и западную окраины д. д. Бацьковице и Нескуржев Нов., обстреливали окопы противника, расположенные южнее этих деревень.

В это время Малороссийский и Астраханский полки, не встречая сопротивления, к 11 часам продвинулись до шоссе Опатов—Иваниска, где были остановлены в виду ранее отданного распоряжения не переходить этого шоссе, дабы не мешать движению 83. дивизии, которая с утра должна была наступать в направлении на п. Иваниска. Обоим полкам было приказано, по мере продвижения 83. дивизии, отводить баталионы назад и сосредоточивать в районе д. д. Голошице—Яловенсы. Для содействия же Фанагорийцам, израсходовавшим все свои резервы, были спешно двинуты два баталиона Астраханцев к д. Жерники; баталионы эти выступили в 14 час. из д. Яловенсы и не

успели принять участия в бою, так как Фанагорийцы, к 16 час., потеснив противника с северной окраины д. Барановек, уже быстро подвигались на юг, заняли г. дв. Пискржин и дошли до г. дв. Плянта. Противник, атакованный с фронта Фанагорийцами и с фланга Уральцами, всюду бежал, оставляя убитых, раненых и пленных.

83. дивизия в это время медленно наступала от г. Опатова и около 13 час., попав под артиллерийский огонь противника на фронте д. д. Кобыляны—Ягнин, залегла и до 17 час. вперед не продвинулась.

Положение к вечеру 4/17 мая.

Занятием шоссе п. Иваниска—г. Опатов задача 3. грен. дивизией была выполнена и так как на следующий день предстояло бить противника у п. Слупя Нова, начальник дивизии около 18 час. отдал приказ частям дивизии сосредоточиться в районе кол. Михалов—д. д. Неменице - Ленжице - Буковяны (схема № 6).

Фанагорийцы с 2 батареями сосредоточились в районе кол. Михалов — Буковяны, Малороссийцы с батареей в д. Неменице, Астраханцы с 2 легкими и 1 мортирной батареями в дд. Бискупице — Ленжице и Остроленцы в д. Червона - Гура. Уральцы—в д. Голошице.

52. Донской каз. полк, продолжая выполнение своей задачи, в течение дня вел бой спешенными частями с пехотой противника, окопавшейся к востоку от дер. Добрухно, и с утра занявшей д. Вронов. Сотни вытеснили противника из ф. Вержбентовице и ф. Нагоржице, но к вечеру противник усилился и занял пехотой д. Витославице.

На остальном фронте дивизии (Сибирцы и часть Малороссийцев) противник активности не проявлял и лишь передовые части Сибирцев вели перестрелку с неприятельскими разведчиками.

Результаты боя.

Двухдневный бой под Опатовым кончился. Цель, поставленная себе командиром XXV корпуса, была достигнута: Опатовская группа противника, состоявшая из лучших австрийских войск (4, 84. полки, 10, 17. и 25. егерские баталионы 25. дивизии и части 49. полка 4. австрийской дивизии), была разгромлена.

Схема №6
Положение 3 грен дивизии:
- исходное-утр. 5/18 мая
- около 12 час
- к 17 час
- к утру 6/19 мая
- противник
СНЕШКОВИЦЕ
СТРУПИЦЕ
10 гр п
52 Дон п
МОМИНА
ГАРБАЧ
СКАЛА
181 п
ЧЕРВОНА ГУРА
КРАШКОВ
НЕМЕНИЦЕ
10 гр п
БУКОВЯНЫ
ЛЕНЖИЦЕ
ОПАТОВ
ГОЛОШИЦЕ
Г. дв.
Ур к. 5 п
С
Ю
п ИВАНИСКА
15 вер.
п. КЛИМОНТОВ
ПОКРЖИВНИЦА
ТРЖЕШКОВ
СХЫБИЦЕ
НЕЧУЛИЦЕ
ВЕЛИБОРОВИЦЕ
9 гр п
ЧАХОВ
ВЛОХИ
СКАЛЫ
п ВАГНЕВ
ф. Яблонна
ф. Вымыслов
10 гр п
ДОБРУХНО
СЛУПЯ СТАРА
СЛУПЯ НОВА
181 п
ф. Ковальковице
ф. Воржбинтовице
ф. Насоровице
ЯНОВИЦЕ
ВУЛЬКА
ВРОНОВ
ВИТОСЛАВИЦЕ
РОСТЫЛИЦЕ
ЕЛЕНЕВ
ПОПРОЩИЦЕ
НЕСКУРЖЕВ
ПЕТРОВ
52 Дон п.
ПЮРКОВ
6 Ур к п
п. ЛАГОВ
ВШАХОВ

XXXI корпус, еще со $\frac{2}{15}$ мая выдерживавший тяжелый натиск противника, мог свободно вздохнуть и даже выдвинуть вперед 83. дивизию. Командир корпуса, ген. Мищенко, оценив помощь со стороны соседа, телеграфировал командиру XXV корпуса ген. Рагозе: „От частей вверенного мне корпуса приношу нашу глубокую благодарность за оказанную помощь Вашим маневром. Наше положение было поистине тяжким".

Трофеями этого боя были: 99 офицеров и 2853 солдат пленными (из них 27 офицеров и 433 солдата ранеными) и 6 пулеметов.

Наши потери: убитыми 4 оф. и 122 солд., ранеными 16 оф. и 808 солд., без вести пропавшими 47 солд. Всего 20 оф. и 977 солдат.

Этот удар по Опатовской группе не только привел к разгрому 25. австрийской дивизии, но отразился и на всем фронте противника от Илжи до р. Вислы: три дня давившие XXXI корпус превосходные силы противника отступали на всем этом фронте.

Насколько силен был удар по 25. дивизии, можно заключить из того, что пленные офицеры утверждали, будто им ударил во фланг весь XXV корпус. Между тем здесь действовали всего $2^1/_2$ полка (Фанагорийцы, Астраханцы и $2^1/_2$ б-на Малороссийцев).

Положение на фронте 46. дивизии.

На участке 46. дивизии в этот день противник поддерживал непрерывный огонь по всему фронту, а ночью дважды пытался перейти в наступление, но был своевременно останавливаем, после чего атаки прекратил и ночь прошла спокойно.

Вторая часть маневра.

Итак, первая часть задуманного маневра была выполнена; надо было приступить ко второй—разбить Бредова.

Задача 5/18 мая.

На 5/18 мая командир корпуса приказал 3. грен. дивизии нанести удар в направлении на д.д. Слупя Нова—Хыбице; 46. дивизии—наступать сообразуясь с гренадерами (схема №6).

Приказ начальнику 3. грен. дивизии был краток: „маневр на Слупя Нова начните завтра (пятого), действуйте по своему усмотрению. Обязательно обеспечьте себя слева. Генералу Мищенко сообщаю.—Сердечное спасибо за блестящую работу. Передайте героям-гренадерам мое спасибо за лихие бои“.

Командующий армией, в виду наступления XXV корпуса, взял в свои руки развитие успеха на всем левом фланге армии и приказал одновременно с XXV корпусом наступать соседям—Гренадерскому и XXXI корпусам. Обеспечение дороги Лагов—Опатов возлагалось на ответственность XXV корпуса. Генералу Мищенко, получившему задачу своим корпусом наступать на фронт п. Иваниска — п. Климонтов, на запрос его где части XXV корпуса будут к нему „примыкать и связываться“ с его правым флангом, было сообщено, что корпус двигается на Слупя Нова и что у Голошице будет Уральская бригада.

Распоряжение начальника 3. грен. дивизии.

Во исполнение приказа, начальник 3. грен. дивизии решил наступать следующим образом: тремя полками (9. 10. и 181.) на фронт д. Хыбице—п. Слупя Нова, один полк (11.) вести лесом, по хребту Свентокшишских гор, держа его уступом позади и один (12.)—в резерве дивизии, за левым флангом. 52. Донской полк и Уральская бригада должны были обеспечивать дивизию слева, следуя по дороге на Лагов и поддерживая связь с XXXI корпусом. Для уравнения движения приказано было линию ф. Яблонна—д. Струпице — г.дв. Гарбач Скала — д. Яновице пройти в 10 ч. 30 м.

46. дивизия должна была наступать: 184. полк одновременно с 9, а 183. полк—сообразуясь с соседним 184. полком.

Исполнение маневра.

В 10 час. Уральская бригада, выслав с рассветом на фронт д. Попроцице—г.дв. Вшахов—п. Иваниска две сотни для наблюдения, двинулась на д. Пюрков.

52. Донской полк из д. Момина в 7 час. выступил на д. Крашков и по Крашковскому перевалу к выс. 218,з. Оттеснив противника из ф. Ковальковице и д. Вронов и захватив пленных 84. австрийского полка, полк пошел лесом вдоль Свентокшишского хребта к выс. 258,8, имея разведку на фронте д. Вулька—п. Лагов. За отсутствием дорог полк лишь к 16 ч. 30 м.

подошел к д. Петров, где выяснил, что около 14 час. из д. Слупя Нова в п. Лагов прошло около бригады противника.

Фанагорийский полк, выступив из д. Буковяны в $10\frac{1}{2}$ час., вследствие крутого под'ема на хребет при наличии одной только горной дороги, лишь к 14 час. подошел к Крашковскому перевалу, а в 16 час. к Ростылицкому перевалу, где заночевал, выдвинув батальон к горе Щитняк (выс. 258_8). Уральская бригада вела спешенный бой западнее д. Пюрков с жидкими цепями противника, медленно продвигавшегося от п. Лагова.

В 10 ч. 30 м. Остроленский полк, развернувшись на линии г. дв. Гарбач Скала—д. Яновице, начал наступление и к 16 ч. подходил к д. Слупя Стара.

Астраханцы к этому времени перешли к д. Крашков.

Малороссийцы вышли на фронт д. Снешковице—Гарбач Скала лишь к 12 часам, опоздав таким образом на $1\frac{1}{2}$ часа вследствие задержки своих батальонов, шедших из д. Неменице. Развернувшись в боевой порядок, полк наверстал потерянное время быстротою наступления и к 16 часам под огнем артиллерии подходил к горе Хелм.

Сибирцы начали наступление в $10\frac{1}{2}$ час., но так как Малороссийцы задержались, а Сибирский полк подошел уже к р. Покрживянка, то начальник правого участка остановил движение Сибирцев и полк под сильным артиллерийским огнем окопался на линии ф. Вымыслов—Чахов—Скалы. С подходом Малороссийцев полк продолжал наступление.

В это время начальник дивизии приказал „по занятии фронта д. Хыбице—д. Слупя Нова окопаться и ждать дальнейших распоряжений". Приказание это дошло до Сибирского полка в виде приказа остановиться на достигнутом рубеже к западу от д. Покрживница—д. Велиборовице—д. Влохи. Из-за остановки Сибирцев приостановились и Малороссийцы и в лес на горе Хелм были направлены только разведчики. Но так как полк обстреливался немцами с севера, то командир полка повернул батальон на высоте 148_5 фронтом на север.

Взятые у д. Слупя Стара пленные немцы принадлежали к 23. ландверному германскому полку. Это сведение, в связи с проходом бригады пехоты на п. Лагов, указывало, что к противнику успели подойти части 4. ландверной германской дивизии, бывшие на фронте Гренадерского корпуса. Стало ясно, что момент был упущен; в лучшем случае корпус мог теперь только оттеснить немцев с занимаемой линии, но на разгром Бредова уже нельзя было расчитывать.

И действительно, дальнейшие попытки в течение двух дней перейти в общее наступление для занятия линии дд. Ржепин—Хыбице—Слупя Нова приводили лишь к частичным успехам, но выполнить задачу в целом не удавалось. Особенную трудность представляло овладение селением Слупя Нова. В виду неудачных попыток захватить его днем, решено было атаковать ночью, следующим образом: двум батальонам Астраханцев, при проводниках от Остроленского полка, в ночь на $\frac{7}{20}$ мая выдвинуться по балкам за левый фланг Остроленцев, затем, повернув фронтом на костел, наступать на Слупя Нова. Как только продвинутся Астраханцы, вместе с ними атаковать и Остреленцам.

Прошедшая накануне гроза сильно испортила глинистую почву и дороги стали труднопроходимы. Наступил рассвет, а Астраханские батальоны не показывались. Остроленцы начали медленно подвигаться на п. Слупя Нова. Оказалось, что Астраханцы сбились с дороги и попали в д. Вулька; отсюда повели наступление на п. Слупя Нова, но, обстрелянные слева и с тыла, к утру отошли к д. Еленев. Таким образом ночная атака п. Слупя Нова не состоялась.

Приостановка наступления.

Видя, что взятие п. Слупя Нова не принесет существенных результатов, что корпус понесет лишь бесполезные потери людьми и израсходует патроны, командир корпуса приказал наступление прекратить и утвердиться на занятых местах.

Общий отход.

Вслед за тем было получено приказание — армии, в виду отхода соседней 3. армии, отойти на Радомские позиции, и корпус в ночь на 8 мая должен был начать отход на свою прежнюю линию. С отходом корпуса противник начал рокировку влево и стал группироваться у п. Васнев Непосредственная помощь XXXI корпусу становилась уже излишней.

Результаты боев $\frac{3}{16}$—$\frac{8}{21}$ мая.

Итак, маневр, задуманный командиром XXV корпуса и проведенный в жизнь с 3/16 по 8/21 мая, дал следующие результаты:

1) Противнику не удалось иметь успеха на фронте XXXI корпуса, где сосредоточил превосходные силы, и, наоборот, XXXI корпус получил возможность сам перейти в наступление.

2) Совершенно была разбита одна из лучших австрийских дивизий (25.).

3) Противник вынужден был снять с фронта 3. армии 41. гонведную дивизию.

4) С фронта Гренадерского корпуса были сняты части 4. ландверной дивизии и 7. австрийской кавалерийской дивизии.

Таким образом активное маневрирование одной только дивизии в то время, как прочие войска армии занимали оборонительное положение, оказало помощь не только соседним корпусам, но и соседней армии, и если при этом не удалось разбить и дивизию Бредова, то об'яснение надо искать в тех условиях, которые помешали правому флангу XXXI корпуса (83. пех. дивизии) в первые дни боя быстро продвинуться вперед. Если бы 83. дивизия 3/16 мая могла перейти в наступление, если бы она не остановилась 4/17 мая в 13 часов у д. Кобыляны, задержавшись до 17 часов, — 3. грен. дивизия раньше освободилась бы для манерва против Бредова и противник не успел бы усилиться частями 4. ландверной дивизии. Результаты были бы еще более значительные [1]).

Во всяком случае наступательный порыв и решительные действия XXV корпуса в дни общего отхода армии заслуживают быть отмеченными, как положительный образец активной обороны и взаимной выручки.

Приложения—6 схем:

№ 1 — Общая обстановка на фронте 4. армии в апреле 1915 г.
№ 2 — 1) Положение XXV корпуса к вечеру 2/15 мая.
2) Исходное положение 3. грен. див. к 15 ч. 3/16 мая.
№ 3 — Наступление 3. грен. дивизии 3/16 мая.
№ 4 — Действия 46. пех. дивизии в бою 3/16 мая.
№ 5 — 1) Положение 3. грен. дивизии в ночь на 4/17 мая.
2) Наступление 3. грен. дивизии 4/17 мая.
№ 6 — Положение 3. грен. дивизии 5/18—6/19 мая.

А. Гришинский.

---

[1]) Редакция полагает, с своей стороны, что неполный разгром австрийцев, а, следовательно, и безрезультатность маневра против немцев—до известной степени зависели также и от направления, данного ударной группе на 4/17 мая: будь последнее взято западнее, то часть 10. и 12 гр. полки не ударили бы впустую, как это вышло в действительности, а приняли бы участие в бою совместно с Фанагорийцами. *Ред.*

Борьба за укрепленные позиции в условиях русского театра военных действий.

Митавская операция 1916—1917 гг.

I. Цель изучения операции.

Митавская операция (декабрь 1916 г. и январь 1917 г. ст. ст.), несмотря на чисто частное ограниченное ее значение, очень характерна, как опыт боевых действий позиционного периода войны при наиболее типичных условиях нашего театра военных действий.

С осени 1915 года установившийся у нас позиционный период застал нас бедными не только в смысле техническом, но и в смысле опыта боевых действий позиционной войны. Вместе с тем установившееся затишье дало возможность энергично приняться за работу подготовительную к будущим боевым действиям.

В это время на западе приемы позиционной борьбы достигли уже значительного совершенства. Желание использовать уже выработанное союзниками привело нас к увлечению их методами и в значительной степени к слепому подражанию.

Между тем такое подражание безусловно для нас не было приемлемо: недостаток технических средств, обширность пространств, отличные от западного театра условия местности и недостаточно развитая сеть железных дорог — все это давало по существу совершенно другие условия позиционной войны, а следовательно и подлежало, учитывая их, выработать свои оригинальные приемы позиционной борьбы.

Хотя и пересеченная, но открытая местность театра западного фронта давала союзникам полную возможность развить технику борьбы.

С другой стороны, благодаря незначительным протяжениям театра, даже сравнительно неглубокие проникновения

вглубь расположения противника, в особенности если они были комбинированные, уже давали значительные преимущества атакующему и влекли за собой очищение обороняющимся целых участков фронта.

Ничего подобного нельзя было наблюсти на нашем фронте при малейшей сопротивляемости со стороны противника.

Если вообще на западном фронте продвижение хотя бы на 50 верст вглубь расположения противника считалось важным успехом и его можно было развить своевременной подачей резервов, то такое продвижение у нас, скажем, в районе Двинского плацдарма никакого ощутительного выигрыша для войск Рижского плацдарма не давало. Об'ясняется это значительной удаленностью районов друг от друга и мало развитою сетью всяких связующих дорог у обеих сторон, что исключало своевременную переброску войск из одного района на усиление другого и подачу резервов из глубины.

Между тем у наших высших инстанций был излюбленный способ, основанный исключительно на теоретических измышлениях, организовать прорывы на нескольких участках, разделенных между собой сотнями верст, как будто между ними могла существовать какая-либо связь.

Если такая организация имела еще оправдание по отношению нескольких фронтов, то в пределах одного фронта это безусловно лишь приводило к рассредоточению наших и так слабых сил. Выгод же это никаких не давало, ибо введение в обман противника этим способом никогда не удавалось. Отчасти это об'ясняется и боязней контр-ударов противника.

Такое рассредоточение сил приводило к сужению участков прорывов, что, в свою очередь, лишь облегчало противнику их парализовать.

Если на западном фронте благоприятные условия местности и богатство техники позволяло рассчитывать на „откусывание" определенных участков позиций противника, то такие рассчеты у нас на технику не находили себе никакого оправдания в силу ее слабости.

Значительное увлечение „огнепоклонничеством" по примеру Запада, в связи с малым количеством у нас удобных для применения огня участков местности, приводило к выбору более открытых узких фронтов прорывов и к шаблону действий.

В действительности обстановка на наших фронтах (в особенности на северном и западном), благодаря главным образом скрытой и труднодоступной местности и обширным протяжениям, требовала самого широкого комбинирования способов

действий и применения маневра. Лишь гипноз веяний с запада и неучет особенностей нашей обстановки повели к тому, что на фронтах (северном и западном), против которых стоял более боеспособный противник, наши наступательные операции неизменно оканчивались неудачей.

Изучение Митавской операции именно интересно с указанной точки зрения, т.-к. энергия и боевой инстинкт командующего 12 армией генерала Радко-Дмитриева, не могущего примириться с тем, что мы не могли прорвать по существу слабый фронт противника, провели эту операцию с широкой инициативой в смысле комбинирования способов действий и маневра.

Кроме такого общего значения, изучение Митавской операции поучительно и для участников ныне происходящих боевых столкновений, т.-к. дает целый ряд примеров не шаблонной борьбы за укрепленную позицию, а самой разнообразной обстановки, дававшей исполнителям полную возможность проявить инициативу и способность к маневрированию.

II. Краткая характеристика местности и позиций района действий.

Вся Митавская операция, как наступательная, так и оборонительная, протекла в районе так называемого Рижского плацдарма и была последней с нашей стороны попыткой прорвать на этом направлении позиции противника, занимаемые им с осени 1915 года.

С осени же 1915 года Рижский плацдарм постоянно занимал внимание наших высших инстанций, т.-к. он по отношению всего прочего Северного фронта, тянувшегося по р. Зап. Двине, как бы охватывал левый фланг противника и давал выгодное нам исходное положение для развития операции в направлении Митава—Шавли, в глубокий тыл противника.

Соответственно такому общему значению Рижского плацдарма его частные направления можно охарактеризовать так:

1) Митавское шоссе, прорыв по которому и овладение Митавой нарушало сообщения всего тыла фронта немцев вплоть до Якобштадта.

2) Бауское шоссе или Кеккауское направление обращало всегда наше внимание, т.-к. наши действия здесь выводили нас к железной дороге Митава-Якобштадт, т.-е. давали нам преимущества, аналогичные с преимуществами захвата Митавы.

Кроме того это направление в смысле обороны для нас было наиболее угрожающим, ибо немцы, развивая здесь действия, подрубали весь Рижский плацдарм в его основании.

Противником вполне были учтены особенности этих направлений и его позиции были сильно развиты в их районах.

Все бывшие наступательные попытки с нашей стороны в 1915 и 1916 годах производились на Кеккауском направлении и неизменно терпели неудачу. Местность на этом направлении лесисто-болотистая, неблагоприятная для артиллерийской подготовки. Немцы же оборону обосновали на слабой первой сторожевой линии, подверженной артиллерийскому огню и сильной лесного характера позиции (ряд пулеметных блокгаузов, соединенных деревянными насыпными брустверами) в глубине, с самым ограниченным обстрелом, но зато неуязвимой для артиллерии. Нами применялся шаблонный, по западному образцу, с сильной артиллерийской подготовкой, способ прорыва, но так как главная позиция противника была неуязвима для артиллерии, то наше движение замирало само собой, не имея технических средств для прорыва линий блокгаузов. Орудий ближнего боя у нас почти совсем не было и техника ближнего боя пехоты за точки местности не была усвоена.

3) Кеммерн-Туккум. Это направление не могло привести к каким-либо существенным результатам и серьезных действий мы на нем не развивали.

4) Наконец, вспомогательными по отношению Митавского направления могли служить направления действий вверх по реке Аа по обоим ее берегам. Эти два направления и были главной ареной действий в Митавскую операцию.

При подготовке к Митавской операции были учтены не только причины неудач предыдущих наступлений, но и вообще свойства местности и сила позиций противника.

Именно на основании учета этих данных генерал Радко-Дмитриев пришел к глубокому убеждению, что особенности нашей обстановки, не только Рижского плацдарма, но и всего фронта не допускают чистого подражания действиям на западе.

Действительно, как видно будет из дальнейшего изложения, обстановку Рижского плацдарма следует считать характерной для большей части нашего всего фронта, а потому и выводы по Митавской операции получают общее для нас значение.

При подготовке Митавской операции и при выборе направлений, главным образом, учитывалось, что мы никогда не можем быть настолько богаты артиллерийскими средствами, чтобы огнем действительно пробить достаточной ширины брешь

в позициях противника для развития в дальнейшем маневра. Поэтому необходимо для атаки наметить такой участок позиций противника, который позволил бы соединить нам внезапность нападения с наилучшим и наиболее продуктивным использованием имеющихся у нас артиллерийских средств. Намеченная нами для атаки позиция противника должна состоять из ряда слабо укрепленных участков, чередующихся с более сильно укрепленными опорными пунктами. Тогда ограниченные артиллерийские средства, будучи сосредоточены против опорных пунктов, должны одновременно с внезапной нашей атакой на слабо укрепленные участки, своим огнем подавить всякую сопротивляемость и проявления жизни в районе опорных пунктов, иначе говоря, должны приковать к месту их гарнизон.

Весь атакованный нами в Митавскую операцию фронт, от болота Тируля до Митавского шоссе включительно, представляет из себя лесистую полосу, разделенную рядом болот и имеющую в некоторых районах песчаные бугры.

Наиболее важные болота, проходимые для боевых порядков лишь после замерзания, таковы: 1) Болото Тируль, 2) Болото между лесн. Мангель и песчаными буграми у Ледннга, 3) Болото восточнее лесн. Мангель и 4) Болото северо-восточнее лесн. Яунзем.

Песчаные бугры имеются в районах: а) по восточному берегу болота Тируль; б) Нейн—лесн. южнее Блоднек—Кальнцем, при чем район Нейн—Ледииг—бугры у отметки 0,7 получил от войск название „Язык", а бугры северо-западнее той же отметки 0,7 назывались Пулеметными горками немецкой и русской; в) лесн. Мангель—Прасло; г) в районе юго-восточнее дороги лесн. Зельтин—Жибус, при чем северо-восточный конец этой дороги упирался в районе наших позиций в так называемую „Спорную горку".

Соответственно такому характеру местности должны были быть намечены следующие естественные рубежи, на которых мы имели бы возможность закрепиться при хороших условиях для упорной обороны захваченного у противника пространства, в случае приостановки нашего наступления.

На западном берегу реки Аа таковым рубежом была бы линия от болота Тируль на Виркне-Мурнек; до этой линии рубежа нет вследствие большой густоты леса, требующей значительного времени для устройства боеспособной позиции и организации артиллерийского наблюдения.

На восточном берегу реки Аа рубежи таковы: 1) Ледниг-Пулеметная горка; 2) Примерно 1 верста южнее лесн. Мангель—район Скангель, Прасло,—район лесн. Дешуп; 3) Спорная горка—Жибус; 4) четвертым естественным рубежом должна была бы послужить р. Миссе от устья р. Эккау у мз. Паулсгнаде вверх по течению до мз. Олай, но самый факт подхода нашего к указанному участку реки настолько обозначал бы наш успех, что противник едва ли смог бы на этой линии нас задержать с целью организовать контр-наступление. Таковы рубежи при условии развития наших действий в юго-восточном направлении, в юго-западном же направлении наше продвижение естественно должно было докатиться до р. Аа, чтобы затем согласовать свои действия с действиями войск, оперирующих на западном берегу этой реки.

Намеченные рубежи совпадают с более сухими полосами местности, дают нам при их занятии скрытый или маскированный тыл, что является главенствующим условием обороноспособности позиций. Как видно по карте, сеть дорог в этом районе совпадает с расположением более сухих полос местности. Это обстоятельство необходимо было учесть, т.-к. естественно наши наступающие части быстрей распространялись бы вдоль дорог, в виду большей доступности местности.

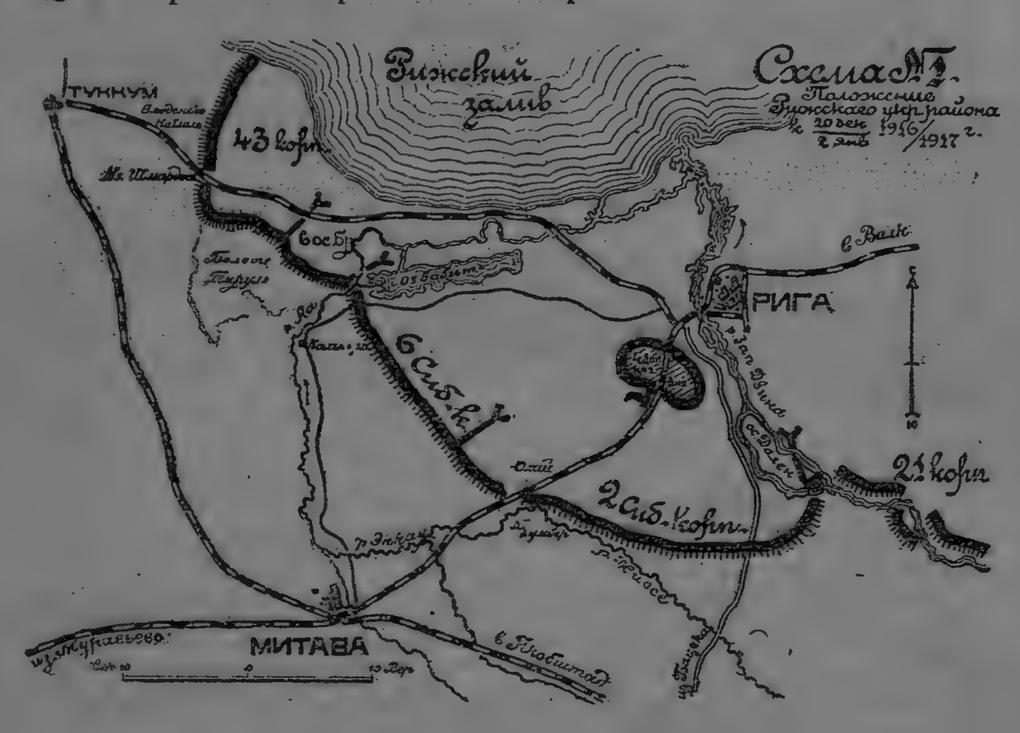
На восточном берегу р. Аа позиция противника, по бывшим у нас до операции сведениям, имела сильно укрепленные узлы сопротивления: 1) фронт Нейн-Пулеметная горка; 2) лесн. Мангель; 3) очень сильная группа немецких позиций по обеим сторонам Митавского шоссе у мз. Олай. Определенных сведений о вторых и третьих полосах противника не было.

На западном берегу р. Аа противник укрепил свой район типичной лесной позицией с завалами, засекой, проволочными заграждениями и фланкирующими блокгаузами, причем намечалось на направлении лесн. Зильбер-Рон три линии. Все эти три линии обходились с запада через лесной мыс, называемый Лисий нос, при чем пришлось бы форсировать две гораздо более слабые линии.

III. План наступательной операции.

Схемы № 1 и 2.

Цель операции и основания ее плана выражены в следующем оперативном приказе по 12 армии:

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ

12-й армии — Секретно. 20404.

№ 010521/1.

Карта 2 в. в. Д. — „22“ час. 30 мин. 20 декабр. 1916 г. [1]).

По имеющимся сведениям противник, значительно ослабив свои силы на фронте нашей армии, занимает свои укрепленные позиции жидкими частями без существенных резервов в тылу.

Вверенной мне армии приказано атаковать противника на участке болото Тируль, Кагги, Нейи, лесн. Мангель мз. Олай, с целью сбить его с занимаемых позиций, прорвать его расположение и маневром в открытом поле отбросить за реки Эккау и Аа.

ДЛЯ ЧЕГО:

1) XLIII арм. корпусу, без двух полков 110. пехотной дивизии, прочно занимать участок фронта от берега моря до восточной окраины болота Тируль, обеспечивая правый фланг отряда генерала-майора Лебединского. В ночь с 22 на 23 декабря между 2—6 часами атаковать участок Бледенек-Катлап с целью приковать противника на фронте корпуса, а если возможно захватить часть неприятельской позиции.

[1]) Числа в приказе по старому стилю.

2) Отряду генерал-майора Лебединского, в составе 6. особой бригады, 440. пехотного полка и артиллерийской группы полковника Мельницкого атаковать участок неприятельской позиции между восточным берегом Тирульского болота и левым берегом р. Аа, с целью отбросить противника на юг, захватить переправу у мз. Кальнцем и, заслонившись справа, быть готовым действовать дальше в направлении на юг по левому берегу р. Аа к Митаве. Поддерживать тесную связь с левым флангом XLIII арм. корпуса, а по выходе к переправе у Кальнцема, установить связь с латышскими частями.

Начало решительных действий в 5 часов 23 декабря.

3) VI-му Сибирскому корпусу, с приданной ему тяжелой артиллерией, с 2. латышскими стрелковыми бригадами, решительно атаковать противника на участке от кладбища Нейн до правого фланга II-го сибирского корпуса. Участок Нейн—Пулеметная горка атаковать при содействии всей тяжелой артиллерии, после достаточной артиллерийской подготовки; позицией же противника к юго-востоку от Пулеметной горки попытаться овладеть решительной внезапной атакой, поддержанной заградительным огнем легкой и части тяжелой артиллерии.

Начало атаки в 6 часов 23 декабря.

4) II-му Сибирскому корпусу с приданной ему тяжелой артиллерией, прочно удерживая участок от дв. Бумбер до р. Двины у острова Далена (Стык с XXI арм. корпусом) и, приковывая здесь внимание противника, собрать в районе мз. Гренгоф-Бумбер-Стурич группу не менее 16 батальонов, которую назвать Олайской группой. С началом действий VI-го Сибирского корпуса эта группа мощным артиллерийским огнем подготовляет атаку неприятельской позиции по обе стороны Митавского шоссе. После прорыва VI-го Сибирского корпуса в районе Мангель, Олайская группа переходит в решительное наступление с целью облегчить маневр VI-го Сибирского корпуса к Митаве, заслонить его левый фланг со стороны Мисси и согласовать свои действия с последним.

5) XXI-му армейскому корпусу, прочно удерживая свои позиции на Двине, попытаться частичными активными действиями со стороны Икскюля, а если состояние льда на Двине позволит, то и в других местах, приковать противника к ныне занимаемым позициям и не позволить ему перебрасывать свои силы к Митаве. Иметь два пехотных полка в армейском резерве в районе Скрипте-Анненгоф с тем, чтобы в случае надобности незамедлительно перебросить их, по моему требованию, в Рижский укрепленный район. Связь полков армейского резерва через Штакор XXI арм.

6) Армейский резерв: два пехотных полка XXI арм. корпуса, 438. пехотный полк, 4. отд. кавалерийская бригада без конной батареи и спешенного дивизиона и 4. Донская казачья дивизия без конно-артиллерийского дивизиона. 438. пех. полку, оставаясь на ныне занимаемых местах и, держа связь через Штакор XLIII арм., быть в полной готовности выступить по первому моему приказанию. 4. отд. кавалерийской бригаде, держа связь через Штакор VI сиб. (в Майоренгофе), в полной готовности сосредоточиться к 8 час. 23 декабря у моста Кисс. Полкам 4. Донской дивизии сосредоточиться к рассвету 23 декабря в районе Торенсберг-Ф. Земерфельд-мз. Катрinненгоф-пастор. Катлекальн и быть готовым утром 23 декабря выступить по первому моему приказанию. Штадив в Торенсберге, держа связь со Штарм 12.

7) Я буду находиться в Риге, куда и посылать все донесения.

8) Заместители: генерал от инфантерии Васильев и генерал-лейтенант Новиков.

Подлинный подписали: Командующий армией Генерал-от-инфантерии Радко-Дмитриев и вр. и. д. Начальника Штаба армией генерел-майор Соковнин.

Соответственно приведенному приказу группировка войск была такова: На фронте главного удара от Нейн до болота с отметкой 6,3 (ок. 15 верст) сосредоточено в Бабитской группе 48 батальонов, коим придано орудий: легких—90, 48 линейных гаубиц—36, 42 лин.—16, типа 6 дм.—50, 8 дм.—4, 11 дм.—2, 12 дм.—10

На флангах этого фронта главного удара сосредоточено: на правом—Одингская группа в 10 батальонов плюс 4 баталь-

она армейского резерва, 16 легких, 4—42 линейных и 8—20 сантиметровых орудий, этой группе должна была также оказывать помощь часть тяжелой артиллерии Бабитской группы находящаяся на левом берегу Аа; на левом фланге Бабитской ударной группы было сосредоточено в Олайской группе: 20 батальонов, 40 легких, 4—48 лин. гауб., 32—6 дм. 8—42 лин. и 2—8 дм. орудий.

К моменту начала операции имелись следующие сведения о силах противника: на фронте от болота Тируль до мз. Олай включительно — 3 б., 427 п., 3 б. 49 лв. п., Лш. б. Познань IV, 16-й Лш. б., 3 б. 10 Лш. п. 3 б. 34 Лдв. п.; в районе Митавы в резерве: Гв. рез. стр. б-н, 4-б. 133 Лдв. п., 12 уланский п. 4 эск.; южнее болота Тируль в резерве 261 рез. п.. Всего— 19 батальонов и 4 эскадрона.

Прежде чем перейти к изложению сути распоряжений частных начальников необходимо дать несколько основных выводов по общему плану операции.

Из группировки сил видно, что на фронте около 30 верст, нами было против 19 батальонов противника сосредоточено 82 б-на.

Если бы при таком соотношении сил в маневренной войне столкнулись бы два отдельных отряда, то безусловная победа более многочисленной стороны, казалось, была обеспечена.

Другое дело, если мы сосредоточили хотя бы и такие же превосходные силы, но только против некоторого участка более обширного фронта противника. В таком случае необходимо учесть, что разбитый нами в первый момент противник, в дальнейшем, по мере подхода его резервов, будет оказывать все большее сопротивление и возможно, что атакующий в известный момент не найдет в себе достаточно моральной и физической силы для дальнейших действий и тогда ему придется напрячь усилия, чтобы сохранить за собой захваченное, дабы не лишиться результатов победы.

Выходом из такого положения может послужить лишь проведение в чистом виде борьбы на уничтожение с первого же момента атаки не только в физическом смысле, но и в смысле нравственного потрясения противника.

На западе успеха в такой борьбе на уничтожение стремились достигнуть богатейшим развитием техники, но достигли его фактически лишь после нравственной катастрофы в германской армии.

Наши успехи на юго-западном фронте об'ясняются малой сравнительно с нами боеспособностью австрийцев.

Схема №2
к приказу 12 армии
№ 010521/1.
м. Шлок
438 п.
4 отд. кавк. бриг.
Озеро Бабит
Бабитская группа
6 сиб. корп-с
Тргнч
Блоднек
Висман
Осинтская группа
427 п.
49 лв. м.
11, 12 сиб. п-ки
2 латыш. бр.
Лисий Нос
Витинг
Огле
Мурне
Цекини
Нейман
лат. бр.
Стразден
Гарканайз
Скангель
Лунзем
55, 56 сиб. п-ки
Олайская группа
полк
Парак
Кибис

Возникает вопрос — какими данными надлежало руководствоваться при действиях против вполне боеспособного и склонного к маневрированию противника, отбрасывая вместе с тем возможность для нас подавления его по преимуществу техническими средствами.

Главнейшей, если почти не единственной, данной в этом отношении является понятие о боевой упругости частей. Эта данная получила особенное значение в позиционный период кампании, когда кадровые армии по существу уже обратились в милицию.

Степень боевой упругости частей зависит: от морального облика в боевом смысле личного состава и от обученности последнего, в смысле легкости управления им в бою.

Для победы не имеет значение стимул, из которого исходит моральный дух бойца, важно лишь, чтоб он был главенствующим для всех и развивал бы стремление к „Суворовскому" натиску. Особенность боевых действий милиционных частей требует от начальников всех степеней полного понимания морального состояния своих подчиненных и знания опасных для их морального духа явлений. Этими данными и должно руководствоваться управление.

Обученность милиционных частей, главным образом, зависит от уровня культурности, физической выносливости и степени развития способности к самостоятельным действиям. От последнего зависит возможность действовать более мелкими частями и на широком фронте, или необходимо работать крупными, собранными в кулак соединениями.

К сказанному необходимо добавить, что при милиционном характере частей все начальники должны обязательно учитывать, все, казалось бы, мелочи тактической обстановки, ибо последние могут такое оказать влияние на ход действий, что спутают любые глубокомысленные стратегические рассчеты.

При разработке плана Митавской операции все сказанное должно было получить следующее практическое применение.

Уже было указано, что на фронте около 30 верст с нашей стороны было сосредоточено 82 б-на и цель действий им была указана — отбросить противника за линию р. р. Аа и Эккау.

Помимо того, что в будущем фронт атаки должен был все время увеличиваться, что борьба при прорыве должна вестись всегда на три стороны, следовало еще учесть потери, утомление боем при зимней обстановке, необходимость усиленных работ по укреплению новых позиций.

Все эти данные, при условии действий в лесу, после надлежащего их учета должны были привести к убеждению, что собранных сил лишь хватит для первого удара. Для продолжения же его понадобятся свежие силы.

Такой вывод станет еще более ясным, если мы постараемся учесть степень боевой упругости дравшихся частей.

В бою на фронте атаки участвовали следующие части: 110. дивизия, 6. особая бригада, 3. сибирская стрелковая дивизия, 1. и 2. латышские бригады, 14. сибирская стрелковая дивизия и 5. сибирская стрелковая дивизия.

Из этих частей наибольшим моральным под'емом обладали латышские части, одухотворенные ненавистью к исконному врагу—немцам, дравшиеся за обладание своей родною землею. Из прочих частей лучшими по боевой стойкости следует считать 3 и 5 стрелковые дивизии (хотя в последней был случай в одном батальоне отказа итти в наступление). Личный состав прочих дивизий не имел за собой серьезного боевого испытания.

В смысле обучения наиболее низко следовало оценивать 6. особую бригаду и 110. дивизию, в особенности первую, только недавно сформированную.

Таким образом, более или менее серьезно подготовленными к бою следовало считать лишь 48 б-нов, по отношению прочих возможно было ожидать всяких случайностей, т. к. должного порыва и искусства в маневрировании они дать не могли.

Из 48 лучших батальонов в Бабитской группе на фронте главного удара в первой атаке принимало участие 16 батальонов латышской сводной дивизии и 8 б-нов было взято из резерва (9. и 10. сиб. стрелк. полки), прочие 16 батальонов были в составе демонстративной по существу своих действий Олайской группе и против фронта Нейн-Пулеметная горка 8 б-нов (11. и 12. сиб. стрелковые полки).

Ранее было указано, что борьба с первого же момента должна вестись на уничтожение.

Приведенные цифры показывают, что такого результата едва ли можно было ожидать в таком размере, дабы своими действиями отбросить противника на фронте хотя бы Бабитской группы (15 в.) за р. Аа, находившуюся в 8—16 верстах от наших позиций.

Итак, по существу, если вникнуть в детали обстановки, оказывается, что и бывшее четвертное превосходство несоответствовало поставленной цели.

В данном случае, несоответствие сил поставленной цели действий явилось следствием, главным образом, распоряжений Главнокомандующего.

Дело в том, что оттеснение противника за р. Аа неизбежно могло быть выполнено лишь с захватом Митавы, а последнее имело уже стратегическое значение для всего северного фронта, ибо давало значительные стратегические преимущества его правому флангу. Такая постановка вопроса делала Митавскую операцию, операцией всего северного фронта, а не частной операцией 12 армии. При этом условии отказ фронта от предварительной подачи резервов к Риге неправилен и был стеснителен для командующего 12 армией, ибо возлагая на него определенную задачу, не давал требуемых средств.

Изложение хода операции покажет, что можно было задаться лишь более узкой задачей—частичного, тактического улучшения наших позиций, к чему операция в окончательном результате и свелась (за нами остался район „Языка").

Неправильность распоряжений главнокомандующего вполне подтверждается и тем, что после начала операции фронтом было все-таки подвезено три дивизии, но они расходовались уже не для наступательных целей, а для обеспечения нашего положения на Рижском плацдарме от случайностей.

Не оказало ли влияние на результат борьбы длина фронта атаки — около 30 верст?

На этот вопрос возможно ответить лишь отрицательно.

Фронт атаки, как это указывалось выше, был выбран вполне соответственно обстановке. Он не только позволял нам комбинировать способы атаки, но и обеспечивал вполне возможность провести после прорыва согласованное между колоннами маневрирование, ибо имел естественные, если можно так выразиться, фланги, т. к. шириной своей захватывал все направления, могущие привести к главному предмету действий—Митаве. Правый фланг естественно обеспечивался болотом Тируль, при условии использования маневренного значения Мурнекского направления, а левый должен был обязательно захватить Олайскую группу позиций противника, ибо прочно обеспечить за собой Митаву можно было лишь по овладении этой группой.

Правильное определение естественных флангов наших действий является также необходимым условием успешности действий в современном бою.

Итак, необходимо: 1) вести борьбу на уничтожение, 2) учитывать все время степень боевой упругости частей, 3) иметь естественные фланги не только в смысле обеспеченности правильного развития действий, но и в целях использования наиболее выгодных направлений для маневра и комбинирования способов действий, — вот данные, которые дает предварительный разбор плана операции.

Характерность этих данных для действий в условиях нашего фронта вообще и возможность проследить их влияние в течение всей операции принудило, для ясности дальнейшего изложения, сделать предварительный разбор плана операции теперь же.

Частные распоряжения начальников групп свелись к следующему.

В Одингской группе (генерала Лебединского — 6. особая бригада и 440. полк 110. дивизии) решено было атаковать лобовым, внезапным ударом перед рассветом с небольшим охватом вдоль песчаных бугров по восточному берегу болота Тируль. Лисий нос (севернее Виркне), как подступ использован не был, хотя состояние болота Тируль позволяло передвижение по известным нам тропам.

В Бабитской группе к-ра VI сибирского корпуса, генерала Васильева правая атакующая колонна (8 б-нов) генерала Триковского—11. и 12. сибирские стрелковые полки—должна была использовать в полной мере артиллерийскую подготовку для атаки фронта Нейн-Пулеметная горка. Средние две атакующие колонны (всего 16 б-нов генерала Миссина—1. и 2. латышские стр. бригады) должны были внезапным ночным нападением прорвать позицию противника по обе стороны лесн. Мангель. Левая атакующая колонна (8 б-нов генер. Довбор Мусницкий 1,—55. и 56. сибирские стрелковые полки), должна была прорвать позицию противника на участке, к которому сходятся дороги от лесн. Зельтин и лесн. Яунзем.

В резерве группы было 16 б-нов, из коих 4 батальона (10. сибирский стрелковый полк) к началу атак находились южнее Нейман, а прочие (9., 53. и 54. сибирские стрелковые полки) в районе ф. Цененгоф-Лац, т.-е. около 2 часов ходу до мест назначенных прорывов.

Направления для действий после прорыва неприятельских позиций были даны: с фронта Нейн-Пулеметная горка на Лединг-Кальнцем; от прорыва северо-западнее лесн. Мангель на ф. Кливенгоф; левая колонна имела направление на фронт

Яунзем-Жибус, с обязательством держать связь с Олайской группой.

В Бабитской группе была образована отдельная группа тяжелой артиллерии, которой была поставлена задача: подготовить атаку на фронт — Нейн-Пулеметная горка частей правой колонны и атаку мз. Кальнцем частями колонны, прорывающейся северо-западней лесн. Мангель. Открытие огня этой группы по распоряжению ее начальника, но не ранее рассвета.

Приказом по армии Олайской группе была поставлена задача: — после обозначившегося успеха Бабитской группы и после мощной артиллерийской подготовки прорвать позицию противника и обеспечивать левый фланг Бабитской группы при ее продвижении вперед. В развитии этого приказания начальник Олайской группы получил приказ (командира II сибирского корпуса генерала Гандурина), по которому следовало артиллерийский огонь открыть после начала серьезного огня в Бабитской группе, атаку произвести после обозначившегося успеха в Бабитской группе, однако, во всяком случае, до рассвета овладеть первой линией окопов противника, затем совместно с частями Бабитской группы наступать до линии лесн. Яунзем-Паракс.

В заключение необходимо отметить, что обстановка для нас сложилась исключительно благоприятная:

1) Громадное превосходство в первый момент в живой силе над противником в районе главного удара.

2) Слабость укреплений противника между узлами сопротивления, значительные расстояния между последними, малая вероятность наличия вторых и третьих полос позиций противника.

3) Широкий фронт атаки, обеспечивающий развитие успеха, т. к. сила сопротивления противника рассредоточивалась.

4) Комбинирование способов атаки (ночные, внезапные удары и удары после артиллерийской подготовки) обеспечило уверенность в удаче хотя бы в одном месте, которую легко будет развить резервами и маневром, ибо противник связан на широком фронте действительно серьезными действиями, а не демонстрациями.

5) Внезапность нашего нападения была обеспечена: скрытностью подготовки, в которой участвовало строго ограниченное число лиц; возможно лучшей моральной подготовкой частей, воспитанных доблестью своего командующего армией в духе необходимости стремительного движения вперед с полным

самозабвением; удачным выбором времени—накануне Рождества Христова и при первом же замерзании болот, когда это не могло быть еще учтено немцами.

Неблагоприятными данными обстановки следует считать: холодное время; почти полное отсутствие горячей пищи в частях, ведущих бой; невозможность войскам быстро окопаться на местности носимым шанцевым инструментом, благодаря в некоторых случаях мерзлой почве, а в других случаях близости подпочвенной воды.

IV. Обзор боев наступательной операции.

Схема № 3.

23 декабря.
5 января.

В XLIII корпусе перед рассветом, части 109. дивизии прорвали проволочное заграждение на фронте Бледенек-Катлап и, сбив заставы, частью ворвались в окопы противника, частью залегли перед ними. С наступлением рассвета атаковавшие роты были оттянуты назад и начат артиллерийский обстрел окопов противника.

В группе генерала Лебединского, начальника 6. особой бригады, внезапная лобовая атака, несмотря на неоднократные попытки ее повторить, успеха не имела. Полкам пришлось под сильным, ружейным и пулеметным огнем преодолевать завалы и проволочные заграждения.

Артиллерия не могла разбить завалы, т. к. они состояли из поваленых цельных деревьев, оплетенных проволокой. Для устройства проходов необходимо было просто растаскивать деревья. Необходимо отметить, что энергия атаки не была на должной высоте; вследствие этого намеченный обхват по восточному берегу болота Тируль не был фактически осуществлен и не оказал никакого влияния на бой.

Главные события дня произошли в VI сибирском корпусе, где фронт противника был прорван в трех местах: 2. латышская бригада полковника Аузан прорвала северо-западнее лесн. Мангель; 1. латышской бригаде генерала Мисина (он же временно командующий сводной латышской дивизией) удалось прорвать позиции противника юго-восточнее лесн. Мангель; 55. и 56. Сибирские стрелковые полки прорвали фронт противника в районе Спорной горки.

О прорыве на фронте латышских бригад в Штакоре донесения были получены в 6 часов 20 минут и в 6 часов 50 минут, а о прорыве в районе Спорной горки стало известно в 7 часов 25 минут.

Командиром корпуса расходование корпусных резервов было произведено в следующей последовательности; 1) 10. Сибирской полк был передан в распоряжение начальника 2. латышской стрелковой бригады (из этого полка у полк. Аузана остался один батальон, остальные поступили к ген. Мисину) в 23 часа 25 минут 22 декабря (4 января). Полк выступил в 4 часа 23 декабря (5 января) из района ф. Цененгоф и к 9 часам уже находился в районе южнее Нейман.

2) 9. Сибирский полк в 9 часов 40 минут 23 декабря (5 января) получил приказание командира корпуса перейти в распоряжение начальника сводной латышской стрелковой дивизии генерала Мисина. В 10 часов 50 минут 9. полк выступил из Цененгофа и к 12 часам 30 минутам был у Штаба сводной латышской дивизии, в основных наших окопах южнее Нейман.

3) В 10 часов 10 минут приказано генералу Чаплину, командиру бригады 14. Сибирской стрелковой дивизии, передвинут 53. и 54. Сибирские стрелковые полки из района Лац к Цеглинш. В 11 часов 45 минут, по приказанию Командарма, командир корпуса направил 54. Сибирский стрелковый полк в район Спорной горки на поддержку 14. Сибирской стрелковой дивизии, но полк прибыл к месту прорыва поздно, так как наши части уже отошли в исходное положение.

4) Между 15 и 16 часами в распоряжение генерала Мисина поступила 4. отдельная кавалерийская бригада, которая подошла к району Нейман, но участие в бою не приняла, ибо выяснилось, что лесн. Мангель вновь перешло в руки немцев, а болотистая почва в районе прорыва не позволяет провести без дороги кавалерийскую массу.

23 декабря (5 января) Командармом были притянуты к 24 часам в район VI Сибирского корпуса два полка 2. Сибирского корпуса—16. Сибирский стрелковый полк и 484. пехотный полк.

В отдельности по колоннам бой 23 декабря (5 января) дал следующие результаты:

После артиллерийской подготовки правая колонна генерала Триковского (к-щого 3. Сибирской стрелковой дивизии) заняла оставленное немцами кладбище у Нейн. Действия этой колонны оказали большое влияние на бой, так как весь день притягивали к себе 49. ландверный полк.

Во 2. латышской стрелковой бригаде прорыв был выполнен 7. Бауским полком. Командир его, полковник Гоппер, непосредственно вел свой полк. Подход полка к проволоке по заранее изученому подступу был обнаружен немцами, открывшими ружейный огонь. Резчики проволоки во время движения сбились все к правому флангу. Момент был критический и только благодаря находчивости полковника Гоппера движение не остановилось. Командир полка скомандовал: „весь полк на проволоку вперед“. Хлынувшая масса людей топорами и ножницами прорвала проволоку и одним махом перескочила через бывший здесь забор—бруствер, захватив два пулемета в гнездах, устроенных в виде капонира для обстреливания подступов к брустверу. За бруствером у противника была проложена

легкого типа узкоколейка, во время прорыва было слышно движение вагонеток в сторону лесн. Мангель. Затем полк. Гоппер, вскочив на бруствер, приказал людям немедленно разобраться по ротам. Рассвет уже начинался. Имея полк (2 б-на) весь в руках, выслав цепи, полк. Гоппер быстро двинулся вперед вдоль опушки леса в район отметки 12, 8 и занял рощу, что восточнее этой отметки. Оттуда была организована разведка на Кальнцем и Граббе.

В это время немцы открыли пулеметный огонь со стороны Пулеметной горки вдоль прорванного забора-бруствера (на болоте). Настолько стало уже светло, что следующим частям нельзя было проникнуть в прорыв массой, а продвижение выполнялось небольшими группами перебежкой и переползанием. Проникавшие в прорыв части образовывали боевой порядок на юго-восток, почти на юг, с целью развить наступление в сторону лесн. Мангель.

В дальнейшем бой развивался медленно, при чем к концу дня был образован боевой порядок фронтом к лесн. Мангель, а в сторону „Языка" был выставлен небольшой заслон непосредственно у прорыва (схема № 3.)

Несколько юго-восточнее 7. Бауского полка атаковал позицию противника 5. Земгальский полк. Однако повторные атаки этого полка были безуспешны и в них было истрепано по очереди четыре роты.

Необходимо отметить, что со стороны частей, проникавших в прорыв, было произведено несколько попыток к наступлению в сторону лесн. Мангель, но т. к. они были, повидимому, до известной степени импровизированные, а не разработанные заранее, то успеха они не имели. Кроме того, действия этих частей и 5. Земгальского полка не были согласованы.

Между тем, рекогносцировка начальника штаба бригады, генерального штаба капитана Озоль, беспрепятственно проникшого по лесу почти до самого лесн. Мангель, предпринятая вскоре после прорыва, показывает, что организованное заранее и энергичное движение в эту сторону должно было дать результат.

Отчасти этому помешало то, что район прорыва был на открытом месте (болото), а рассвет уже начался. Однако такая обстановка лишь подтверждает необходимость немедленного движения вслед прорвавшейся части заранее назначенных частей, долженствующих развивать успех в стороны.

Частями I. латышской стрелковой бригады был сделан не только прорыв, но и взят Скангель, а также два раза бра-

лось лесн. Мангель. Несмотря на первоначальные успешные действия, во время которых особенно отличился капитан Бреде (в середине дня тяжело раненый и выбывший из строя), окончательный результат действий I. бригады, поддержанной шестью с половиной батальонами 3. Сибирской дивизии, был неблагоприятен. Главным образом это объясняется отсутствием должного управления и вливанию генералом Мисиным подошедших к нему резервов по частям, батальонами и даже ротами по разным направлениям.

К концу дня в районе этого прорыва за нами фактически осталась только часть немецких окопов, прорванных утром. Части сильно перемешались и не оказалось никакой возможности восстановить порядок без того, чтобы не ликвидировать этот прорыв и не вывести наши части в исходное положение.

Необходимо подчеркнуть, что только необдуманное использование, без всякого задания, корпусных резервов привело к несоединению произведенных по обеим сторонам лесн. Мангель прорывов и к потере прорыва юго-восточнее этого лесничества.

В районе Спорной горки 55. и 56. Сибирские полки после прорыва быстро продвигались вперед. Благодаря тому, что левый 56. Сибирский полк был атакован немцами в левый фланг, главная его масса передвинулась влево и между полками образовался прорыв. Немцы случайно оказавшиеся между полками атаковали левый фланг правого 55. полка и так как в этом полку еще не успели восстановить после прорыва порядок, растянувшиеся его цепи начали отходить назад. К 16 часам оба полка отошли в исходное положение.

Во 2. Сибирском корпусе Олайская группа начала свою атаку с рассветом, хотя артиллерийскую подготовку выполнить еще не успела. Этой атакой она несколько облегчила положение левого фланга 56. Сибирского полка, но за то наступавшие 19. и 20. Сибирские стрелковые полки понесли значительные потери и с наступлением темноты были отведены в исходное положение.

На остальном фронте армии производились усиленные разведывательные поиски и легкой артиллерией проделывались проходы в проволочных загрождениях.

Главнокомандующим армиями фронта 23 декабря (5 января было отдано распоряжение о перевозке бригады 38. дивизии из 5 армии в 12. Эта бригада сосредоточилась к полудню 26 декабря /8 января/ в районе Нов. Дубельна.

Вся 38 дивизия (пехота), согласно приказания Главкосева от 25 декабря (7 января), сосредоточилась к 30 декабря (12 января).

23 декабря (5 января) начальствующие лица о совершении прорывов были осведомлены своевременно и резервы поддержали прорвавшиеся части у лесн. Мангель во время.

Опоздание резервов к прорыву в районе Спорной горки об'ясняется тем, что командир VI-го Сибирского корпуса первоначально не предполагал направлять к этому прорыву резервы, а сделал это лишь по приказанию Командарма.

Артиллерия, приданная атакующим колоннам, могла лишь до известной степени оказать содействие пехоте. Опыт показал, что войсковой телефонный провод очень тонок и постоянно рвется проходящими людьми, поэтому связь между передовыми наблюдателями и батареями постоянно прерывалась. Желательно снабжение войск бронированным проводом или, во всяком случае, войсковым телеграфным.

На содействии артиллерии пехоте отрицательно сказалось также неудовлетворительное снабжение войск цветными ракетами. Если цветные ракеты и имелись в войсках, то в таком малом числе, что войска не могли ими воспользоваться в должной мере.

Кроме того, выдаваемые войскам цветные ракеты вызывали нарекания на их плохое качество. Ракеты Рейнгарда часто отказывали в действии и выбрасывали цветные шарики лишь на три-четыре аршина, тогда как требуемая высота для сигнала должна быть около 4—5 саженей.

Желательно, чтобы наши ракеты были бы с парашютом и отличались бы от более типичных противника.

Отдельные артиллерийские группы оказывали свое влияние на бой тем, что привлекли внимание противника к обстреливаемым ими участкам.

Вследствие тех же недостатков технических средств связи был случай излишнего обстрела района Кальнцем-Мурнек тогда, когда противника там не было. Произошло это по следующей причине: командующий 2. латышской стрелковой бригадой получил донесение, что передовые части латышей подходят к Кальнцему; предполагая, что за этими частями наступает головной полк и желая помочь своей пехоте, командующий бригадой просил инспектора артиллерии VI-го Сибирского корпуса начать артиллерийскую подготовку указанного района; в действительности же к Кальнцему подходили лишь наши разведчики.

23 декабря (5 января) была попытка провести 4. отдельную кавалерийскую бригаду в прорыв юго-восточнее лесн. Мангель. Однако рекогносцировка показала, что конную массу не представляется возможным провести, благодаря болотистой почве.

24 декабря.
6 января.

В XLIII корпусе отряд партизан особого назначения через Лисий Нос к 24 часам подошел к окопам противника севернее Виркне и пытался их атаковать, но был отбит и отошел к северу.

Наступление 6. особой бригады генерала Лебединского хотя и продолжалось, но было безрезультатно.

В VI-м Сибирском корпусе вечером 23 декабря/ 5 января/ в командование войсками средней колонны вступил генерал Триковский, которому было указано разобраться в обстановке и донести о своем решении.

Вследствие указанного выше сильного перемешивания частей в районе 1. латышской стрелковой бригады, всю ночь с 23/5 на 24/6 и день 24/6-го пришлось потратить на приведение в порядок частей.

К утру 24 декабря/6 января/ за нами остался лишь прорыв северо-восточнее лесн. Мангель, в районе которого, однако, развивать действия днем было невозможно, благодаря совершенно открытому месту прорыва и артиллерийскому обстрелу со стороны „Языка“ по всем целям, показывающимся в его районе.

В ночь с 24/6-го на 25 декабря/ 7 января/ согласно решения генерала Триковского должна была быть произведена атака „Языка“ с тыла на фронт Пулеметная горка-Ледииг и с фронта правой атакующей колонной корпуса.

Контр-атаки противника на части 2. латышской стрелковой бригады южнее отметки 12, 8 были отбиты.

На остальном фронте армии производились усиленные разведывательные поиски.

25 декабря.
7 января.

Вечером 24 декабря/ 6 января/ генерал Лебединский был подчинен командиру XLIII корпуса, генералу Новикову, с возложением на последнего дальнейшего исполнения задачи гене-

рала Лебединского. 25 декабря, (7 января) на этом направлении производилась перегруппировка.

6. особая бригада сменялась полками 110. дивизии. План новой атаки был более соображен с обстановкой. Намечено было использовать возможность развития активных действий на обоих флангах: 6. особая бригада должна была с наступлением сумерок накопиться по известным нам тропам через болото Тируль в Лисьем носу, с целью атаки в направлении на Виркне; 437. полк 110. дивизии был переведен на восточный берег р. Аа на занятый нами к тому времени „Язык" с тем, чтобы по льду через р. Аа действовать от района Лепе в западном направлении.

Однако этот план страдал очевидным неучетом боевой упругости частей. 6. особая бригада уже потерпела в сущности поражение в предыдущие дни и все-таки ей дали главнейшее направление — успешная атака на Виркне могла дать громадные результаты. Произошло это потому, что местное командование самостоятельно первоначально не предполагало использовать „Лисий нос" как подступ. Только по настоянию Командарма, беспрестанно вообще во время операции побуждавшего подчиненных к энергичному развитию маневра, решили использовать направление через „Лисий нос", но тогда уже 6. особая бригада была сменена частями 110. дивизии и была в тылу. Вследствие последнего и оказалось, что эта бригада, утомленная и расстроенная предшествовавшими боями, принуждена была действовать на важнейшем направлении.

Сказанное подтверждает значение налаженной работы штабов. Происшедшее не имело бы места, если бы штаб XLIII корпуса, стоявший в этом районе около года, вел бы все время планомерное изучение района и учитывал бы его особенности в различных случаях обстановки.

В VI Сибирском корпусе ночной атакой частей свободного отряда генерала Триковского мы овладели „Языком" и к вечеру пехотой заняли линию от Витинга вдоль южного края болота, что южнее „Языка", до наших основных окопов северо-западнее лесн. Мангель.

В районе Спорной горки наша атака была отбита. На всем фронте корпуса сильный ружейный и пулеметный огонь.

25 декабря/ 7 января/ 4. отдельная кавалерийская бригада и 4. Донская казачья дивизия пытались выйти в тыл противнику на фронте Кальнцем—Прасло. В районе Кальнцема спешенные эскадроны были встречены контр-атакой немцев, силою около батальона, отбили эту контр-атаку, но овладеть

Кальнцем не могли. На ночь 4. отдельная кавалерийская бригада отошла в Тренч.

4. Донская казачья дивизия не могла выйти в тыл противнику, так как по всей линии западнее Прасло велся пехотный бой.

На остальном фронте армии ничего существенного не произошло.

26 декабря.
8 января.

На Одингском направлении около 14 часов наша артиллерия открыла огонь по позиции противника. В 18 часов 440. полк овладел первой линией неприятельских окопов восточнее дороги лесн. Зильбер-Рон, очищенные противником вследствие обозначившегося их обхода с востока частями 437. полка, перешедшими по льду реку Аа южнее Лепе.

В VI-м Сибирском корпусе были отбиты несколько контратак противника.

На остальном фронте армии ничего существенного не произошло.

27 декабря.
9 января.

В XLIII корпусе вечером 26 декабря (8 января) одновременно с началом наступления 110 дивизии было начато движение 6. особой бригады на Лисий нос, с целью овладеть районом Виркне-Сумарок и этим способствовать фронтальному наступлению 110. дивизии.

6. особой бригадой атака немецких позиций была произведена около 5 часов 27 декабря/ 9 января/, но окончилась неудачей и около 10 часов бригада, в виду утомления полков, была отведена в резерв в район Межбильда.

В 4 часа 438. полк 110. дивизии овладел неприятельскими окопами западнее Ронской дороги. Дальнейшее наступление 110. дивизии затруднялось густым лесом и остановилось перед второй линией окопов противника на высоте д. Паруп. Части 110. дивизии вошли в связь с 7. и 8. латышскими стрелковыми полками, выдвинутыми VI-м Сибирским корпусом в район Паруп на западный берег р. Аа.

Части VI-го Сибирского корпуса на правом его участке, вели наступление в направлении на Кальнцем, но были встречены упорным сопротивлением противника.

На остальном фронте армии ничего существенного не произошло.

28 декабря.
10 января.

В XLIII корпусе, 110. дивизии производились разведки и закреплялось за нами занятое пространство.

На правом фланге VI-го Сибирского корпуса велся бой по линии южной окраины д. Огле, при чем внезапным нападением нами была захвачена д. Скудр.

Контр-атака противника северо-западнее лесн. Мангель была отбита.

29 декабря/ 11 января/ наступательная операция нами была закончена и войскам было предписано энергично приступить к закреплению за нами занятого пространства.

По 12 армии был отдан следующий приказ:

Копия.

Шифрованная телеграмма.

От кого: От генерала от инфантерии Радко-Дмитриева.
Кому: Комкор 6 сибир. XLIII арм. 2 сиб. XXI арм. копия Генкварсев, Генкварверх. Коменд. Усть-Двинской крепости:

В виду общего стратегического положения и крайнего утомления войск, ведущих уже 6 дней непрерывно бой, частям XLIII и VI-го корпусов довольствоваться достигнутыми результатами и временно приостановить наступление, поставив себе ближайшей задачей, прочно утвердиться на занятых новых позициях, не уступая врагу ни шагу. Обратить особенное внимание на прочное укрепление новой линии позиции, дабы быть в состоянии отразить все попытки неприятеля атаковать нас и создать выгодное исходное положение для нового наступления. Командирам корпусов сменить особенно уставшие части первой линии, заменив их частями из собственного и дивизионного резервов. Сделать соответствующую перегруппировку артиллерии для мощной поддержки своей пехоты на новозанятых позициях и мешать противнику укреплять свои новые позиции. Начальнику инженеров армии принять самые энергичные меры для приведения в порядок дорог, ведущих к нашим новым позициям, а также по скорейшему и солидному укреплению последних, согласно данных ему мною лично указаний. 29 декабря, 15 час. 15 мин. [1])

№ 010791. Генерал от инфантерии Радко-Дмитриев.
Главкосеву Командарм прислал следующее донесение:
Главкосев. Копия Генкварверх.

524.

Своим приказом от 15 часов дня сегоднейшего числа я приказал приостановить наши дальнейшие атаки по следующим мотивам: 1) необходимо сообразоваться с вновь полученными директивами Вашего Высокопревосходительства, о коих меня известил вчера начальник штаба фронта, и которые исключают возможность рассчитывать на свежие поддержки для развития операции; 2) войска XLIII армейского и VI Сиб. корпусов и латышские бригады вели бой непрерывно в течении 6 суток, при крайне тяжелых климатических и тактических условиях. Приходилось все время бивакировать под открытом небом, маневрировать по плохо замерзшим торфяным болотам, пробираться через густые болотистые заросли. Снабжение пищей при таких условиях, при всей энергии начальствующих

[1]) Числа в приказе по старому стилю.

лиц, не могло быть правильным. В виду изложенного, несмотря на достигнутые в первые дни успехи, наступательный порыв войск, естественно сильно понизился, и начиная с 25 числа наш удар уже терял характер внезапности, на который он, главным образом, был рассчитан, и вошел в фазис методичной борьбы с неизбежными последствиями, брать каждую пядь земли при помощи длительной и дорого стоющей артиллерийской подготовки, дающей, благодаря условиям местности, ничтожные результаты. 4) у противника в районе Мурнек-Кальнцем-лесн. Мангель оказалась весьма сильно укрепленная позиция, которую он успел занять довольно сильно, а наши попытки сегодня атаковать их не имели успеха. Через два дня, дождавшись сосредоточения 38. дивизии, мы бы могли еще попытаться повторить атаку па линию Виркне-Мурнек-Кальнцем, но за это время противник сам, несомненно, еще усилится и рисковать истощить и этот наш последний резерв здесь считал бы нежелательным, тем более, что при методичной атаке шансы наши на успех слишком ничтожны, а неудача могла бы отразиться вредно на наступательном духе войск. На основании вышеизложенных соображений и я отправил XLIII и VI Сиб. корпусам приказ свой от сегодняшнего числа за № 010791. Вновь занятый участок существенно улучшает наше положение. Вместо расположения по дуге длиною в 14 верст, мы будем располагаться по хорде, длиною в 9 верст, следовательно, выиграв пространство, мы сократили наш фронт на 5 верст, выдвинувшись вперед от 2—5 верст. И железная дорога и остальные пути, находящиеся севернее Шлока, теперь окончательно обезпечены от обстрела противника, так как таковой производился исключительно из так называемого „Языка". Теперь мы себе поставим задачи: 1) возможно скорее закрепить фортификационно занятую новую линию, 2) укомплектовать войска и дать им возможный отдых, 3) сделать постепенно по мере завершения фортификационных работ, надлежащую перегруппировку войск ударной группы, с тем чтобы восстановить организационую целость войсковых единиц, а затем оттянуть в мой резерв достаточно сил для встречи возможных случайностей в будущем. В ожидании развития событий в будущем, мы будем готовиться исподволь к новому такому же внезапному удару, в который, смею думать, войска уверовали и повторют его с еще большей стремительностью. Рига 29 декабря, 20 час. 35 мин. № 010798.

Подлинное подписал: Генерал от Инфантерии Радко-Дмитриев.

Обзор боевых действий оборонительной операции.

Схема № 4.
10/23 января.

В XLIII корпусе в течении дня немцы сильным артиллерийским огнем обстреливали район дер. Паруп и вели атаки вдоль восточного берега болота Тируль, где им удалось нас несколько потеснить.

В VI Сибирском корпусе около 7 часов немцы начали сильный артиллерийский обстрел по участку 151. полка на фронте Огле-Скудр. Весь день до 14 часов противник с перерывами вел артиллерийскую подготовку не только по указанному фронту, но и восточнее до района сев.-западнее лесн. Мангель.

Около 14 часов противнику удалось прорвать наше расположение южнее отметки 12,8 и восточнее ее. Дивизионные резервы 38. дивизии, посланные на поддержку передовой линии, не могли оказать существенного влияния на бой, так как несли большие потери от заградительного огня немецкой артиллерии.

Для действий нашей артиллерии, по отбитию атак немцев заградительным огнем, обстановка сложилась неблагоприятно. Немцы имели вполне скрытый подступ вплоть до наших окопов. Телефонное же сообщение нашей боевой линии с тылом беспрестанно прерывалось, поэтому наш заградительный огонь не мог предотвратить прорыва нашей позиции, тем более, что мы понесли огромные потери от артиллерийского огня.

К вечеру немцам удалось оттеснить сильно пострадавшие части 38. дивизии на фронт Ледииг—Пулеметная горка.

Корпусные резервы были передвинуты в район „Языка".

10/23 января командармом был отдан следующий приказ:

Комкор. VI спб. XLIII арм. XXI арм. 27 арм. 4 Доп. каз. Копию Генкварсев и Генкварверх Наштарм 5.

Оперативный приказ 12 армии нр. 0175 Рига 10 января 19 час. 45 мин Карта 2 версты. Неприятель значительными силами обрушивается на VI Сибирский корпус в районе Огле-Мангель. Нам необходимо во что бы то ни стало отразить все попытки противника потеснить нас с занимаемых позиций, для чего: 1) XLIII корпусу усиленному двумя полками особой бригады и 7-мым и 8-мым латышскими полками удерживать прочно свое расположение на правом фланге и в центре, а на левом своем фланге атаковать решительно противника на участке между левым берегом р. Аа и Тирульским болотом. Цель отвлечь на себя внимание противника и если возможно захватить неприятельскую позицию Вирке-Кальнцем. 2) VI-му Сибирскому корпусу, с приданными ему 38. пехотн. дивизией и первыми 6. полками латышских стрелков, удержать во чтобы то ни стало занимаемое положение, а при случае, переходом в решительную контр-атаку отбросить неприятеля на левый берег р. Аа и к востоку. 3) II-му сибирскому корпусу рядом энергичных поисков приковывать на себе внимание противника, а если возможно, решительным переходом в наступление на участке 5. дивизии облегчить задачу VI-го корпуса. 4) XXI-му армейскому корпусу рядом усиленных поисков в местах, где Двина замерзла, постараться не только приковать противника на месте, но и утвердиться, хотя временно, на левом берегу р. Двины, в особенности по соседству с Икскюлем с целью угрожать последнему с тыла. 4. отдельной кавалерийской бригаде и 4. казачьей дивизии оставаться на занимаемых местах в моем резерве, но быть готовым выступить по первому моему требованию. 5) Всем развить крайнюю энергию для достижения поставленной задачи. Соседним корпусам поддерживать теснейшую связь. Донесения посылать через каждые три часа, а когда нужно и чаще. 6) Я буду находиться в Риге. Заместители генерал-от-инфантерии Васильев и генерал-лейтенант Новиков.

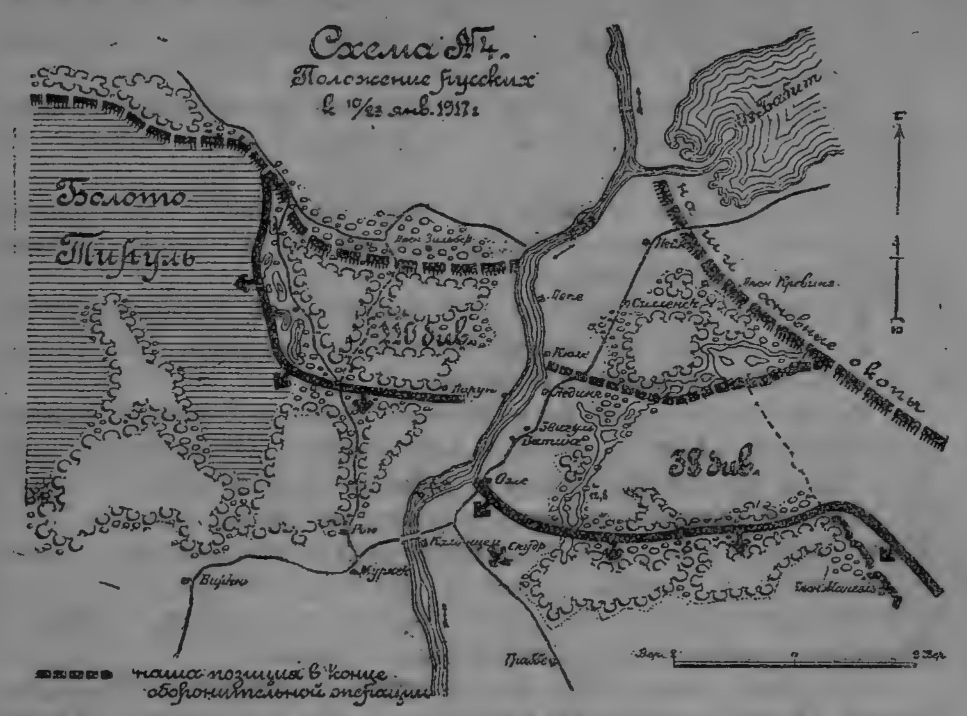
Подлинное подписал: командующий 12-й армией генерал-от-инф. Радко-Дмитриев.

11/24 января.

В XLIII корпусе весь день продолжались бои за бугры на восточном берегу болота Тируль с переменным успехом.

В VI сибирском корпусе с рассветом нами начата артиллерийская подготовка атаки для восстановления прежнего своего положения.

Для атаки были назначены части 38. дивизии и 5. и 6. ла-

тышские полки, имевшие в среднем около 1500 штыков в полку.

В 9 часов нами было начато наступление, но части смогли продвинуться лишь на 400 шагов, неся большие потери от артиллерийского и пулеметного огня противника.

В дальнейшем наше наступление также не могло развиться, так как противник все время держал нас под сильным артиллерийским огнем, а заградительным огнем нанес большие потери резервам.

Около 15 часов противник контр-атакой оттеснил части 38. дивизии, которые начали отход на линию Кюле-Пулеметная горка, занятую частями. 3. Сибирской дивизии.

Части 38. дивизии понесли большие потери как в офицерском составе, так и в нижних чинах. Убит командир 150 пехотного полка. Полковник Былинский и штаб офицер того же полка.

12/25 января.

12/25 января в XLIII корпусе продолжался бой за обладание буграми на восточном берегу болота Тируль, при чем первоначально наша контр-атака вдоль Ронской дороги 438. полком, а правее его 8. латышским полком, имела успех.

К вечеру наши части в этом районе понесли значительные потери от артиллерийского огня и отошли в наши основные окопы.

Таким образом, к вечеру этого дня противнику удалось вернуть себе все утеренные в декабре свои позиции на западном берегу р. Аа.

В IV Сибирском корпусе с утра нами было предпринято наступление с фронта Нейн-Пулеметная горка на юг, с целью восстановить свое положение.

На фронт Огле—отметка 12,8 наступали 5. и 6. латышские, 11. и 12. сибирские полки, а левее последних по болоту 1. латышская, стрелковая бригада.

Наибольший успех был достигнут 12. сибирским полком, наступавшим вдоль бугров по краю болота. Этому полку удалось дойти до наших окопов в районе отметки 12,8.

Правый фланг — латыши — дошли до линии Звигуль, а на левом фланге латыши смогли дойти только до середины болота, поражаемые с фронта сильным артиллерийским огнем, а с фланга (из основных немецких окопов северо-западнее лесн. Мангель), пулеметным и минометным огнем.

По всему фронту, все наступавшие части понесли большие потери от сильного артиллерийского огня противника. Нашим батареям не удалось потушить огонь батарей противника, которых вообще в районе Скангель и Мурнек в этот период появилось много новых. Стрельба по этим батареям не могла дать результата за невозможностью организовать корректирование стрельбы при помощи аэропланов.

Связь с боевыми частями исключительно поддерживалась бегунами, почему донесения поступали несколько с запозданием и далеко не все. В виду этого, обстановка не представлялась достаточно ясной, тем более, что сильные потери полков были выяснены лишь к вечеру, личной рекогносцировкой генерала Триковского, бывшего на поле боя 1 латышской стрелковой бригады.

Этим об'ясняется, что первоначально было предположено в дальнейшем развить наш обозначившийся успех, но затем, в виду указанных причин, пришлось от этого отказаться. С наступлением темноты атаковавшие части были оттянуты за линию Кюле-Пулеметная горка, которая к этому времени была занята 9. и 10. сибирскими полками. Атака 54. полка, веденная на позиции северно-западнее лесн. Мангель с фронта также не удалась, вследствие сильного артиллерийского огня противника.

Необходимо отметить, что к этому времени нами была уже почти совсем подготовлена позиция на линии Кюле-Пулеметная горка фронтом на юг.

13/26—14/27 января.

В XVIII корпусе в эти дни велась артиллерийская перестрелка и было несколько попыток немцев переходить в наступление, которые останавливались нашим огнем.

В VI Сибирском корпусе, с 10 часов 14/27 января, немецкая артиллерия, с небольшими перерывами, начала обстреливать беглым огнем нашу позицию в районе восточнее Кальнцемского шоссе. В 11 часов сильный неприятельский огонь был также и по району западнее шоссе. Наши батареи все время обстреливались химическими снарядами, что принудило прислугу работать в масках.

В $11^1/_2$ часов огонь особенно усилился и было замечено скопление немцев юго-восточнее Ледннга. Нами был сосредоточен артиллерийский огонь по этому району.

В 15 часов 14/27 января обнаружилось наступление немцев по обеим сторонам шоссе. Огонь нашей артиллерии был сосредоточен по подступам к нашим окопам. Огонь противника достиг высшего напряжения, им положительно сметались наши окопы. Вместе с тем противник открыл сильный огонь по району Пулеметных горок и здесь также обнаружилось наступление немцев по болоту вдоль их прежних основных окопов.

В $17^1/_2$ часов последовала сильная атака немцев вдоль Кальнцемского шоссе, которая геройски была отбита 9. и 11. Сибирскими полками и немцы в беспорядке отхлынули назад.

Артиллерийский огонь противника крайнего напряжения продолжался до $18^1/_2$ часов. В 19 часов немцы вновь перешли в атаку на том же фронте, охватывая правый фланг 9. сибирского полка со стороны р. Аа. Эта атака была также отбита сосредоточенным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем.

По опросу пленных выяснилось, что в атаках 14/27 января принимали участие не менее 3 полков 2. пехотной дивизии—33., 4. гренадерский и 44. полк.

15/28 января XXVII арм. корпус, перевозимый по распоряжению Главкосева из 1 армии, сосредоточился в районе Риги.

17/30 января.

В XLIII корпусе с 5 часов до 7 противник обстреливал сильным артиллерийским огнем и химическими снарядами наш тыл и окопы между болотом Тируль и рекой Аа.

В VI Сибирском корпусе противник открыл сильный артиллерийский огонь, главным образом, химическими снарядами, по всему району „Языка“.

Обстрел этот продолжался до $11^1/_2$ часов, все время усиливаясь.

В $11^1/_2$ часов немцы перешли в наступление и атаковали нас на участке восточнее Кальнцемского шоссе.

В 12 часов немцам удалось прорваться у самого шоссе на фронте одного батальона 176. полка (переданного в VI сибирский корпус распоряжением командарма из армейского резерва XXI корпуса) и правого фланга занимавшего окопы восточнее 11. Сибирского полка.

Противник быстро начал распространяться в прорыв и передовыми людьми доходил до Силлинека и до своих прежних окопов восточнее леса Кревинг.

Благодаря близкому расположению участковых резервов нам удалось организовать в скором времени контр-атаку частями 303. полка (76. дивизии, XXVII корпуса) и латышей.

Движение наших контр-атак было облегчено тем, что 176. полк западнее шоссе и 12. сибирский полк восточнее прорыва остались на своих местах, прикрыв свои фланги частными резервами. Наша контр-атака была направлена вдоль окопов 12. Сибирского полка во фланг прорвавшемуся противнику. Этой контр-атакой наше положение было почти совсем восстановлено.

Окончательное восстановление нашей линии было выполнено 149. и 150. полками 38. дивизии утром 18/31 января.

Условия борьбы в эти два дня были чрезвычайно тяжелые: сильный мороз до 20 градусов, ураганный обстрел артиллерией противника всего района, работа в атмосфере удушливых газов, вследствие большого числа выпущенных противником химических снарядов,—все это, однако, не помешало геройскими усилиями всех частей отбить противника и свести нанет результаты самого сильного его наступления в январьской операции, сопровождаемого могучей артиллерийской подготовкой.

$\frac{\text{20 января.}}{\text{2 февраля.}}$

В XLIII корпусе, в связи с нижеизложенными событиями в районе „Языка", артиллерия противника сильно обстреливала наше расположение между болотом Тируль и рекой Аа.

В VI Сибирском корпусе около 15 часов артиллерия противника неожиданно открыла сильный огонь по позициям 150. и 149. полков, расположенных восточнее Кальнцемского шоссе. Химическими снарядами противник обстреливал район Силленек-Нейн. Наша артиллерия немедленно открыла заградительный огонь, а также начала обстреливать батареи и тыл противника, большей частью химическими снарядами.

Около $15^1/_2$ часов немцы перешли в атаку на 150. и 149. полки. Первая их волна была остановлена нашим сосредоточенным огнем всех видов и лишь правофланговая рота 150. полка дрогнула и подалась назад. Двинутые из резерва в контр-атаку 5. латышский и батальон 176. полка быстро восстановили положение.

Немцы еще два раза возобновляли атаку, но каждый раз были отбрасываемы нашим сосредоточенным огнем всех видов.

В отражении атак большую поддержку оказали также броневые автомобили 12 отделения, выдвигавшиеся к нашим передовым окопам.

$\frac{\text{21 января.}}{\text{3 февраля.}}$

В XLIII корпусе в этот день также в связи с действиями против VI Сибирского корпуса противник вел сильный артиллерийский огонь по нашему расположению и пытался несколько раз переходить в наступление, но все его попытки были быстро остановлены нашим заградительным огнем.

В VI Сибирском корпусе около 4 часов 30 минут немецкая артиллерия разных калибров открыла сильный огонь преимущественно химическими снарядами, по району „Языка" и окопам восточнее лесн. Мангель.

Около 5 часов немцы перешли в наступление восточнее Кальнцемского шоссе, которое было остановлено огнем всех видов.

В 8 часов 30 минут немецкая артиллерия вновь возобновила свой огонь, особенно сильный по передовым окопам

и тылу восточнее Кальцемского шоссе. Новое наступление немцев в значительных силах восточнее Кальцемского шоссе после 10 часов увенчалось некоторым успехом, так как им удалось ворваться на нашу позицию в нескольких пунктах.

Около 11 часов контр-атакой 303. полка во фланг прорвавшимся положение было восстановлено.

Наступление противника юго-восточнее леси. Мангель было быстро остановлено нашим сосредоточенным огнем.

Около 13 часов немцы вновь начали накапливаться восточнее Ледннга. Наша артиллерия открыла по ним огонь, а части 149. Черноморского полка перешли сами в наступление. Немцы, не приняв удара, разбежались, артиллерия их открыла огонь по нашим частям, которые вернулись в свои окопы.

Этим днем закончилась борьба за район „Языка" и он окончательно остался за нами.

В конце обзора боевых событий, в общем резюме необходимо сопоставить некоторые цифровые данные.

Нами было взято в плен около 1000 немцев, орудий— тяжелых 2 и легких 11, прожекторов—2, зарядных ящиков—11 и много снарядов и снаряжения.

Потери наши за обе операции достигли общей цифры убитыми, раненными и без вести пропавшими до 23000, из них без вести пропавших насчитывалось до 9000.

Несмотря, однако, на невыгодное для нас сравнение последней цифры с цифрой пленных немцев, необходимо подчеркнуть, что войска будучи в надлежащих руках показали сильный моральный дух при очень тяжелых условиях зимнего боя при 20 градусном морозе.

Наибольшее число без вести пропавших приходится на те случаи, когда мы не сумели поставить войска в возможно нормальные условия борьбы.

Наоборот, такие начальники, как генерал Довбор-Мусницкий II, ген. Триковский, полк. Аузан, сумевшие удерживать части в своих руках, выводили их всегда из боя с честью.

В особенности в этом отношении показательны бои 38. дивизии 10/23 января, когда, ведя бой при навязанных ей в сущности катастрофических условиях, она лишь отошла на линию Ледннга, благодаря железной воле своего начальника ген. Довбор-Мусницкого.

VI. Выводы.

Основания для разработки плана прорыва.

1). Один из войсковых начальников, имеющий богатый боевой опыт во всех строевых должностях, начиная с ротного командира, и один из главных участников прошедших операций в своем приказе говорит: „позиция противника тянется непрерывной линией окопов от Рижского залива до Черного моря. Оборонительные сооружения не могут быть одинаково сильны на всем этом огромном протяжении, а с другой стороны и плотность войск, занимающих эти окопы не везде одинакова“, далее после описания атакованного нами фронта он же говорит: „только нахальство немецкое и уверенность в нашей пассивности могли подсказать им так именно оборонять намеченный нами для атаки участок, за что они и поплатились основательно не только материяльно, но и в моральном отношении“. Отсюда тот же начальник делает вывод, что необходимо атаковать на широком фронте, и выгодным для атаки признает такой участок, который после прорыва допускает возможность маневра.

Подобный вывод, сопоставленный со следующими словами того же практика боевого дела: „еще раз доказано, что трескучий мороз, отсутствие квартир, не всегда нормальное питание не способны остановить порыв наших героев, являясь зачастую их добрыми союзниками. Надо хранить и развивать эту чисто национальную черту русской души — невзыскательность к обстановке“—дает возможность заключить, что мы на своей стороне имели большие преимущества — наличие уязвимых мест в позиции противника и нашу способность к преодолеванию естественных препятствий и терпеливость ко всякого рода невзгодам. Нужно только умело использовать эти данные, дабы этим восполнить сравнительный с противником недостаток у нас технических средств.

Декабрьская операция дает пример комбинированного использования бывших в нашем распоряжении технических средств, указанной особенности наших войск и вышеприведенных благоприятных данных общей обстановки.

Такое широкое использование всего этого не могло бы быть осуществлено, если бы удар наносился бы на узком фронте.

Таким образом широкий фронт атаки выгоден для нас тем, что позволяет использовать все наши не только материяльные средства, но и самобытные наши свойства, дающие возможность нанести противнику удар там, где он менее это ожидает и потому слабее технически.

Такие участки нашего фронта получают для нас маневренное значение. Успех на них, своевременно нами использованный, может привести к падению сильно укрепленных пунктов или даже целых районов позиций противника, если нам удастся, благодаря маневру, выиграть тыл таковых.

Широкий фронт атаки, кроме того распыляет силу сопротивления противника и этим увеличивает нашу уверенность в возможности развития одержанного в том или другом пункте успеха.

Это свойство его в значительной степени умалится, если мы не будем комбинировать условия производства самой атаки.

2) Необходимо отрешиться от мысли, что атака с предварительной длительной артиллерийской подготовкой есть единственное средство для овладения неприятельскими укрепленными позициями; иначе, уверовав в это, мы придем к шаблону действий и к тяжелому выводу о трудных для нас условиях достижения конечной победы.

Комбинации внезапных атак, поддержанных сильным артиллерийским огнем, с атаками, коим предшествует основательная артиллерийская подготовка, обещают дать хорошие результаты. При этом окончательное установление способа наших действий должно определяться лишь после самого тщательного изучения всех данных обстановки.

Внезапные удары по существу своему требуют ночных действий. Поэтому необходимо вернуться к обучению войск таковым действиям.

В декабрьской операции были применены внезапные ночные атаки и атаки после артиллерийской подготовки. Каждый из этих способов действий сыграл значительную роль: из 4 внезапных атак имели успех три, атаки же после артиллерийской подготовки, приковывая гарнизон атакуемых участков к месту, способствовали использованию успеха внезапных атак.

Атаки после артиллерийской подготовки велись в Бабитской группе на фронте Нейн-Пулеметная горка и лишили немцев возможности использовать три батальона 49 полка в целях контр-атаки против наших частей, прорвавшихся северо-западнее лесн. Мангель. Подобную же роль сыграла атака Олайской группы по отношению наших частей, прорвавшихся в направлении лесн. Лунзем, и заставила один немецкий батальон, подвезенный к Митаве из района Икскюльского предмостного укрепления, сделать напрасно полдороги к мз. Олай и потому опоздать к бою в районе лесн. Мангель.

3). Более сильные участки позиций неприятеля снабжены большим количеством убежищ такой сопротивляемости, что гарнизон их легко может вынести нашу бомбардировку. Только большие калибры (8 дм. и выше), и притом прямыми попаданиями, могут разрушить такие убежища, но такие попадания исключительны. Главный же калибр нашей тяжелой артиллерии (6 дм.)—разрушает лишь окопы.

В силу этих данных и малого количества орудий крупных калибров мы не имеем оснований расчитывать на возможность достигнуть артиллерийским огнем полной обезвреживаемости и разрушения узлов сопротивления, а тем более целых укрепленных районов; поэтому правильнее добиваться лишь прекращения всякой жизни на поверхности этих укреплений в период наших атак; иначе говоря, огнем надлежит держать гарнизон укреплений в убежищах, не давать возможности его подкреплять резервами извне и использовать его для производства контр-атак. Достигнув же успеха на более слабых промежутках, развивать таковой успех маневром войсками в тыл, против еще удерживающихся участков общей позиции. В декабрьскую операцию такой способ действий дал положительный результат.

23 декабря (5 января) во время атаки лесн. Мангель, как опорный пункт, держался все время под массовым огнем артиллерии. Несмотря на то, что для овладения им назначались бывшие под рукой, даже сборные части, мы этим лесничеством овладевали несколько раз и потеряли его исключительно благодаря недостаткам управления.

Примером может также служить овладение нами в ночь с 24 (6 янв.) на 25 (7 янв.) декабря районом „Языка".

4). Единицей, способной к выполнению самостоятельной ограниченной задачи в операции по прорыву, следует признать корпус, способный, по своей организации и силам, к необходимому после прорыва, маневру.

Действия наших частей, прорвавшихся северо-западнее лесн. Мангель, показали, что, несмотря на отличные качества частей, такое же управление со стороны полковых командиров, 8 батальонов своими силами смогли продвинуться вперед лишь на три версты и заняли фронт около 5 верст. К этому надо добавить, что эти части встретили сравнительно слабое сопротивление и им пришлось отбить лишь несколько разрозненных и слабых контр-атак.

Юго-восточнее лесн. Мангель позиция противника была также прорвана нашими 8 батальонами. Эти батальоны были поддержаны еще двумя полками. Однако, благодаря вливанию резервов по частям без определенных заданий, мы окончательно здесь успеха не имели, и части, прорвавшиеся по обеим сторонам лесн. Мангель, не смогли соединиться, дабы образовать хотя бы общий новый фронт по дуге от лесн. Мангель (включ.) на Скангель, Прасло, Яунзем, Граббе, роща восточнее отметки 12.8 фронтом на восток, юг и запад.

Потеря нами прорыва юго-восточнее лесн. Мангель об'ясняется исключительно неблагоприятными условиями управления, а не недостатком силы. Выполнение задачи было безусловно под силу действовавшим по обеим сторонам Мангеля 24 батальонам. Кроме того, мы имели бы в себе достаточные силы, чтобы удержать за собой долженствовавший тогда образоваться 12-верстный новый фронт. Этим был бы исполнен первый этап задачи, возложенной на Бабитскую группу, т.-е. в расположение противника был бы вбит клин с вершиной у Яунзема, при чем неучаствовавших в бою оставалось фактически 4 батальона (53. Сиб. стр. полка), т. к. 54. сиб. стр. полк был израсходован на замену истрепанных неудачей 55. и 56. сибирских стрелковых полков.

При такой обстановке, учитывая боевую упругость частей, после суточного зимнего боя, в дальнейшем от Бабитской группы можно было лишь ожидать действий ограниченного значения. Иначе говоря, едва ли она смогла бы наступательными действиями расширять клин в обе стороны; вернее, она смогла бы повторить удар лишь на одном направлении, перейдя на других к обороне. В силу этого, если мы желаем энергично развить успех прорыва не позднее утра следующего дня и нанести противнику окончательное, а не частичное поражение, то необходимо иметь еще свежие силы, кроме перволинейных ударных корпусов.

5). Первоначальный удар, с целью прорыва, не требует превосходства в живой силе, но для поддержания удара, раз-

вития и закрепления успеха нужна возможность ввода в бой весьма значительных сил, иначе успех заглохнет.

Большие потери и организационные расстройства, обычно сопутствующие прорыву укрепленной полосы, требуют наличия войск второй линии, по крайней мере в половинном числе от числа корпусов, предназначенных для удара. Войска второй линии должны быть расположены так, чтобы быть в состоянии поддержать передовые линии на том участке, на котором обозначился успех, никак не позже как через несколько часов после начала прорыва (самое большее—6 часов.) Это необходимое условие для немедленного продолжения и развития мощного удара, пока противник не успел сорганизоваться.

Необходимо иметь корпуса второй линии: а) для немедленного продолжения удара; б) для оказания помощи после прорыва перволинейному корпусу, при вынужденной обороне против превосходных сил противника, атакою в наиболее опасном для противника направлении.

Если удар одной линии корпусов по австрийцам давал нам успех, то атака немцев должна была питаться из глубины, ибо одно из наиболее верных средств сломить упорство врага есть превосходство в живой силе. Здесь необходимо подчеркнуть, что боеспособность перволинейных частей по совершению прорыва вследствие сильного нервного напряжения и потери организационной целости и управления очень понижена. Потому чрезвычайно важен своевременный подход новых частей. Учитывая в этом отношении возможные неблагоприятные случайности и силу одного перволинейного корпуса, можно признать, что войска второй линии должны головой подойти к прорыву не более как через шесть часов после его образования.

Совсем другой оборот приняла бы декабрьская операция, если бы в ночь с 23/5 на 24/6 можно было бы развить действия на Кальнцем — Рон и на фронт Кливенгоф — Мангель одновременно, но для этого необходимо было иметь не менее 1 свежей дивизии. В действительности же пришлось примириться с тем, что ночь с 23/5 на 24/6 и день 24/6 были употреблены на приведение в порядок частей и занятие ими исходного положения для атаки „Языка", т.-е. выполнение операции гораздо более ограниченного значения. Такое положение будет всегда, если нет свежих резервов, или если таковы введены несвоевременно.

Условия погоды—холод—на войска отразились следующим образом: фактически они были боеспособны 23-го, 24-го, 25-го и 26 декабря. С 27 войска выдохлись и операция сама собой

заглохла. Конечно более сильный противник мог бы еще уменьшить срок боеспособности этих частей.

6). Желательно, чтобы участок ударного корпуса в своих пределах имел различной силы участки позиции противника, дабы иметь возможность также комбинировать как свои силы, так и способы атаки, в целях выполнения прорыва и развития маневра по отношению более сильно укрепленных районов. Это не исключает возможности, что некоторым корпусам в силу необходимости придется атаковать почти равносильные позиции, но при подробном изучении и здесь можно найти более уязвимые пункты.

7). Особое значение получает установление правильных разграничительных линий между корпусами и вообще между колоннами, иначе говоря, должны быть определены естественные фланги.

В этом отношении показательны бои Бабитской и Олайской групп.

В Бабитской группе было два маневренных участка атаки—район лесн. Мангель и в направлении на лесн. Зельтин. На обоих участках мы имели успех, но поддерживали прорвавшиеся части только в районе лесн. Мангель, преследуя в данном случае более ограниченную цель—овладение районом лесн. Мангель Скангель.

По своему относительному расположению, обязательству держать связь с Олайской группой, и, в силу этого, направления атаки на фронт лесн. Зельтин—лесн. Яунзем, левая колонна Бабитской группы имела больше боевой связи с Олайской группой, чем с той, к которой она принадлежала. Тем более, что наиболее угрожаемое для нее направление было юго-восточное, со стороны Митавы.

Включение этой колонны в состав Олайской группы дало бы последней более легкий маневрпнный участок для прорыва, чем позиция противника в районе Митавского шоссе. Имея маневренный участок, начальник Олайской группы получил бы возможность большую часть своего резерва иметь за этим участком в целях своевременного развития успеха и выполнения маневра по отношению Олайской группы, дабы и ей освободить путь для движения вперед.

Однако, разграничительные линии не могут служить препятствием для производства выгодного маневра, если представится к тому случай. Начальник Одингской группы не имел права считаться с тем, что Лисий нос находится не в пределах

его участка, а должен был одновременно с лобовым ударом организовать атаку через Лисий нос на Виркне.

Также неправилен мотив одного начальника, атаковавшего в январскую операцию лесн. Мангель с фронта только потому, что данное ему направление атаки от Пулеметной Горки находилось в районе соседнего, а не его участка.

Необходимость для начальника постоянно следить за тем, чтобы ни одно из возможных выгодных для действий направлений не осталось бы неиспользованным, доказывается следующим примером.

23 декабря (4 января) 5. Земгальский полк, имевший задачу прорвать позицию противника на опушке леса северо-западнее лесн. Мангель, расстроил четыре роты в ряде неуспешных атак. Между тем рядом 7. Бауский полк несколько северо-западнее прорвал на болоте позицию противника. Несмотря на это 5. Земгальский полк и начальник бригады не сделали никаких попыток, чтобы свободными своими ротами выйти через прорыв в тыл атакуемому с фронта участку.

8). Высший начальник должен заранее дать себе ясный отчет: о ширине фронта общего удара и наиболее выгодных направлениях для частных ударов.

Ширина фронта должна находиться в зависимости от соотношения сил наших и противника, свойств его позиции и условий местности для боя в тылу противника.

9). В каждом ударном корпусе, в развитие полученных приказаний, должен быть разработан план действий соответственно тем же данным. Этот план должен определить пункты прорыва, дать определенные задачи атакующим колоннам, согласовать их действия не только по времени, но и по выполнению того маневра после прорыва, который должен привести к захвату определенного рубежа, как первого этапа в исполнении поставленной командармом цели.

Сопоставляя направления, данные начальником Бабитской группы атакующим колоннам видно, что они параллельны друг другу, требуют сильной растяжки по фронту и совершенно не приводят к взаимному содействию колонн, дабы общими усилиями захватить определенный ближайший рубеж. Кроме того, опытом боя подтвердилось, что ни одна из атакующих колонн не достигла назначенного ей конечного пункта, что показывает постановку невыполнимых задач.

Учет наших сил, условий местности и ожидаемой силы сопротивления противника должны нам определить ближайший

рубеж, который необходимо захватить. Захват нами намеченного рубежа должен повлечь за собой снятие противником своей артиллерии с позиций.

Начальником Бабитской группы это требование исполнено не было. Приказ по армии им развит не был.

Кроме того, им было допущено грубое несоответствие задачи левой колонны со сложившейся для нее обстановкой. Эта колонна была ближе других к главным резервам противника, расположенным у Митавы, следовательно она была и наиболее угрожаемая. Кроме того, исходное положение этой колонны было значительно дальше от р. Аа, чем прочих колонн.

Вот почему приказание—действовать в направлении Яунзем-Жибус и держать связь с Олайской группой—нельзя считать заданием для этой колонны. Яунзем и Жибус были для нее явно недостижимые пункты, а связь с Олайской группой принуждала ее, кроме того, действовать по расходящимся направлениям.

Помимо указанного выше исправления разграничительной линии между корпусами (это исправление было бы правильнее всего), неудачи колонны у лесн. Зельтин можно было бы всетаки избежать постановкой этой колонне задачи для нее выполнимой—ограничить продвижение вглубь расположения противника, а обязать возможно больше распространиться в сторону лесн. Мангель. Этим бы достигалось согласование действий этой колонны с колоннами атаковавшими у лесн. Мангель.

Таким именно варьированием размеров задач и их согласованием явится возможность использовать в пределах корпусного участка все уязвимые места позиций противника, т. к. отказываться от этого нет никакой выгоды все в тех же целях—увеличения вероятности иметь успех, если не в одном месте, так в другом.

10). Одним из начальствующих лиц было высказано пожелание, чтобы ударный корпус распределил бы свои войска по следующим категориям: а) прорывающие и стремящиеся продвинуться до батарей противника и несколько вперед от рубежа, намеченного для захвата; б) развивающие успех вперед и в сторону и обеспечивающие за нами захват и владение намеченным рубежом; в) войска, занимающие нашу позицию против узлов сопротивления и против промежутков между пунктами прорывов; эти войска активными действиями с фронта прикрывают фланги прорывов, а часть их назначается для очищения окопов противника на возможно большее расстояние в стороны и для содействия овладению узлами, тыл коих нами выигран.

В Бабитской группе к первой категории следует отнести латышские бригады и 55. и 56. Сиб. стр. полки. Роль второй категории исполняли полки корпусного резерва, а задачу войск третьей категории выполняли 11., 12. Сиб. стр. полки, атаковавшие с фронта участок Нейн-Пулеметная горка и 5. Земгальский полк, атаковавший позицию непосредственно северо-западнее лесн. Мангель.

11). Общий фронт всех ударных корпусов, имеющих между собой боевую связь, выражающуюся в согласованных их действиях с целью прорвать расположение противника на широком фронте и выйти на определенную линию составит общий фронт атаки этой группы корпусов.

В декабрьскую операцию общим фронтом атаки группы из трех ударных корпусов является фронт от болота Тируль на Нейн-Пулеметная горка — лесн. Мангель — мз. Олай, всего протяжением около 30 верст.

Протяжение общаго фронта корпусов зависит от соотношения сил наших и противника, условий местности в тылу противника, силы его позиции и намеченной конечной цели операции.

Опыт Декабрьской операции показал, что для отброса противника за р. Аа и Эккау, наличных сил, на основании сказанного в главе третьей, оказалось недостаточно.

Недостаток сил был еще усугублен недочетами в управлении, вследствие чего большинство частей в первый же день вырвалось у начальников из рук и понадобилось потратить целые сутки для восстановления организационных соединений.

Кроме того, холодная погода уменьшила срок боеспособности дравшихся частей, а свежих резервов для нанесения сильного удара в желаемых направлениях не было.

Эти данные настолько были существенны, что в сильной степени умалили по существу выгодное для нас соотношение сил наших и противника.

Жажда победы и порыв вперед у войск были огромные, что и доказано стремительным выполнением внезапных ночных атак, которые увенчались полным успехом.

Управление и работа штабов.

I) Все приказания начальствующих лиц должны быть вполне ясны, твердо ставить определенные задачи и не загромождаться всякого рода условностями.

В приказе по армии Олайской группе было указано: артиллерийскую подготовку начать с началом действий Бабитской группы, и когда обозначится успех последней, то после мощной артилерийской подготовки перейти в решительное наступление для содействия левому флангу Бабитской группы.

В приказе же, который получил начальник Олайской группы, было сказано: „Начало артиллерийской подготовки после открытия серьезного огня в Бабитской группе... После прорыва Бабитской группы перейти в решительное наступление... Во всяком случае I линия окопов противника должна быть захвачена к рассвету“...

2) Управление боем не должно выражаться только в одной передаче резервов своим подчиненным, а необходимо этим подчиненным ставить цели, которых они должны достигнуть при посредстве передаваемых им резервов.

Очевидно, такие распоряжения потребуютъ от начальников наличия определенного плана действий, который, в свою очередь, логически вытекал бы из тех же данных, которые учитывают при постановке первоначального решения.

Начальник Бабитской группы решил, что главным прорывом следует считать прорыв у лесн. Мангель. Для развития дальнейших боевых действий начальнику Бабитской группы важно было знать: сделан ли один прорыв в районе лесн. Мангель или два. В обоих случаях главная опасность угрожала с юго-востока, как направления подхода более значительных резервов от Митавы.

Основываясь на этом, необходимо было задаться рубежом, захват которого в районе прорыва обеспечил бы нам твердое положение фронтом на юго-восток и тем дал бы свободу маневра сперва по отношению живой силы противника района Нейн-лесн. Мангель-Кальнцем, а затем, по обеспечении тыла прорыва со стороны „Языка“, для продолжения удара в главном направлении на юго-восток.

Таковым рубежом мы владели бы, если бы захватили лесн. Мангель и районы Скангель-Прасло.

При наличии одного прорыва северо-западнее лесн. Мангель естественно оставалось, заслонившись от „Языка“, достичь во что бы то ни стало остальными силами указанного рубежа.

При наличии только одного прорыва юго-восточнее лесн. Мангель намечались две задачи: а) занять прочно указанный рубеж фронтом на юго-восток и продолжить его до района примерно, лесн. Дишуп, с целью отрезать противника от Ми-

тавы: б) маневром уничтожить живую силу противника, находящуюся к северо-западу от указанного рубежа.

Подобные же задачи, очевидно надо было выполнить при наличии прорывов по обе стороны лесн Мангель. В зависимости от этого определились бы и частные задачи частей, вплоть до указаний, с какой именно целью следует употребить подаваемые резервы.

3) Ни в коем случае нельзя допускать вливания резервов по частям.

Передача резервов начальником Бабитской группы начальнику колонны, прорвавшейся юго-восточнее лесн. Мангель, без каких-либо указаний с одной стороны, а с другой—неориентированность последнего в идее общих действий и нервное реагирование этого начальника на каждое донесение, привели к тому, что два полка резервов вступили в бой по частям и не оказали того влияния, которое могли оказать. Исключительно малочисленностью резервов противника можно объяснить, что лихие, но беспорядочные действия войск на участке прорыва юго-восточнее лесн. Мангель окончились лишь неудачей, а не уничтожением прорвавшихся.

4) Для более полного ориентирования начальников большое значение имеет посылка доверенных офицеров штаба к войскам, для наблюдения за обстановкой в главнейшие периоды действий.

23/5 декабря начальником штаба колонны, прорвавшейся северо-западнее лесн. Мангель, по собственной инициативе, была произведена рекогносцировка, во время которой он подробно ознакомился с расположением частей и обстановкой в районе прорыва. Только благодаря его докладу остался не ликвидированным прорыв этой колонны, а одно время у начальников была мысль вывести все войска в исходное положение для приведения их в порядок, т. к. сведения о местонахождении частей были чрезвычайно сбивчивы.

5) Несмотря на долгое пребывание в одном и том же районе в штабах всех инстанций не было подробных и твердо установленных сведений о свойствах того или другого направления как в смысле наступления, так и обороны.

Необходимо принять за правило, что всякая новая часть, в лице ее начальника и начальника штаба должны высшим штабом того района, куда эта часть пришла, ориентироваться в полной мере в обстановке, дабы не могло быть повторения случая, имевшего место в декабрьской операции, когда не был использован с начала же операции „Лисий нос", как наиболее удобный подступ для атаки противника на Олингском направлении.

Для более правильного ориентирования начальствующих лиц, как перед операцией, так и в течение ее, крайне необходимо более широкое использование офицеров штаба для посылки вперед на места.

Офицер штаба, получивший определенную инструкцию и посланный на более важный участок, безусловно полнее осветит обстановку своему начальнику, выяснив именно то, что в данный момент наиболее важно.

Необходимо подтвердить, что за ясную редакцию приказания являются ответственными не только войсковые начальники, но и начальники штабов.

Действия войск.

Атака.

1) Первую одновременную атаку при внезапных нападениях выполнять частью меньше батальона не следует.

Один полк в неудачных атаках разбил по очереди 4 роты.

2) Прохождение проволочных заграждений прежде всего требует быстроты проделывания проходов и близкого расположения к ним атакующих волн.

В одной из атакующих колонн резчики проволоки шли впереди первой волны в 150 шагах. При подходе полка к проволокое казалось, что резчики уклонились вправо и все сбились в кучу перед правым флангом. Немцами уже был открыт ружейный огонь. Командир полка, учитывая серьезность момента, скомандовал: „Весь полк вперед, на проволоку". Хлынувшая вперед масса в несколько минут при помощи ножниц и топоров прорвала проволочные заграждения и ворвалась на позицию противника, захватив два пулемета, не успевших открыть огонь.

Во всех колоннах атакующим удалось подойти почти вплотную к проволоке незамеченными. Быстрое, на ходу, стоя проделывание проходов, при чем саперы в одной из колонн удачно разрезали наэлектризованную проволоку, и стремительное движение вперед,—все это обеспечило успех.

При внезапных нападениях, ножницами и топорами должны быть вооружены люди первых четырех волн, дабы не было задержки в движении из-за возможно неполностью сделанных проходов.

3) Войска, прорвавшие позицию, следует считать исполнившими свое назначение и каких-либо других задач на них возлагать нельзя.

На прорывающиеся войска нельзя рассчитывать, как на силу, могущую обеспечить за нами владение намеченным рубежом. Эти войска, сравнительно немногочисленные, строго необходимые для быстрого прорыва позиции противника (обыкновенно, повидимому, полк), должны неудержимо двигаться вперед до батарей противника. Они должны обладать полной свободой действий и на них больше никаких задач возлагать нельзя—что они смогут сделать после прорыва—то и хорошо.

4) За прорывающими частями должны немедленно двигаться части, развивающие успех в стороны. При чем в проход должны одновременно вливаться части как долженствующие действовать в одну, так и в другую сторону. Сзади их непосредственно должны вливаться в прорыв части, развивающие успех вперед. Все эти части, входя в бой, продвигаются во чтобы то ни стало вперед, каждая по своему направлению до занятия назначенного им рубежа. По занятии рубежа сейчас же выдвигают вперед заставы, под прикрытием коих приступают к закреплению за нами рубежа. Если соприкосновение с противником потеряно, то также немедленно высылается разведка для его восстановления.

Операция показала, что при мало подготовленном командном составе необходимо всеми мерами избегать воевать отдельными батальонами. Задачи следует давать целым полкам, а не раздергивать их по частям, как это было сделано в колонне, прорвавшейся юго-восточнее лесн. Мангель.

5) Действия после прорыва.

В одном прорыве обстановка настолько сложилась благоприятно, что явилась возможность быстро разобрать приученных к этому людей по ротам и через десять минут полк двинулся дальше вперед.

В других прорывах этого сделать не смогли, вследствие чего и затем уже оказалось трудным наладить должный порядок.

Крайне необходимо, если только есть малейшая возможность, сейчас же восстановить организацию, так как иначе начальники не знают людей чужих рот, а это облегчает последним уклониться от боя.

В крайнем же случае, который, однако, надо ожидать, будет более нормальным,—следует приучить людей, чтобы они не разбредались в стороны, сохраняли бы ширину фронта, не сбивались бы в кучу и образовывали бы вновь волны, давая этим возможность выделить резерв.

В бывшей операции, в районах прорывов у противника имелись лишь на участке, прикрывающем направление на лесн.

Зельтин, две-три линии окопов. На остальном протяжении была лишь одна линия окопов. Затем далее в тыл по лесу были разбросаны землянки-блокгаузы, приспособленные обыкновенно к круговой обороне.

Эти блокгаузы потребовали от наших войск энергичной борьбы малыми частями—ротами.

При таком положении необходимо принять ряд мер для сохранения порядка: особенно важно, как выше было сказано, восстановить при первой возможности роты; при дальнейшем движении во всяком случае необходимо собрать людей на более тесном фронте, выделить резерв и не позволять людям разбредаться в ширину: все офицеры и начальники из нижних чинов должны твердо знать по странам света главное направление движения прорвавшейся части от прорыва и иметь схематические кроки дорог и просек в тылу противника: каждый из этих начальников должен стремиться выйти, по исполнении какой-либо частной задачи, на это главное направление движения, собирая около себя всех встречных людей. Положительный пример в этом отношении дает капитан Бреде и выход его из строя, вследствие тяжелого ранения, безусловно имел решающее влияние на успех обороны Скангеля.

Обратным примером может послужить все происшедшее в колонне, атаковавшей в направлении на фронт лесн. Зельтин—лесн. Яунзем. Уже отмеченная выше невыполнимость и неопределенность задачи этой колонны сказалось на самом ходе исполнения. Колонне пришлось на лесн. Зельтин направить один полк, а другому полку поставить задачу—после прорыва движением на линию первого полка прикрыть его левый фланг с юго-востока и востока. Таким образом полкам пришлось наступать по расходящимся направлениям. Если к этому добавить, что левый полк, вследствие контр-атаки немцев, главной массой потянулся влево, то увидим, что между полками должен был неизбежно образоваться прорыв.

Правый полк в это время с полным самозабвением двигался вперед, но командир полка не успел подобрать людей, образовать резерв, одним словом, взять полк в руки. При такой обстановке достаточно было контр-атаки небольшой части немцев на левый фланг правого полка, чтобы полк покатился назад и сразу был деморализован настолько, что через день отказался итти в атаку. Этот пример подтверждает необходимость: а) всем начальникам возможно скорее стремиться взять части в руки и образовать резерв: б) давать выполнимые задачи, а не наоборот.

6) Начальники всех степеней должны руководствоваться нижеследующим:

Общая задача должна распыляться на ряд частных задач по дням, даже часам и рубежам и доходить до войск непосредственно исполняющих эту задачу, уже в расчлененном виде.

Расплывчатость, удаленность и по времени и пространству объекта действий ведут к тому, что войска исполняют свою общую задачу без всякого плана, по вдохновению частных начальников, бросками.

Необходимо твердое, и главным образом, систематическое руководство на месте, основанное не только на слепом решении достигнуть намеченной цели, а непременно с учетом уже достигнутого успеха на том или ином участке. Где успех—там и ломить главными силами, удар, по законам чисто физическим, отразится где следует, независимо от нашего усердия.

Искусство ставить, и притом, своевременно, частные задачи,—и есть то военное чутье, благодаря которому начальник улавливает пульс боя.

Приведенные указания являются выпиской из приказа начальника, уже цитированного выше.

7) Такова схема действий при прорывах внезапным нападением ночью или незадолго до рассвета.

Отличие ее от схемы действий при нападении после артилерийской подготовки сводится лишь к тому, что в последнем случае все действия будут развиваться медленнее и потребуется еще более твердого и планомерного руководства со стороны начальников и полного самоотвержения от всех.

Оборона.

I) Руководящие указания по закреплению за нами захваченного пространства.

Если в декабрьскую операцию против нас действовали более слабые по качеству войска противника, то этого нельзя сказать про январские бои.

Между тем определенно установлено, что противник при контр-наступлении имел некоторый успех исключительно только благодаря ураганному артилерийскому огню. Немецкая пехота атаковала очень слабо. Наши же контр-атаки, если она и отбивала, то опять-таки, главным образом, артилерийским огнем. Штыковых схваток немецкая пехота или не принимала или не выдерживала. По свидетельству многих войсковых начальников

все наши части уверовали в силу контр-атак, как лучшего способа обороны.

Такие данные необходимо учесть.

В закрытой местности, если захвачена линия окопов противника, не следует пользоваться ими для закрепления. Противник всегда по этим окопам хорошо пристрелян и сейчас же сосредоточивает по ним артиллерийский огонь.

Лишь на совершенно открытой местности и под сильным огнем противника мы поневоле принуждены будем, может быть, воспользоваться захваченными окопами, но и в этом случае—лучшее решение—это быстрое движение вперед.

Сказанное подтверждает опыт боев на западном берегу р. Аа, когда артиллерия противника прежде всего открывала огонь по прежним своим окопам.

Тот же опыт показал, что артиллерийский огонь противника в особенности бывал губительным по тем нашим частям, с которыми немцы имели соприкосновение и могли корректировать стрельбу.

Это обстоятельство приводит к выводу, что по занятии войсками захваченного рубежа, необходимо во чтобы то ни стало еще несколько продвинуться вперед и выставить сторожевое охранение. Если выдвижение вперед не удастся, то необходимо по занятой линии выставить заставы, а главной линией обороны несколько отступить назад.

Сторожевое охранение прикроет от артиллерийских наблюдателей. Кроме того, оно необходимо для правильной организации инженерного укрепления захваченного рубежа, иначе работы, ведущиеся непосредственно в соприкосновении с противником, потребуют много времени и изнурят напрасно войска.

Вместе с тем таким эшелонированием нашего расположения мы сразу же готовимся вести будущий оборонительный бой из глубины, а это есть главнейшее условие для применения нашего сильнейшего оборонительного средства—контр-атак.

Участник обеих операций дает в своем приказе следующую схему оборонительного боя:

При атаках противника надлежит принимать вперед следующие меры: а) насыщение первой линии живой силой — бесполезно, тем больше будет жертв от артилерийского огня, а следовательно и потрясение боевого порядка глубже и сильней; б) близкое нахождение частных поддержек к боевой линии влечет за собой одновременные потери от огня противника в цепи и в этих поддержках, что и совсем уже не хорошо, в) значительную часть пулеметов содержать в тылу при частных

поддержках, дабы было что выдвинуть при контр-атаках. 1—2 пулемета, выдвинутые внезапно, сами по себе спасут положение.

В виду изложенного полагал бы на главном, отвечающем цели боя, местном рубеже, рыть окопы главной основной линии, а вперед выдвигать, так называемую, сторожевую линию на 400—800 шагов от основной линии. Сторожевую линию или передовую занимать заставами, в основной располагать роту там, где ранее мы обычно располагали две роты, но зато снадбить каждую роту 1—2 пулеметами. Далее, в глубине шагов 500—600 еще одна траншея для накапливания частных резервов перед контратакой с фронта и ряд непосредственно примыкающих к главной основной линии траверсных позиций—для таких же контр-атак во фланг (для траверсных позиций частью могут быть использованы ходы сообщения).

При контр-атаках иметь в виду: а) движение в лоб против прорыва следует избегать, а лучше действовать с места пулеметами, ружейным огнем и артиллерией, если надлежащая пристрелка сделана. б) Главный же удар развить с обоих флангов прорыва, двигая резервы вдоль окопов, еще не очищенных нашими войсками и под их прикрытием. Так было у нас 17/30 января, когда двинулись с востока на запад наши части, которые собственно и ликвидировали прорыв собственными силами почти без всякого участия частей двинутых с фронта.

Войска имели в минувших боях огромный опыт по производству контр-атак и отлично знают, что утрата части траншей еще далеко не свидетельствует об общей неудаче.

Противник прорвался восточнее Кальнцемского шоссе, примерно, на протяжении 1 версты, и распространился на восток в тыл нашим частям, дойдя почти до своих бывших окопов. Тем не менее наши доблестные части западнее шоссе и восточнее прорыва остались на своих местах, чем и способствовали организации контр-атак и восстановлению нашего положения (даже остатки прорванного полка, попавшего в весьма тяжелое положение, приняли участие в контр-атаках); да будет всем нам наглядным блестящим примером как надо драться.

Условимся, что части непосредственно не атакованные и доблестно удержавшиеся на своем месте, невзирая на прорыв даже в их непосредственном соседстве, обязаны оставаться в своих окопах, выдвигая лишь частные поддержки для прикрытия обнаженного фланга. Вот тут особенно пригодились бы коротенькие траверсные позиции на роту—две, каковые надлежит, очевидно, иметь в каждом батальонном участке.

К изложенному необходимо добавить:

Опыт январских боев показал, что участковые резервы начальников выше командиров полков должны быть к атакованному участку приближены незамедлительно и заблаговременно.

При обороне нами „Языка", когда наша боевая линия тянулась от Кюле до Пулеметной горки(немецкая), часть дивизионных резервов (большая) расположена была у Силлинека и у Нейн, а также в наших старых основных окопах по линии Нейн-Пулеметная горка.

В периоды наиболее сильного развития наступления немцы держали под очень сильным огнем весь район Нейн—Блоднек—Пулеметная горка, всякие резервы, подходящие по этому району, неизбежно терпели бы большие потери.

Кроме сказанного, более близкое расположение участковых резервов необходимо еще и потому, что опыт тех же боев показал большую медленность организации контр-атак участковыми резервами более отдаленными. Между тем, именно чрезвычайно важна, быстрая контр-атака, дабы не дать противнику времени закрепиться в прорыве, подвести пулеметы и орудия ближнего боя.

Для успешного отбития контр-атак противника громадное значение имеет налаженность своевременного сосредоточения артиллерийского огня.

Не только легкая, но и тяжелая артиллерия, обязаны иметь передовых наблюдателей в районе пехотных позиций. Это требование не в должной мере исполнялось тяжелой артиллерией в бывших боях.

Цель сосредоточения артиллерийского огня намечается двояко: а) сосредоточенным, заградительным огнем не допустить пехотной атаки; б) после прорыва противника тем же огнем отрезать прорвавшихся от тыла и тем облегчить контратаку наших частей.

В приведенной выше схеме организаций обороны уже отмечено, что удачно выдвинутые пулеметы в лоб противника являются сильным средством для остановки продвижения вперед противника. Такое же значение имеют и орудия ближнего боя (бомбометы и минометы). Необходимо настоятельно от войск требовать соответствующего применения и этих орудий, которыми они до сих пор пренебрегают.

Если пулеметы и орудия ближнего боя гибнут, делая последний выстрел в упор противнику или от артиллериского огня, то это не может служить укором соответствующей части. Всякая же другая потеря пулемета недопустима.

Все войсковые инстанции должны принять самые энергичные меры, дабы обеспечить быстрый подвоз и поднос необходимых материалов и инструментов для скорейшего укрепления захваченного рубежа. Прежде всего необходимо прикрыть сторожевую и главную основную линию обороны проволочным заграждением, применяя для этого спиральную проволоку, которая хотя и может быть сравнительно легко прижата к земле, но является пока единственным быстрым средством. Этот ее недостаток уменьшается по мере постановки кольев.

2) Указания по выработке плана обороны захваченного пространства:

Основываясь на изложенном об организации обороны, намечаются следующие указания по выработке плана обороны.

Опыт январской операции очень положителен тем, что нами удержана линия Кюле-Пулеметная горка.

Войска доказали, что они вполне боеспособны. Необходимо лишь их поставить хоть в мало-мальски приличные условия борьбы.

Таковыми условиями следует считать: а) оборона нам обещает успех, если мы занимаем естественный рубеж или во всяком случае находимся в одинаковых условиях с противником; б) нам необходимо иметь хотя бы маскированный тыл как подступ для резервов; в) необходимо изыскать все способы, дабы во чтобы то ни стало организовать артиллерийское наблюдение за подступами к нашей позиции со стороны противника; подробное изучение тыла противника перед наступательной операцией и рациональный выбор рубежа для захвата должны, главным образом, оказать помощь войскам в этом отношении; г) желательно иметь хотя бы некоторый ружейный обстрел.

На необходимость самого серьезного отношения со стороны всех к выбору рубежа обороны захваченного пространства следует обратить особое внимание, иначе требования, пред'являемые войскам — „не уступать ни шагу“, будут только дискредитированы, так как выполнение их окажется не по силам войскам.

В организации обороны захваченного нами в декабре пространства, нельзя отметить удовлетворение всех требуемых условий. Доказательством сего служат большие потери, понесенные нами в борьбе за передовую линию и неудовлетворительные ее результаты.

Выше были указаны намечающиеся рубежи в захваченном нами районе: а) Ледннг — Пулеметная горка; б) примерно 1 верста юго-восточнее лесн. Мангель — Скангель — Прасло — район лесн. Дишуп.

Наступательная операция заглохла как раз между этими рубежами, при чем наша передовая линия была такова: в районе Огле—Скудр все наше расположение и тыл были видны как на ладоне; от Скудр до угла болота, что у отметки 12, 8 были наилучшие условия обороны, далее к востоку мы не имели никакого обзора, ибо стояли лицом к лесу, а тыл наш, благодаря болоту, покрытому мелким и редким кустарником, был совершенно открыт.

Естественно, что все эти условия должны были быть учтены, и старшим начальником всего этого района должен был быть выработан соответствующий план обороны.

Если наступательным боем мы не смогли овладеть вторым рубежом, то естественно главной линией обороны следовало считать первый рубеж.

Местность перед этим рубежом резко разделяется на две части—правая между р. Аа и болотом представляет из себя целую систему песчанных бугров, на которых возможно было вести упорную борьбу. Левая же часть совершенно для таковой борьбы не приспособлена и с наступлением оттепели неизбожно должна была быть оставлена нами, так как болото превращается в озеро. Сопоставляя эти данные с нежеланием отдать противнику без борьбы хотя бы часть захваченного пространства, можно наметить следующий скелет плана обороны: ныне занимаемую линию занять сторожевым охранением; главную линию обороны, которую ни в коем случае не уступать, считать по линии Лединг—Пулеметная горка; развить оборону за впереди лежащую перед ней местность устройством передовой позиции только в районе песчаных бугров на линии Витинг.

Получив, примерно, подобное приказание участковый начальник имел бы возможность соответствующим образом организовать оборону и в бою использовать свою живую силу. В действительности же, в следствие получения приказания—„ни шагу назад“, участковыми резервами пришлось питать передовую линию. Резервы на поддержку шли при чрезвычайно неблагоприятных условиях: на правом участке по узкой полосе песчаных бугров; на левом участке по открытому пространству. Более маскированные места излишне насыщались войсками, которые несли большие потери и не выполнили своей задачи.

Таким образом и здесь необходимо определенное решение, для постановки которого данных всегда будет достаточно.

На западном берегу р. Аа январские бои велись как раз при одинаковой обстановке для нас и противника. Весь район действий покрыт густым лесом. Более всего обзора противни-

имел в районе бугров по восточному берегу болота Тируль. Очевидно и мы здесь имели такой же обзор. Вся тяжесть оборонительных боев, неудачно окончившихся для нас, была в районе указанных песчанных бугров и прилегающего участка леса до Ронской дороги.

Судя по развитию боев, можно отметить следующие недочеты в организации обороны: а) закрытая местность—лес, требовали более близкого расположения участковых резервов; б) благодаря сильной артиллерийской подготовке, намерение противника — нанести главный удар в районе песчаных бугров, мог быть вполне учтен своевременно, в смысле подачи резервов и готовности артиллерии помочь пехоте; в) песчаные бугры по берегу болота Тируль дают ряд прекрасных уступных позиций, которые использованы были лишь маленькими пассивными уступами, тогда как следовало их использовать, как исходное положение для сильных активных уступов, долженствующих переходить в энергичную контр-атаку во фланг противнику; нами же контр-атаки, главным образом, велись с фронта; г) артиллерия не оказала своевременной и достаточно сильной помощи, т. к. было не в должной мере организовано наблюдение передовыми наблюдателями; д) схема нашего укрепления позиции не получила должной глубины и не был использован богатый подручный материал — деревья, для устройства в скорейшем времени более сильных искусственных препятствий.

Войска не ощущали недостатка в помощи со стороны инженерных войск корпусов и армии.

Необходимо иметь в виду, что укрепление позиций должно вестись инженерными войсками обязательно по плану, выработанному совместно с офицерами генерального штаба дивизий или корпусов.

Только при этом условии можно ожидать, что укрепление позиций будет отвечать общему плану обороны. Нельзя обходиться общением на месте только с полковыми командирами, на каждом участке разными.

Последнее именно наблюдалось, при заблаговременной постройке линии окопов на восточном берегу р. Аа, на узкой полосе песчаных бугров по линии Звигуль. Левый участок этой линии окопов был сильно выдвинут вперед по отношению окопов у Звигуля. Такое выдвижение выгодно только, если местность позволяет организовать перекрестный огонь с соседних участков по району впереди выступа, и, во всяком случае, требуется обеспечение выступа тыловой линией окопов, чего в действительности сделать не успели. Войсками же, в свою оче-

редь, не была учтена эта особенность укрепления данного участка, требующая заблаговременного занятия его определенным гарнизоном.

В действительности произошло следующее: противник прорвал наше расположение в лесу восточнее Скудр, овладел выступом и быстро начал распространяться по нашим окопам к Звигуль. Такое движение противника оказалось гибельным для наших частей, дравшихся в районе Огле.

Действия артиллерии.

1) При внезапных ночных нападениях:

При внезапных ночных нападениях, с целью прорыва содействие артиллерии в особенности требует хорошо налаженной связи с пехотой.

Содействие артиллерии после удачного прорыва должно выразиться:

а) потушить огонь батарей противника, которые открыли огонь по месту прорыва;

б) иметь передовых наблюдателей при прорвавшихся частях, которые должны цветными ракетами, условным поджиганием костров, ориентировать артиллерию о местонахождении нашей пехоты, помогая в этом последней. Главным же образом, через бегунов посылать возможно чаще донесения, освещая обстановку с артиллерийской точки зрения и по возможности скорей наладить телефонную связь. В деле освещения обстановки не только с артиллерийской точки зрения, но и с любой, в особенности важно заблаговременное издание карты тыла противника с дюймовыми квадратами, лучше 100 саженного масштаба и обязательно с исправленными контурами леса, населенных пунктов и дорогами, согласно данным воздушного фотографирования. Такая карта поможет составлять всякого рода донесения и правильнее вести стрельбу по площади, которая во многих случаях неизбежна, в особенности при заградительном огне.

Как нашей, так и немецкой артиллерии во многих случаях приходилось стрелять по площадям, но последней в гораздо лучших условиях, ибо войска цветными ракетами ее ориентировали о местонахождении своих частей. Наша пехота цветных ракет не имела. Если же имела, то очень мало и плохой конструкции, почему, относясь к ним с недоверием, в бою их не применяла. Благодаря чему были случаи стрельбы по своим.

Только благодаря отсутствию цветных ракет мог произойти следующий случай. Один полк после прорыва, отбив контр-

атаку немцев слева, хотел развить действия в тыл позиций противника, которую атаковал с фронта другой полк. Но, в это время, по просьбе командира полка, атаковавшего с фронта, артиллерия дала заградительный огонь на этом участке, которым и прикрыла тыл немцев от наших действий, нанеся нам небольшие потери.

в) Иметь передовых наблюдателей непосредственно у флангов прорыва, которые должны все время следить за борьбой в этих местах и способствовать огнем артиллерии расширению прорывов в стороны, а также отбитию контр-атак неприятеля.

Если прорыв не удался, немедленно должен быть открыт короткий ураганный огонь легкой или гаубичной артиллерии по окопам и заградительный огонь по тылу. Это необходимо для покровительства немедленному повторению атаки следующими сзади волнами.

В этом отношении большую пользу могут принести заранее закрепленные для ночной стрельбы батареи минометов, поставленные против середины и флангов прорыва и пулеметные батареи на флангах.

Если позиция противника будет заранее изучена и будут определены места пулеметных гнезд, то сосредоточение по ним огня минометов и батарей, а пулеметов по окопам, несомненно, даст результат.

Не надо забывать и здесь о требовании—потушить огонь батарей противника, открывших стрельбу по прорыву.

В этом случае противник несомненно начнет выпускать ракеты. Прекращение им выпуска ракет есть лучший знак для возобновления атаки.

Дальнейшее содействие артиллерии должно выразиться в помощи войскам преодолеть последующие линии и в защите их от контр-атак противника.

Успех продвижения вперед прорвавшихся войск будет зависить от глубины оборудованной позиции и от сопротивления, оказываемого неприятелем. Во всяком случае, прорывающиеся части должны стремиться перейти несколько вперед назначенного для захвата рубежа.

Части, прорывающиеся, имеют возможность очень часто выполнить это стремительным движением вперед.

Зато частям, развивающим успех и обеспечивающим за ними владение намеченным рубежом, безусловно придется вести очень упорную борьбу по очищению всей местности от противника, дабы успешно выполнить задуманный маневр, в целях соединения с соседом и получения уже общего большого прорыва.

2) При атаке сильно укрепленной позиции:

В борьбе за сильно укрепленные пункты или районы артиллерия содействует, преследуя следующие цели.

Позиция противника всегда состоит из ряда узлов сопротивления и траверсных позиций. Чем гуще расположены эти элементы, тем позиция сильнее.

Успех атаки в лоб таких укрепленных пунктов или районов, хотя бы и после артиллерийской подготовки, всегда имеет мало вероятия. Противник снабжает их большим числом прочных убежищ, которые позволяют гарнизону выдержать бомбардировку очень сильной артиллерии. Поэтому необходимо прорываться в промежутки, дабы уже маневром с тыла взять эти опорные пункты и целые районы.

Начальник, уже не раз цитированный, по этому поводу в своем приказе пишет следующее:

„Захват Бабитского Языка в сущности был достигнут нами с очень небольшими жертвами благодаря маневру, т.-е. успех несомненный, если войска после прорыва уже первой линии получают возможность маневрировать. Исходя из этого положения надлежит выбирать как фронт для организации ряда прорывов, так и пункты для атаки, дабы успех первой волны войск открывал поле для маневра главной массе ударной группы. При чем самый маневр должен быть несложен, накоротке и очевиден даже для всякого стрелка,—бей перед собой от своего исходного положения. Надо полагать, что в огромном по длине расположении противника таких пунктов, соединяющих два удобства — прорыв и маневр—имеется не мало, надо только умело их разыскать и обследовать.

Атаки же, прямо скажем, в лоб на Пулеметную горку, лесн. Мангель, Олай и т. п., как сильно обработанные опорные пункты, заранее обречены на неудачу“.

Основываясь на этом, с началом атаки, как внезапной, так и с артиллерийской подготовкой, крайне необходимо, чтобы узлы сопротивления или районы и траверсные позиции держались все время не переставая под сильнейшим огнем. Цель этого огня—не позволить гарнизону убежищ высунуться наружу и контр-атаками действовать на фланги прорвавшихся.

Такой непрерывный обстрел будет действителен лишь тогда, если он подобен барабанному огню и для него нет надобности привлекать исключительно тяжелую артиллерию, а наоборот, эта задача в большей части может быть выполнена легкой артиллерией, гранатами и химическими снарядами, а также,

если дальность позволяет, обязательно следует привлечь к этому и батареи тяжелых минометов.

Пехоте же необходимо внушить, что лучшее средство против могущего все-таки быть из фланкирующих построек пулеметного огня, есть неудержимое движение вперед прорвавшихся.

Примером для сказанного служат наши действия 23/5 января на фронте Нейн — Пулеметная горка.

Наш артиллерийский огонь загнал защитников в убежища, но разрушить их не смог.

В промежуток между узлами леси. Кревинг и северный выступ Пулеметной горки ходили артиллерийские разведчики и никого не встретили.

Около 16 часов там же прорвалась рота, а за ней и батальон, но затем они, очевидно, были встречены огнем во фланг, ибо действий своих не развивали. Мы же в это время большую часть артиллерийского огня перенесли на тыловую линию, а по Пулеметной горке стреляли только редко, т.-е. как раз в самый нужный момент освободили гарнизон этой горки от нашего ураганного огня.

В смысле же действий по отношению всего „Языка“, как укрепленного района, события 23/5 декабря дают положительный пример: наша сильная артиллерийская подготовка по „Языку“ облегчила наш прорыв северо-западнее леси. Мангель и дала возможность впоследствии овладеть „Языком“ посредством маневра, атакою с тыла.

Таким образом, первая цель действий артиллерии и минометов есть прекращение всякой жизни на поверхности узлов сопротивления и траверсных позиций, содействуя выходу пехоты в тыл этих пунктов и районов и пленению всего их гарнизона. Затем артиллерия обязана: потушить огонь батарей противника и заградительным огнем обеспечивать наши войска от контратак с фронта. Необходимость выполнения этих требований не раз уже указывалась.

В первые дни наступления влияние артиллерии на бой в декабрьской операции, сказалось, главным образом, лишь в привлечении внимания противника к тем участкам, по которым велась артиллерийская подготовка. Непосредственной же помощи пехоте, артиллерия, хотя и пыталась оказать, но вследствие, главным образом, плохого качества телефонных проводов (очень тонких и постоянно разрываемых проходящими людьми), эта помощь была недействительна.

Действия кавалерии.

В декабрьскую операцию два раза пыталась кавалерия выйти в тыл противнику, но оба раза безуспешно.

Первый раз 23/5 декабря неуспех был об'яснен невозможностью провести кавалерийскую массу, вследствие болотистой не совсем замерзшей почвы, в районе прорыва.

Второй раз кавалерия делала попытки, по овладению нами „Языка“, переправиться через реку у м. Кальнцем, но спешенные части кавалерии, встреченные контр-атакой немцев силою около батальона, смогли лишь занять Пике, и на ночлег кавалерия была отведена назад.

Из опыта этих боев можно вывести следующее:

а) Для прохода кавалерии в прорыв необходимо сделать соответствующие исправления пути. В данном примере не было учтено, что кавалерия зимой может двигаться вне дорог только при малом снеге и благоприятной почве. Неудачу действий кавалерии у Кальнцема следует приписать отсутствию поддержки артиллерийским огнем и пехоты.

б) На третий день наступления нельзя было ожидать, что кавалерия при переправе через р. Аа у м. Кальнцем не встретит никакого сопротивления. Поэтому необходимо было придать кавалерии от батальона до полка (в зависимости от обстановки) специально для овладения переправой, тем более, что реку Аа, благодаря состоянию льда, кавалерия не могла перейти, не пользуясь мостом.

Подобный опыт показывает, что в будущем, для большого обеспечения выхода кавалерии в тыл, ей необходимо, по крайней мере на первые сутки, придать не менее батальона пехоты.

в) Действия пехоты с действиями кавалерии не были согласованы, так как в то время, когда кавалерия старается пробиться у Кальнцема и доходит до Пике, пехота пассивно окапывается на линии Витинга.

г) Относительно действий самой кавалерии можно отметить, что спешенные части ее не должны были очищать Пике и сама кавалерия не имела права уходить из боя на ночлег. Наоборот, необходимо было усилить спешенные части, занять также и Огле и боем не давать противнику усиливать его части на восточном берегу реки у Кальнцема, и, если обстановка благоприятствовала бы, следовало стремиться отбросить противника на западный берег реки Аа. Вместе с тем надлежало потребовать от пехоты помощи, а последняя была обязана ее оказать.

Всеми такими мерами еще вечером третьего дня операции мы бы могли овладеть районом Кальнцем, и в последующие дни направить свои усилия для захвата района Мурнек. В действительности же, благодаря упущенному моменту мы даже не овладели районом Кальнцема.

Служба связи в войсках.

По вопросу о службе связи в войсках одним начальником даны следующие указания в приказе:

Вопрос о связи — самый наш больной вопрос. Как известно, не только обычный телефонный провод, но даже и бронированный часто в бою отказывал и как всегда — в самые критические моменты. Отсюда вывод — отыскивать другие способы. А потому цепь летучих постов от командира полка к командирам батальонов безусловно необходима и раз навсегда, без всяких из'ятий или отступлений. В зависимости от местности — рыть для них в попутных бугорках убежища, а если местность ровная — окопчики с лисьей норой. В том и другом случае каждую станцию отмечать небольшим красным флагом с №-ром части. Посты располагать не далее 500 шагов друг от друга, дабы бегун мог одним духом преодолеть это расстояние, а убежища должны быть достаточной прочности. Летучую почту сформировать раз навсегда, разбив ее на посты и содержать при команде связи, примерно, по рассчету на 10 постов всего 30 человек. Людям иметь особую нашивку на рукаве шинели (или рубахи) — два скрещенных флажка. Людей этих тщательно обучать и тренировать в беге (эстафетный бег), подбирая в команду смелых, подвижных и честных героев.

По моему мнению чины связи должны подбираться особенно тщательно, так как это по существу сплошь герои, делающие свое дело под огнем, без всяких укрытий. При постах же летучей почты могут находиться и телефонисты, обязанные следить за исправным содержанием телефонных линий и чинить таковые.

Сверх указанного, всякий боевой начальник, начиная с командира полка, должен ежечасно (вообще возможно чаще), убеждаться в положении дел на его фронте в период боя. Полагаться на одни донесения командиров батальонов, как показал опыт, не всегда возможно, а главное нельзя получить тех именно сведений, которые нужны в данный момент для высшего командования.

В виду этого, приказываю командирам полков, во время боя содержать при своем штабе не менее 20 пеших развед-

чиков с 4—5 офицерами, исключительно для периодических посылок на фронт небольших офицерских дозоров (1 офицер, 2—3 разведчика). Офицеры должны уметь хорошо ориентироваться на местности, читать карту и чертить, не говоря уже об особой доблести, которая, как лично от них, так и от разведчиков, несомненно потребуется.

Начальник боевого участка, в случае перерыва телефона или необходимости на месте выяснить подробно положение войск, с успехом использует этот способ осведомления. Теперь же организовать такие команды.

Для связи начальника дивизии с командирами полков—организовать конные и пешие летучие посты, — при чем первые будут ближе к штабу дивизии, а непосредственно примыкающие к штабам полков — исключительно также пешие, (в виду невозможности под'ехать верхом). Штабс-капитану N наладить это дело по рассчету на 5 пеших постов.

О технических средствах.

Из области техники борьбы, минувшие операции дают возможность отметить следующее:

В январской операции противник широко пользовался сильным и методическим обстрелом района атакуемого фронта химическими снарядами. Противник обстреливал химическими снарядами в широкой степени батареи, вообще тыловой район и окопы участков соседних с атакуемым.

Несмотря на громадное количество выпущенных снарядов, которое исчисляется десятками тысяч за период в 10 дней, выбывших из строя отравленными в окончательном результате было только 1019 человек. Легко отравленных было довольно много, но болезненное их состояние довольно быстро проходило и они остались в строю.

Вернейшим предохранительным средством является маска Куманта-Зелинского, но так как слюда в ней обмерзала и продолжительно работать в маске затруднительно, то наиболее пострадавшими оказались артиллеристы, так как прекращать огонь батарей по обстановке не представлялось возможным. Пехотные резервы, находясь в покойном состоянии, вполне могут использовать маску.

Однако, в предвидение возможной необходимости двигаться по отравленному району, вообще следует все роды войск упражнять в ходьбе и в работе по специальности, с одетыми масками.

По инженерной части выяснилось, что куролитовые удлиненные заряды боятся сырости и в холодную погоду быстро промерзают; вследствие последнего взорвать ими проволочные заграждения нигде не удалось; кроме того, замечено, что наиболее удобно воспламенять бикфордов шнур японскими грелками.

Противник очень часто за полосами проволоки на высоких кольях имеет еще низкое проволочное заграждение, для преодоления которого удобно использовать маты. Ручные гранаты, в особенности гранаты Новицкого, благодаря силе их взрыва, получили очень большое применение, но выяснилось, что метанию гранат следует обучать возможно большее число людей и притом дать им практику в метании обязательно настоящей гранаты, а не только учебных.

Вновь подтверждается, что орудие ближнего боя — минометы и противштурмовые орудия, являются средством не только оборонительным, но и наступательным.

Необходимо внушить войскам и произвести соответствующие учения, которые ознакомили бы их шире с свойствами этих орудий и приучили бы к надлежащему их использованию.

При составлении плана операции предусматривать сосредоточение этих орудий и противоштурмовых пушек в пункты удара, ибо во время наступления нет основания их оставлять на пассивных участках, когда оне могут принести большую пользу при атаках. При надобности, для массового употребления этих орудий, следует формировать соответствующие команды.

В. Ступин.

Военные соглашения России с иностранными государствами до войны.

А. Общий очерк политико-стратегического положения к началу войны.

Стратегическое положение России к началу войны 1914 г. определялось, кроме чисто стратегических факторов — известными обязательствами по отношению к другим державам. Стратегия всех воюющих государств во все время войны слагалась из взаимодействия этих двух элементов—чисто военного расчета и влияния на него отношений с союзниками.

Еще за долго до войны сложилась политическая обстановка, разделившая Европу на две коалиции держав, — Согласие с одной стороны, Тройственный союз с другой. Правда, политическое соглашение не всегда совпадало с военным союзом, и обязательства держав, связанных политическими договорами, в отношении войны были различны. Из трех держав Согласия Россия и Франция были связаны союзным договором и военной конвенцией, заключенной в 1892 году. Участие Англии в Согласии, хотя и обусловленное рядом политических соглашений (с Францией 1906 года, с Россией в 1907 г.) не было определено в отношении военного содействия. Также не определено было положение Японии в случае военного выступления Согласия, хотя Япония и Англия были связаны политическими и военными обязательствами и существовало также политическое соглашение России и Японии. Кроме военной конвенции с Францией, Россия заключила также в 1902 году военную конвенцию с Болгарией на случай войны с Румынией. Однако, положение, занятое Болгарией после Бухарестского мира 1913 года, было весьма двусмысленно и можно было сомневаться в готовности Болгарии стать на сторону России и Франции в случае европейской войны. Для полной картины лагеря держав, примыкавших к Согласию, следует отметить близость России и Сербии. Хотя между нами и Сербией не было оформленного политического и военного соглашения, но диплома-

тические переговоры между русским и сербским правительством привели к обмену взаимных обещаний в отношении возможной военной помощи.

Что касается противного лагеря, отношения держав Тройственного Союза были строго определены Союзным договором Германии и Австро-Венгрии, к которому примкнула в 1889 году Италия. Однако, последняя с 1907 года, под влиянием стремления воссоединить с Италией итальянские области, принадлежавшие Австро-Венгрии, все более склонялась на сторону враждебной Австрии коалиции. Также ставился вопрос и о Румынии, связанной с Австрией военной конвенцией, направленной против России. Успехи Румынии в последней Балканской войне были закреплены, благодаря воздействию дипломатии Согласия, и в связи с этим стремление Румынии получить Трансильванию и Буковину создало в ней сильную партию, тяготевшую в сторону врагов Австрии. Даже вожделения Румынии относительно Бессарабии не могли побороть это настроение, тем более, что многие румынские политики считали возможным получить Бессарабию путем мирных переговоров с Россией, за военное содействие Румынии против Австрии. За то Тройственный Союз имел основание рассчитывать, при известных обстоятельствах, на содействие Болгарии, а также на выступление на его стороне Турции, где все сильнее и сильней внедрялось германское влияние.

Между этими двумя группами держав находились нейтральные государства, различно настроенные и занимавшие различные положения, более или менее дружественные или враждебные по отношению к той или другой стороне. Во главе нейтральных стояла Америка, к началу войны занимавшая совершенно об'ективное положение, быть-может, даже несколько враждебное по отношению к державам согласия.

Из этого краткого очерка видно, что в 1914 году Россия могла рассчитывать на участие в войне на ее стороне некоторых держав, и сообразно этому строить свои стратегические расчеты. Из этих держав Франция и Болгария были связаны с нами определенными обязательствами. Участие Англии было проблематично, но возможно. Была также некоторая вероятность выступления на нашей стороне Италии и Румынии.

Б. Военная конвенция с Францией.

Заключению военной конвенции с Францией, окончательно утвержденной в 1893 году, предшествовали длительные дипло-

матические переговоры. С самого начала был поставлен вопрос не о Союзном договоре, но о чисто военном соглашении двух держав на случай войны с Тройственным Союзом. В августе 1891 года произошел обмен нот между обоими правительствами, в котором принципиально был решен вопрос о соглашении. Основы последнего были формулированы в записке французского генерального штаба следующим образом: 1) Соглашение имеет в виду исключительно случай оборонительной войны, вызванной нападением сил Тройственного Союза на одну или другую из двух держав или на обе вместе. 2) Франция и Россия обязываются в этом случае оказать друг другу взаимную помощь всею совокупностью своих свободных сил. 3) Мобилизация должна начаться одновременно во Франции и России, как только начнется мобилизация сил Тройственного Союза. 4) Главным противником является Германия, в виду чего против нее направляются главные силы, против же второстепенных противников, Италии и Австро-Венгрии, оставляется лишь необходимое количество войск. 5) Соответственно этому Франция направляет против Германии 5/6 своих вооруженных сил, т.-е. около 1.300.000 войск. Россия направляет против Германии от 700.000 до 800.000 войск [1]).

Вслед за этими переговорами возбужден был вопрос о заключении формальной военной конвенции. Как видно из записки начальника генерального штаба ген. Обручева, написанной в 1892 году, французы и тут ставили вопрос не о союзном договоре, а лишь о военной конвенции, определяющей одновременность мобилизации французской и русской армии и согласование заранее способа их действий. Подобного рода акт представлялся им наиболее удобным потому, что заключение Союзного договора, как и об'явление войны, требовало разрешение парламента, тогда как мобилизация армии могла быть об'явлена президентом Республики помимо Палаты, без потери времени на парламентское обсуждение, которое было бы поставлено в таком случае перед уже совершившимся фактом. Ген. Обручев считал эти соображения правильными и форму военной конвенции вполне удобным видом соглашения для нас. По существу французы, как это видно из той же записки, продолжали стоять на точке зрения, что Германия является главным врагом, и желали заключить конвенцию исключительно

[1]) Записки французского генерального Штаба, без числа. Дело ген. Штаба: „Переговоры о заключении франко-русской военной конвенции“.

на случай войны с Германией. Ген. Обручев, считая это условие обоюдно выгодным, находил, однако, что оно более выгодно для Франции, чем для нас. „Заручившись гарантией против самого опасного нашего врага",—писал он;—„Франция могла бы в случае войны России с Австрией, возникшей хотя бы по приказу Германии, оставаться безучастной и выжидать событий, что могло иметь для нас гибельные последствия. При чрезвычайном миролюбии массы французского народа и искусстве германской дипломатии, способной обещанием некоторых уступок удержать хотя временно Францию от разрыва, мы были бы предоставленными собственным силам и, конечно, должны бы были тогда бороться не только с Австрией, но и с большей частью сил Германии, а легко может быть и с другими ее союзниками. Нам крайне не выгодно появляться на военной арене одним. Наша изолированность всегда будет действовать слишком ободряющим образом на всех наших противников. На сколько грозные соединенные силы России и Франции могут многих сдерживать от участия в конфликте, на столько же легко может разростись коалиция против одной России, вынужденной отбиваться на все стороны. Поэтому едва ли удобно нам заключать конвенцию исключительно на случай войны с Германией. Перед нами стоит тесно сплоченный в военном отношении Тройственный Союз; ни коим образом мы не можем себе представить отдельных против нас действий Австрии или Германии; следовательно, и в конвенции необходимо нам обусловить одновременную мобилизацию армии Франции и России случаем *нападения на них не Германии, а какой бы то ни было державы Тройственного Союза,* считая их безусловно солидарными и нераздельными.

С дипломатической точки зрения может, конечно, подвергнуться критике, вытекающее из вышеприведенного условия, обязательство России: в случае столкновения Италии с Францией, тотчас же начать войну на западной нашей границе; но только этим обязательством можно уравновесить налагаемое и на Францию обязательство тотчас же мобилизоваться и начать войну в случае нападения на нас хотя бы одной Австрии" [1]).

Что касается вопроса о согласовании военных действий ген. Оброчев считал, что „мы не можем себя связывать условием направить столько-то корпусов или сот тысяч войска собственно против Германии и столько то против Австрии.

---

[1]) Записка ген. Обручева, 1892 года.
Дело: ген. „Переговоры о заключении франко-русск. в военной конвенции".

Мы должны сохранить за собой полную свободу распределять так войска, чтобы нанести решительный удар армиям Тройственного Союза. Может быть для достижения сей цели нам прежде всего придется направить главные силы против Германии, как опаснейшего и сильнейшего противника; но может быть представится еще более выгодным сокрушить как можно скорее Австрию, чтобы затем легче справиться с изолированной Германией". Генерал Обручев заключал: „Нам надо сохранить за собой полную свободу действий, и потому в вопросе о совместных с Францией операциях, кажется наилучшим будет ограничиться лишь общим обязательством: в случае нападения одной из держав Тройственного Союза на Францию, тотчас же мобилизовать свою армию, и начать военные действия против ближайших к нам держав сего союза—Германии и Австрии, требуя и с французской стороны соответственного же обязательства".

Такая точка зрения, однако, встретила возражения со стороны министра Иностранных Дел Н. Гирса. В письме к военному министру Ванновскому, от 13 мая 1892 г., Н. Гирс высказал свое мнение, что „предполагаемые меры поставили бы нас в весьма невыгодное положение, связав вместе с тем свободу решений государя императора в серьезном вопросе о войне. Ведь речь идет уже не о мобилизации в том смысле, как ее понимают французы, говоря о сосредоточении войск в 14-ти дневный срок, а о немедленном нападении на двух самых сильных противников, при малейшем признаке мобилизации итальянцев на французской границе". Н. Гирс полагал, что подобное обязательство с нашей стороны было бы во всяком случае несвоевременно и крайне нам невыгодно в политическом отношении. Мнение Гирса одержало верх и, благодаря его вмешательству, нам удалось заключить конвенцию на условиях более легких, чем то предполагал генерал Обручев.

В основу конвенции лег первоначальный проэкт, выработанный французским Генеральным Штабом, при чем заключение конвенции ставится этим проектом в прямую связь с соглашением, имевшим место между двумя правительствами в августе 1891 года, по которому Франция и Россия имеют целью, при заключении соглашения, оборонительную войну, вызванную нападением на них Тройственного Союза.

Согласно п. 1 этого проекта, в случае, если силы Тройственного Союза или одной Германии начали бы мобилизацию, Франция и Россия, при первом извещении об этом событии, и без предварительного сговора, мобилизуют немедленно и

одновременно совокупность их сил и направят их возможно ближе к границам. По п. 2, в случае, если Франция и Россия действительно подвергнутся нападению со стороны сил Тройственного Союза или одной Германии, обе державы направят против Германии совокупность сил, которые не будут необходимы на других фронтах. Эти силы начнут военные действия с возможной быстротой и решительностью, дабы Германия была вынуждена одновременно вести войну на востоке и на западе. По ст. 3, в случае участия всех сил Тройственного Союза, Франция выставляет против Германии 1.300.000 человек со сроком сосредоточения на границе на 14 дней. Россия в том же случае выставляет 800.000 человек со сроком сосредоточения, который остается определить путем переговоров. Франция и Россия обязуются не заключать отдельный мир, и защищать взаимные их интересы как свои собственные (ст. 4). Ст. 5 устанавливает согласование действий союзных штабов при выполнении и подготовлении военных мер и предусматривает обмен сведениями и средства связи. По ст. 6 срок конвенции равняется сроку Тройственного Союза. Наконец ст. 7 устанавливает секретный характер договора.

Переговоры внесли в проект французского генерального штаба существенные изменения. Как видно, в нем отстаивалась точка зрения Франции, указанная генералом Обручевым, согласно которой война ведется совместно Россией и Францией только в случае участия в ней Германии. Это создавало бы для России, как отметил генерал Обручев, невыгодное положение в случае начала военных действий против нас со стороны одной Австрии. В виду этого в новом проекте конвенции, статья 2 первой редакции, определяющая вступление в войну договаривающихся держав в случае нападения на одну из них *всего Тройственного Союза или одной Германии*, заменена следующей: „Если Франция будет атакована Германией или Италией, поддержанной Германией, то Франция использует все свои свободные силы для нападения на Германию. Если Россия будет атакована Германией или Австрией, поддержанной Германией, то Франция использует все свои свободные силы для действий против Германии“ (ст. 1 нового проекта). При такой постановке вопроса в значительной мере падали опасения, высказанные генералом Обручевым, о возможном одиночестве России в войне, начатой Австрией, и впоследствии поддержанной Германией. Вместе с тем, однако, избегнуто было отмеченное Н. Гирсом тяжелое обязательство

для России напасть на Германию в случае франко-итальянской войны. В п. же 2 нового проекта, касающемся одновременной мобилизации двух держав, случай последней определен был наиболее общим образом: „В случае, если бы началась мобилизация армии Тройственного Союза или же одной из держав входящих в его состав, то Россия и Франция при первом известии об этом и без предварительного соглашения немедленно и одновременно мобилизуют все свои силы и сосредоточат их возможно ближе к своим границам“. Ст. 3. новой редакции гласит: „Силы, направляемые против Германии, должны состоять со стороны Франции из 1.300.000 человек, а со стороны России от 700.000 до 800.000 человек“. Здесь опущено ограничение этого случая участием в войне всех держав Тройственного Союза, а также упоминание о сроках сосредоточения армии на границах. В статьи 4, 5, 6 и 7 не было внесено существенных изменений (за исключением перестановки статей 4 и 5).

В августе 1892 года генерал Буадефр, от имени французского правительства, представил генералу Обручеву третью редакцию проекта конвенции, содержащую в сравнении со второй некоторые изменения. Из них существенны следующие: во-первых, вместо общего выражения пункта 2: „в случае если силы Тройственного Союза... начнут мобилизацию“... генерал Буадефр предлагал выражение: „начнут *общую* мобилизацию“. Поправка эта имела в виду устранить случай частной мобилизации. По этому поводу генерал Обручев писал Ванновскому 18 августа 1892 года, что поправка эта может быть принята, хотя она скорей клонится в пользу французов, чем в нашу“. Повидимому она освобождает нас от обязанности мобилизоваться в случае конфликта между Францией и Италией по Марокксним или Тунисским делам, но вместе с тем она освобождает и Францию от обязанности мобилизоваться, если Австрия двинет 3—4 корпуса в Герцеговину или Сербию, или хотя какою-нибудь частью войск поддержит Болгарию в ее столкновении с Сербией. Возникновение столкновений на Балканском полуострове гораздо вероятнее, чем в Марроко. Поэтому изменением 2 п. мы теряем более, чем французы. Думаю, однако, что это только на бумаге, ибо не посмеет Австрия двинуть ни одного солдата на Балканский полуостров, не мобилизовав всей своей армии, чтобы дать отпор России“ [1]). Собы-

[1]) Письмо ген. Обручева к ген. Ванновскому 18 августа 1892 года (то же дело.)

тия вполне оправдали это мнение ген. Обручева и начало европейской войны произошло именно так, как он предполагал.— Вторая поправка, предложенная ген. Буадефром, определяла число войск, выставляемых Францией против Германии не в 1.300.000 войск, а от 1.200.000 до 1.300.000. Остальные поправки не имели значения. Редакция ген. Буадефра была принята русским правительством. Окончательный текст конвенции в этой редакции был подписан в августе 1892 года ген. Обручевым и Буадефром. В декабре 1893 года последовал официальный обмен писем между русским министром иностранных дел Н. Гирсом и французским послом в С.-Петербурге графом Монтебелло об утверждении конвенции обоими правительствами.

Конвенция эта, заключенная в 1892 году в виде основного соглашения между Россией и Францией с августа 1899 года стала дополнением политического соглашения, заключенного в это время в Петербурге министрами иностранных дел России и Франции.

В. Совещания русского и французского начальников генеральных штабов.

Через несколько лет после заключения конвенции когда обнаружилось все возрастающее сближение России и Франции, закрепленное политическим соглашением 1899 года, стала ощущаться потребность в постоянной согласованной работе генеральных штабов обоих держав. Это привело в 1900 году к созыву в Париже совещания, в котором участвовали в качестве представителей русской и французской армии, начальник русского главного штаба ген. Сахаров и начальник генерального штаба французской армии ген. Деланн. Вслед за совещанием 1900 г. состоялись таковые же в 1901, 1906, 1907, 1908, 1910, 1911, 1912 и 1913 г. Программа первого совещания была предварительно изложена французским военным атташе в Петербурге при приглашении в Париж ген. Сахарова в трех пунктах: 1) пересмотр и толкование некоторых пунктов конвенции, измененных вследствии нового политического положения. 2) Согласование действий на случай вожделений Германии по отношении к Австрии по смерти австрийского императора. 3) Обсуждение программы соглашения против Англии для действий в Азии и Африке. Совещание должно было носить лишь подготовительный характер для дальнейших переговоров по этим вопросам обоих правительств.

На совещании по первому вопросу этой программы было заявлено, что в конвенцию не будет внесено никаких изменений за исключением отмены п. 6, касающегося срока действия конвенции, отныне определяемого соглашением 1899 года. По вопросу о толковании конвенции были внесены некоторые замечания, касающиеся вопросов связи между обоими генеральными штабами. Главная работа совещания сосредоточилась на основном вопросе рассмотрения возможных операционных планов Германии и соответственного образа действий России и Франции. Ген. Деланн изложил первую гипотезу относительно германского плана, принятую французским штабом, как наиболее вероятную. Согласно этой гипотезе, Германия сосредоточит вначале на французском фронте все свои силы, поддержанные также итальянскими корпусами. На русском фронте останется лишь 5 корпусов с резервными дивизиями. В этом случае Франция к 15 или 18 дню об'явления войны сосредоточит обещанные 1.300.000 человек на границе и начнет наступательные действия. Ген. Сахаров согласился с вероятностью такого плана Германии, так как, в виду характера театра войны, решительные действия против России должны быть крайне продолжительными. Однако русский штаб допускал, что другие соображения, например: необходимость поддержать Австрию или удобство использования восточно-прусских железных дорог склонят Германию к сосредоточению с самого начала главных сил против России. Этот случай наиболее опасен, так как медленность русского сосредоточения, заканчиваемого лишь на 28. день, делает необходимым для русской армии в начале действовать оборонительно. Однако этот оборонительный образ действий превратится в наступательный в случае, если будет удостоверено, что германцы осуществляют первую гипотезу. Вслед за этим ген. Деланн обратил внимание ген. Сахарова на третью возможность германского плана, соединяющего в себе черты первой и второй гипотезы. План этот считается французским генеральным штабом не только возможным, но весьма вероятным. „Способ этот заключается в привлечении всего подвижного состава германских железных дорог для быстрого перебрасывания сил с французской границы на русскую и обратно, для действия по внутренним операционным линиям, но в размерах несравненно больших, нежели во времена Фридриха II и Наполеона I". (Журнал совещания 1900 года, глава IV, § 4). Французский главный штаб, по заявлению генерала Деланн считал, что в случае благоприятного исхода для германцев первых боев на французском фронте, они могут, примерно

через 10 дней, перебросить на русский фронт известное число корпусов и русский главный штаб будет в таком случае иметь против себя через 28 дней не 6 корпусов, но еще 4—6—8. По мнению начальника французского главного штаба в этом случае представляется более целесообразным разбить первые германские войска на русской границе ранее указанного числа, перейдя в наступление хотя бы с частью сил, указанных в § 3, как только явится уверенность в осуществлении немцами первого предположения. На это генерал Сахаров заявил, что переход в наступление с достаточными силами представляется возможным уже на 18 день, и, следовательно, уже ранее конца 4 недели возможно будет достигнуть предполагаемой линии стратегического развертывания германской армии. (Глава 4, § 5). Генерал Деланн признал себя вполне удовлетворенным этим заявлением, высказав, что он придает ему громадное значение. Французский генеральный штаб особенно опасается того, чтобы германское командование, рассчитывая на оборонительные намерения России, оставило против русской границы лишь завесу в 2—3 корпуса, с резервными дивизиями, в надежде усилить эти войска немедленно после благоприятного исхода боя с французами на 15—18 день. Предположение, это наименее благоприятное для французского главного штаба, привлекает наибольшее его внимание, и ожидаемая от России помощь сводится к тому, чтобы такое предположение сделать для Германии, если не невозможным, то опасным и потому мало вероятным. Представляется безусловно необходимым, чтобы Россия, дабы не поставить Францию в неблагоприятные для наступления условия, задерживала во что бы то ни стало на восточной границе Германии 5—6 немецких корпусов. В свою очередь французский главный штаб, при действиях Германии, согласно второму предположению, не колеблясь обещает России решительное и смелое наступление, которое обезпечит ему превосходство в силах, не допуская возможности отвлечь хотя бы часть своих сил к итальянскому фронту для улучшения там положения. (Гл. 4, §§ 6 и 7).

Изложенный обмен мнений по вопросу об осуществлении третьей статьи конвенции 1892 года особенно интересен, так как из него видно, насколько русское командование в разработке плана действий против Германии должно было считаться с обстановкой на французском фронте и пожеланиями французского штаба.

Остальная часть совещания была посвещена рассмотрению условий применения военной конвенции в случае попытки

Германии расшириться на счет Австро-Венгрии, а также рассмотрению вопроса о совместных действиях России и Франции в случае, если бы их правительства решили оказать друг другу помощь в предположении войны с Англией.

Второе совещание состоялось $\frac{8}{21}$ февраля 1901 года в Петербурге. На этом совещании, в котором участвовали со стороны России ген. Сахаров, а со стороны Франции ген. Пендзек, снова был поднят вопрос о применении § 3 конвенции 1892 года. „Ген. Пендзек высказал, что помощь, которую Франция ожидает от России, сводится к следующим двум пунктам: 1) отвлеч с французского фронта часть германской армии, достаточную для того, чтобы предоставить Французской армии наиболее шансов успеха в решительном бою начала кампании, которого можно ожидать, начиная с 14-го дня. 2) Если же исход этого боя, вследствии какого-либо несчастия, все-таки склонился бы не в пользу французского оружия, немедленно воздействовать на французское общественное мнение и на дух французской армии хорошим известием с русского фронта. Первое условие будет выполнено, если русские войска начнут наступление и головы колонн русской пехоты перейдут границу не позже 14. дня, при чем для этой операции будет направлено достаточное число войск для действий с шансами на успех против 6—8 германских корпусов. Второе условие также будет выполнено если известие об успехе русского оружия или, по крайней мере, о вторжении русских войск в пределы Германии, придет во Францию не позже того дня, когда произойдет решительный бой начала кампании, т.-е. также на 14. день“. „В заключение ген. Пендзек высказал, что французское правительство придает важное значение тому, чтобы и сосредоточение остальной части русских сил до того количества, которое определено конвенцией 1892 года, могло быть ускорено. Начальник русского главного штаба, выслушав эти заявления, сообщил, что они будут приняты к сведению при последующих работах главного штаба и возможных военных операциях. По существу вопроса ген. Сахаров сказал, что в настоящее время имеется возможность начать выступление и перейти границу на 18 день силами совершенно достаточными для успешного действия против 6—7 германских корпусов, при условии, конечно, что Германия сосредоточит большую часть своих сил против Франции. К 28 дню боевая численность войск, с коими могут быть начаты наступательные действия, в Германии дойдет до цифры 700—800 тысяч человек, указанной в конвенции 1892 года. (Глава 3, § 2).

Что же касается вопроса о переходе германской границы на 14. день и ускорения на 10 дней сосредоточения всех сил, указанных в конвенции 1892 года, генерал Сахаров ставил осуществление этих мер в зависимость от выполнения некоторых работ по развитию русской железнодорожной сети. Работы эти могли бы быть выполнены в течение 2. лет, но потребовали бы значителеных финансовых жертв. В ответ на это генерал Пендзек заявил, что ускорение боевой готовности русской армии, с целью перехода в наступление к указанному выше сроку, настолько важно для Франции, что французский министр иностранных дел готов обсудить вместе с русским министром условия финансовой комбинации для постройки соотвествующих стратегических железных дорог. (Гл. 3, §§ 2 и 3). Остальная работа совещания касалась вопросов о действиях в случае видов Германии на Австрию, а также по развитию соображений относительно возможных действий против Англии.

Третье совещание 19 февраля 1906 года было созвано в Париже по почину французского Главного Штаба. К этому времени общее политическое положение значительно изменилось в связи с двумя главными событиями: русско-японской войной и сближением между Францией и Англией. Учитывая трудности, созданные для русского штаба вследствие потерь, понесенных в японскую войну, французский главный штаб высказал в обмене писем, предшествовавшем совещанию, что его не удивит, если русский штаб сделает заявление о необходимости уменьшить контингент войск, пред'усмотренный конвенцией или изменить срок вступления их в действие. Французский штаб желал бы только знать, по возможности точно, когда может быть восстановлен порядок, установленный конвенцией и предыдущими протоколами совещания. До этого времени французский штаб желал бы сговориться относительно временных мер, соответствующих последовательным фазисам—восстановлению русской армии. (Письмо начальнику Главного Штаба генералу Палицыну от французского военного агента в Петербурге от 6/19 февраля 1906 г.) В ответ на это генерал Палицын на совещании заявил, что русская армия сравнительно мало материяльно пострадала от манжурской кампании, и что к апрелю 1907 года будут восстановлены кадры и организована мобилизация, хотя по недостатку некоторых приспособлений, армия не будет еще вполне боеспособна.

Что касается отражения на переговорах двух штабов совершившегося сближения Франции и Англии, оно выразилось

в весьма сдержанном отношении французского представителя к вопросу о возможных действиях против Англии.

На категорический вопрос ген. Палицына, выполнит ли французский штаб в случае войны против Англии те меры, относительно которых было условлено на предыдущих совещаниях, ген. Брен заявил, что эти меры могут быть выполнены лишь в случае заключения конвенции между правительствами, о каковой конвенции французскому штабу ничего не известно. Следует отметить, что в то же самое время русское министерство иностранных дел было, повидимому, так же озабочено, в виду переговоров с Англией, стремлением устранить все то, что могло быть истолковано в отношении Франции и Англии, как подготовка войны с Англией. В письме ген. Палицыну от 25 апреля 1906 года граф Ламсдорф высказывал относительно протоколов совещания 1906 года, что „при настоящей политической обстановке и значительном сближении нашем с Англией, за этим соглашением следовало бы сохранить характер обмена мыслей, как то было с некоторыми предыдущими того же рода протоколами и не облекать его, по крайней мере, ныне, в окончательную, утвержденную обоими правительствами, форму“.

По вопросу об общей цели конвенции 1892 года, на совещании 1906 г. было подтверждено, что соглашение это имеет в виду нападение Германии на союзников, при чем Австрия и Италия рассматриваются лишь, как возможные союзники Германии. Германская армия является, следовательно, главным об'ектом, против которого должны быть направлены все силы. По вопросу об одновременной мобилизации было высказано мнение, что мобилизация германской армии обязывает Францию и Россию немедленно мобилизовать все их силы по первому известию о таком событии и без предварительного сговора. Такой сговор необходим в случае частичной или даже полной мобилизации одних Австрии и Италии. Далее, на совещании был затронут вопрос о распределении германских сил между двумя западным и восточным театрами. Начальники штабов согласились в том, что, вероятно, в начале Германия направит свой главный удар против Франции, не исключая, однако, обратной гипотезы. Генералы Палицын и Брен менее, чем их предшественники склонны были придать значение системе переброски германских сил в большом масштабе с одного театра на другой до тех пор, по крайней мере, пока германская армия не одержала бы на одном из них решительного успеха. По вопросу о сосредоточении войск и военных дей-

ствиях ген. Палицын не счел возможным сказать ничего определенного, но заявил, что русский штаб не теряет из виду, что поражение Германии является главной стратегической целью и обязывается использовать в защиту общих интересов все средства, которыми он располагает.

Четвертое совещание состоялось $\frac{31}{18}$ июля 1907 г. На нем было прежде всего подтверждено высказанное на совещании 1906 года мнение о необходимости, в случае мобилизации Австрии или Италии, предварительного сговора между французским и русским штабом по применению конвенции 1892 года. Затем был рассмотрен вопрос о средствах связи между штабами посредством установления радиотелеграфных сношений между русскими и французскими станциями.

По вопросу о взаимодействии военных сил союзников против Германии, генерал Палицын заявил, что новые меры, принятые русским штабом, позволят совершить сосредоточение русского контингента в значительно улучшенных условиях по сравнению с условиями 1901 года. Кроме того, весьма успешно подвигаются работы по снабжению будущего фронта артиллерией, снарядами, провиантом и прочим материалами. Вместе с тем генерал Палицын сообщил, что принимаются меры к увеличению провозоспособности железных дорог, результатом чего будет постепенно ускорение сосредоточения контингента. Тем не менее нельзя избежать существования довольно большого промежутка времени между сроками серьезной встречи французских сил с германскими и сроком решительного выступления русского контингента против немецких войск. В виду этого русский начальник Главного Штаба обращал внимание французского штаба на необходимость учесть это обстоятельство и взвесить решение, касающееся решающих столкновений с противником.

В ответ на это генерал Брен заметил, что отсрочка исполнения русского движения может создать серьезные затруднения для французской армии. Было бы желательно, в интересах обоих армий, ускорить сосредоточение русских сил. Ген. Брен благодарил генерала Палицына за новые меры, принятые с этой целью и за продолжение усилий в этом направлении. (Гл. IV).

Следует отметить, что в переговорах совещания 1907 года нашли отражение политические колебания Италии, к этому времени начинавшей отходить от Тройственного Союза. Генерал Палицын заявил, что в случае если Италия будет в начале войны занимать сомнительное по отношению к Австро-Венгрии

положение, это ослабит усилия последней, направленные против России. В таком случае Россия будет в значительно более выгодных условиях по отношению к Германии. Весьма важно поэтому быть в курсе намерений Италии и принимаемых ею военных мер.

Следующее пятое совещание начальников штабов 24/11 сентября 1908 года началось с обсуждения, вследствие пожелания, высказанного русским министром иностранных дел Извольским, вопроса о возможности мобилизации Германии против Англии. При этом было установлено, что с военной точки зрения всякая, даже частичная мобилизация германской армии, хотя бы и направленная против третьей державы, составила бы серьезную опасность для союзников и, следовательно, повлекла бы за собой безусловное применение ст. 2 конвенции. Исключением мог бы быть случай если бы в случае полученных своевременных заверений Германии оба правительства имели уверенность в добрых намерениях этой державы.

Вслед за этим были рассмотрены вопросы, связанные с установлением радиотелеграфной связи. Затем совещание перешло к обсуждению условий взаимодействия союзников в войне против Германии. Ген. Брен изложил изменение в плане сосредоточения французских войск, внесенные вследствие заявления ген. Палицына на предыдущем совещании, о неизбежном запоздании выступления русских сил на германском театре. Ген. Брен при этом отметил, что меры, принятые французским штабом все же не в состоянии значительно уменьшить промежуток времени между решающим боем на западном фронте и русским наступлением. Ген. Палицын со своей стороны изложил средства, при помощи которых русский штаб предполагает с самого первого дня удержать на своем фронте наибольшее количество неприятельских сил. Ген Брен выразил по этому поводу благодарность французского штаба, но счел необходимым снова и настоятельно просить русское правительство посвятить все свободные средства увеличению провозоспособности железных дорог.

Шестое совещание собралось в сентябре 1910 года в Париже с участием ген. Гернгросса со стороны России и ген. Лаффон де Ладеба со стороны Франции. Совещание подтвердило мнения, высказанные при предыдущих встречах по вопросам, касающихся мобилизации Австрии и Италии, связи между союниками, обмена сведениями между штабами. Кроме того, было постановлено придать совещаниям начальников союзных штабов периодический, и, если возможно, ежегодный характер.

По вопросу о действиях против Германии генерал Лаффон выступил с пространным изложением французскаго плана. В предположении, что Германия направит свои главные силы против Франции, оставив против России лишь от 3 до 5 корпусов с резервными дивизиями — французкий штаб попрежнему придает громадное значение одновременным действиям русских и французских сил. Принимая во внимание все трудности, связанные с сосредоточением русской армии, французский штаб тем не менее рассчитывает на выполнение Россией двух условий: 1) меры мирного времени должны создать для Германии впечатление возможности серьезного русского наступления на польской границе с 15 по 30 день. Положение, занятое в первые дни войны, должно подтвердить это впечатление и не дать возможности немцам использовать против Франции те корпуса, которые назначены для действий против России. При выполнении этих условий французский штаб гарантирует „немедленное и решительное наступление против германских армий со всеми силами“. Подготовка этого наступления доведена до последней степени предвидения и должна дать результаты. Французское наступление имеет, конечно, еще большие шансы на успех, в случае обращения германцами своих главных сил против России. (Протокол совещания 1910 года Гл. I ст. 3, записка французскаго штаба от 1 сентября 1910 года).

В ответ на это генерал Генрнгросс изложил новый план мобилизации и сосредоточения русской армии, позволяющий в значительно большей степени, нежели предыдущий, выполнение пожелания французского штаба. Новый план даст возможность: 1) направить $^2/_3$ всех русских сил в количестве 19 корпусов против Германии, тогда как против Австро-Венгрии будут действовать 9 корпусов. 2) Создать впечатление, посредством мер мирного времени и положения, занятого с начала войны, что русскими будет предпринято серьезное наступление на восточной границе Германии с 15 но 30 день, что должно воспрепятствовать снятию войск с этой границы. 3) Перейти границу на 20 день с достаточными силами, чтобы победоносно сразиться с германскими войсками, оставленными на восточном фронте (протокол совещания 1910 года).

Беспокойство руководящих французских военных кругов, вызванное изменением нашей дислокации в 1909—1910 г.г. (реформы Сухомлинова), вызвало необходимость, в марте 1911 года, доставить, не ожидая очередного совещания начальников генерального штаба, через нашего военного агента в Париже, начальнику французского главного штаба, генералу Лаффон-

де-Ладеба, некоторые успокоительные данные о нарастающем могуществе наших армий. Нашему военному агенту была доставлена записка под заглавием: „некоторые данныя о числе рядов, мобилизации, формировании штабов, армий и сосредоточении вооруженных сил в случае войны с державами Тройственного союза“, при чем военному агенту указывалось, по возможности, ограничиться словесным докладом, а саму записку вернуть, не допуская снятия с нее во Франции копий.

Эта записка развивает мысль об опасности нашего сосредоточения в передовом театре, который составляет удобный плацдарм лишь при условии немедленного нашего перехода в наступление против обоих, или хотя бы одного из наших главнейших противников. Но так как наши противники могут тоже изготовиться и перейти в наступление, то сосредоточенные в передовом театре наши армии могут быть не только разбиты по частям, но и совершенно отрезаны. Поэтому наш план по отношению к Германии заключается в занятии выжидательного положения, переходящего а) в немедленное наступление при направлении немцами против нас меньшей части своих сил и б) ко временной обороне, при направлении германцами главного удара против нас. По отношению к Австрии наш план предусматривает наступление со стороны Киевского военного округа, относя последнюю возможно восточнее, к Бресту, Холму, Ковелю.

Силы наших противников оценивались в этой записке: Германии—837 батальонов (удар на нас) или 309 батальонов (удар на Францию); Австрии—673 батальона и Румынии—100 батальонов, всего 1.610 или 1082 батальона. Наши силы исчислялись в 1.448 батальонов. Из этого числа на германской сухопутной границе будет выставлено в первую очередь, или 816 батальонов (удар немцев на нас), или 688 батальонов (удар на Францию). Готовность их следующая:

	1-ый случай.	2-ой случай.
К 8 дню мобилизации	146 пол. бтл.	146 пол. бтл.
К 23 „ „ „	520 пол. бтл., 96 второоч.	456 пол., 72 второоч.
К 40 „ „ „	544 пол. бтл., 272 второоч.	480 пол., 208 второоч.

Дальнейшими подкреплениями явятся 32 пол. бтл. (не менее, но при условии отсутствия дессанта) из Петроградского военного округа и 110 пол. бтл.—из отдельных округов.

Изложенное приводило авторов записки к убеждению, что к 23 дню мобилизации русская армия, в случае направления Германией удара на Францию, может перейти в наступление

с фронта Средняго Немана, Бобра и Средняго Нарева. Более скорый переход в наступление затруднителен.

Генерал Лаффон-де-Ладеба выразил мнение французскаго генерального штаба, оказавшееся пророческим, что немцы оставят против нас гораздо менее сил, нежели мы предполагаем, т.-е. 3 корпуса и 10 резервных дивизий, и поставил вопрос, в какой приблизительно день между 8 и 23 днями мобилизации мы будем в состоянии наступать против этих 16 германских дивизий. Один французский офицер генерального штаба иллюстрировал этот вопрос словами: „вы не можете вообразить, какое впечатление произведет у нас известие, что русская армия перешла в наступление, и что первая английская рота высадилась в Калэ".

Французский генеральный штаб также оказался весьма заинтересованным состоянием нашего боевого комплекта патронов и снарядов. Нашему военному агенту было выяснено (рапорт его 17 марта 1911 г. № 73), что во Франции существует мнение, что после русско-японской войны эти запасы не были достаточно пополнены, и что в этом наша слабая сторона.

26 апреля 1911 года, за № 409, генерал-квартирмейстер Генерального штаба, генерал Данилов, указал нашему военному агенту, что наступление наше против 25 германских дивизий намечается на 23 день мобилизации, другие комбинации не предусматриваются, но мы постараемся использовать все обстоятельства, облегчающие и ускоряющие наш переход в наступление. Нормы боевого комплекта патронов и снарядов, после войны с Японией, у нас значительно увеличены, и если в действительности запасы до новых норм не доведены, то на скорейшее пополнение запасов обращено серьезное внимание.

Следующее восьмое совещание заседало в августе 1911 года с участием генерала Жилинского и генерала Дюбайль.

На совещании при рассмотрении введения к конвенции оба начальника штаба заявили, что понятие „оборонительная война" не должно быть истолковано в смысле войны, которая ведется оборонительно. Наоборот, подтверждается абсолютная необходимость для русской и французской армий энергичных и одновременных наступательных действий, согласно тексту ст. 3. Относительно статей 1 и 2 на совещании были подтверждены замечания предшествовавших совещаний. При обсуждении ст. 3 были приведены новые доказательства вероятности направления Германией главных сил против Франции. Затем генерал Дюбайль изложил французскую точку зрения: французский штаб полагает, что первые большие столкновения

произойдут в Лотарингии, Люксембурге и Бельгии с 15 по 18 день. Франция выставит более 1.300.000 чел. предусмотренных конвенцией. Предполагается, что немцы будут вести военные действия с величайшей энергией, с тем, чтобы с первого дня навязать свою волю противнику и добиться решения или же, по крайней мере, заставить французов перейти к обороне. В случае успеха германцы будут иметь возможность во время перевести главную часть своих сил против русских. Французская армия в предвидении этого шага будет сосредоточена к 12 дню и будет готова начать наступление с помощью английской армии на ее левом крыле. Таким образом Франция во всей строгости готова выполнить требование 3 статьи военной конвенции.

Что касается требований, пред'явленных к России и сводящихся к желательности одновременного с французским наступлением, русской армии, ген. Дюйбаль соглашается, что вследствии ряда соображений—географических, экономических, политических и военных,—эта одновременность представляет недосягаемый идеал, к которому можно лишь стремиться приблизиться. С 1900 года русский штаб, повидимому, стоял на этой точке зрения. Первоначальный план, согласно которому русская армия должна была остановить противника на 18 день с достаточными силами, вполне отвечал главному требованию конвенции 1892 года — удержать на восточной границе Германии возможное количество сил. Значение русского наступления будет тем больше, чем оно произойдет раньше, с большими силами и в наиболее опасном для противника направлении. Между тем новый русский план и новое распределение войск затрудняет в известной мере быстрое выступление русских армий в начале войны. Переход границы этим планом намечен на 20. день. Французский штаб в виду этого выражает пожелание приближения к порядку, при котором русское наступление могло бы начаться на 18-й день, или даже сокращения этого срока, посредством усовершенствования мер мобилизации и сосредоточения русских сил.

В ответ на это со стороны ген. Жилинского последовало заявление о намерении русского правительства выполнить во всей точности обязательства, налагаемые на него конвенцией. При этом ген. Жилинский изложил подробности мер, принимаемых с этой целью русским штабом. Русская армия в настоящее время находится в периоде реорганизации, которая должна вполне закончиться к 1916 году. Реорганизация эта позволит России выставить против Германии гораздо более, нежели 800.000

человек, предусмотренных конвенцией. Однако положение России в настоящее время осложняется военной готовностью Австро-Венгрии, со стороны которой, вопреки прежним рассчетам, можно ожидать наступательных действий до сосредоточения русских сил. В виду этого Россия будет в состоянии успешно бороться против Германии только через два года. Тем не менее, несмотря на отмеченные недостатки в подготовке русской армии, русский штаб заявляет, что он постарается, по мере возможности, удовлетворить пожеланию высказанному французским штабом. В частности, сосредоточение войск на германской границе будет закончено на 15. день, за исключением последних частей обозов и парков, и наступление начнется с этого числа, не ожидая всех частей, которые будут в полном составе лишь на 20. день. В общем эти меры заставят германцев оставить на их восточной границе, по крайней мере, 5 или 6 корпусов, согласно желанию, выраженному французским штабом. Генерал Дюйбаль заявил себя вполне удовлетворенным наступлением, которое начнется тотчас же после 15. дня и будет способно удержать 5 или 6 германских корпусов на восточной Прусской границе.

Остальная часть совещания была посвящена рассмотрению статей 4, 5, 6 и 7 конвенции, относительно которых были подтверждены соображения, высказанные прежними совещаниями. Были развиты лишь некоторые новые соображения относительно усовершенствования радио-телеграфной связи. Начальники штабов приняли также предложение о представлении протоколов совещания на утверждение правительства.

Согласно этому постановлению, был принят русским и французским правительствами порядок, по которому, вслед за каждым совещанием должен был происходить обмен протоколов, снабженных подписями военных министров обеих держав. На восьмом совещании 13 июля 1912 года приняли участие генерал Жилинский для России и генерал Жоффр для Франции. Совещание это по характеру своего обсуждения и принятых решений весьма сходно с предшествовавшим совещанием 1911 года. Введение к конвенции, ст. 1 и 2, первая часть 4. 5. 6. и 7. не вызывают никаких замечаний. Относительно ст. 3. происходит длительный обмен мнений, повторивший, однако, в существенных чертах соображения совещания 1912 года. Ген. Жоффр в своем обзоре положения привел новые данные о подготовительных действиях на германской границе, подтверждающие предположения относительно германского плана. План этот все более выясняется в смысле решения действовать по-

следовательно и отдельно сперва против Франции, затем против России. Союзники должны пытаться противодействовать такому образу действия одновременным наступлением на Германию с двух сторон, посредством согласованных действий. Французский штаб с этой целью сосредоточивает главные силы, превышающие 1.300.000 чел. с самого начала на германской границе. Это облегчается положением Италии, занятой турецкой войной и вместе с тем все более сближающейся с Францией и Россией. Французский штаб надеется в ближайшее время рядом железнодорожных улучшений выиграть еще день или два при сосредоточении. Ген. Жилинский, присоединяясь к мнению ген. Жоффра относительно общих основ плана и роли Италии, отмечает, что в противоположность последней Австрия занимает все более угрожающее положение. Военная ее мощь выросла; железные дороги ее усовершенствовались с очевидной целью наступательных действий. Россия не может допустить неуспех на австрийском фронте, т. к. моральное впечатление было бы пагубным. Россия должна, следовательно, делить свои силы, чтобы дать отпор Австрии в одно и то же время, как и Германии. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что Швеция вышла из того выжидающего положения, которое она ранее занимала, как бы намериваясь примкнуть в выгодную минуту к победителю. Швеция находится под влиянием Германии и выступит, вероятно, вместе с последней. Это соотношение заставляет нас держать в Финляндии и вокруг Петербурга больше войск, нежели ранее предполагалось. К этому следует прибавить, что постройка железных дорог в Малой Азии позволит туркам ускорить их мобилизацию и сосредоточение. Это может вызвать необходимость для России увеличение сил на этом фронте. Тем не менее Россия намерена сосредоточить на германской границе, по крайней мере, 800.000 и начать наступление после 15 дня мобилизации.

В ответ на это генерал Жоффр высказал мнение, что поражение Германии сразу рассеет все опасения относительно участия Швеции и Турции в войне. С этой целью необходимо во что бы то ни стало ускорить мобилизацию и сосредоточение союзных армий. Генерал Жоффр предлагает для усиления провозоспособности удвоить колею некоторых стратегических железных дорог, для других же построить четыре колеи, а также перевести Варшавско-Венскую железную дорогу на широкую колею. В заключение, обмена мнений по ст. 3 оба начальника штабов согласились в том, что необходимо будет решительно перевести на юг центр тяжести действующих рус-

ских армий и придать главным силам расположение, позволяющее: 1) либо перейти в наступление в общем направлении на Алленштейн, если противник расположился в Восточной Пруссии или пытается из нее двигаться на Варшаву, 2) либо маневрировать на левом берегу Вислы, чтобы итти на Берлин, если противник выполнит свое сосредоточение в районе Торн-Позен, если он попытается с этого исходного положения наступать на Варшаву или Ивангород.

Остальная часть совещания была посвящена рассмотрению вопроса об усовершенствовании способов связи союзных штабов (протоколы 8-го совещания 1912 года.)

В августе 1913 года состоялось последнее перед войной 9-е совещание, с участием тех же представителей, что и в 1912 году. Попрежнему было подтвержено мнение, высказанное ранее относительно введения и статей 1, 4, 5, 6 и 7. Было включено добавление, согласно которому союзники обязаны мобилизовать свои силы, кроме случая германской мобилизации, еще в случае всякого военного выступления германской армии против которого-нибудь из союзников. Этим предусматривалось внезапное нападение войск, составляющих завесу, предшествующее мобилизации и имеющее целью захватить военный стратегический пункт.

Замечания, касающиеся ст. 3, особенно интересны в виду того, что это был последний обмен мнений перед войной на совещании начальников штаба по вопросу о согласовании действий союзников. Прежде всего, так же как и на предыдущих совещаниях, было подтверждено мнение союзных штабов, что Германия направит большую часть сил против Франции, оставив лишь незначительную часть против России. Осуществление германского военного закона 1913 года позволит ускорить германскую мобилизацию и даст германской армии известный выигрыш времени для операций против Франции и затем против России. Это должно вызвать со стороны союзников максимум соединенных усилий для одновременного нападения с двух сторон. Ген. Жоффр заявил, что Франция с этой целью введет в бой на своей границе почти полную совокупность своих сил, общее число которых превзойдет на 200.000 чел. число предусмотренное текстом конвенции. Сосредоточение на границе будет закончено по большей части на 10 день и наступательные действия этой группы начнутся утром одиннадцатого дня. Ген. Жилинский со своей стороны заявил, что Россия введет в действие против Германии крупную силу, достигающую по крайней мере 800.000 чел. Сосредоточение

действующих частей будет закончено по большей части на 15-й день мобилизации и наступательные действия этой группы начнутся тотчас после пятнадцатого дня. В конце 1914 года окончание сосредоточения будет ускорено приблизительно на 2 дня.

Далее последовало изложение общих основ сосредоточения и группировки французских и русских армий против Германии. Союзные представители согласились относительно необходимости направить наступление в сердце неприятельской страны. Было признано нужным сосредоточить силы таким образом, чтобы быть в состоянии действовать либо против сил неприятеля в Восточной Пруссии, либо идти на Берлин по операционной линии к югу от этой провинции, если сосредоточение германских сил совершится на левом берегу Вислы.

Не отрицая необходимости для России держать многочисленные силы против Австрии и Швеции ген. Жоффр считал, что поражение Германии значительно облегчит операции русских армий против других неприятельских держав. Надо, следовательно, полагал он, добиваться во чтобы то ни стало уничтожения с самого начала сил Германии. С этой целью необходимо по возможности ускорить мобилизацию и сосредоточение союзных армий. На русском фронте это может быть достигнуто развитием железных дорог.

Из об'яснений ген. Жилинского выяснилось, что некоторые из работ, намеченных последним совещанием, уже выполнены. Удвоены колеи участков Брянск-Гомель и Лунинец-Жабинка, дорога Орел-Варшава. Участок Жабинка-Брест учетверен. Предполагается постройка новой двухколейной линии Рязань-Тула-Варшава.

Совещание наметило проведение второй колеи: 1) Батраки-Пенза-Смоленск, 2) Ровно-Барановичи, 3) Лозовая-Полтава-Киев-Сарны. Было признано также желательным для русских наступательных действий перешивку на нормальную русскую колею железных дорог левого берега Вислы, а также увеличение мостов через эту реку в Варшавском районе.

Вслед за тем совещание обсуждало вопрос о ведении военных действий. Было признано, что представляется совершенно необходимым для союзных армий добиться, как можно скорее, решительного успеха. Неудача французских армий в начале войны позволит Германии перенести на свою восточную границу часть сил, которые иначе продолжали бы сражаться против Франции. Если, напротив, французские армии одержат скоро верх над силами, выставленными против нее Германией—

этот успех облегчит операции русских армий, т. к. Германия не будет в состоянии перенести свои войска с западного фронта на восточный. Необходимо поэтому, чтобы французские армии обладали значительным численным превосходством над германскими силами на Западе. Это условие тем легче выполнимо, если Германия должна охранять свою восточную границу значительными силами.

Исходя из этих соображений генерал Жоффр полагал, что было бы выгодно для обеих армий, чтобы группировка русских сил в Варшавском округе уже в мирное време представляло для Германии прямую угрозу. На это последовало заявление генерала Жилинского, что новый проект организации русской армии предвидит формирование армейского корпуса в Варшавском районе. (Протокол совещания 1913 г., ст. 3).

Перейдя далее к рассмотрению ст. 4, совещание подтвердило редакцию ее в прежнем тексте. Ст. 4 в этой редакции устанавливает связь союзных штабов. Первые три параграфа определяли порядок созыва совещаний, утверждение протоколов Правительствами, а также случаи особых совещаний, по желанию одного из штабов. Параграф 4. предусматривал обмен сведений между штабами. Совещание подтверждало заключения, высказанные в 1911 году и в 1912 году относительно радиотелеграфной связи. Было отмечено, что радио-телеграфная связь хорошо работает, но желательно усиление Свеаборгской станции. Было постановлено, что связь между штабами может устанавливаться через Англию и при помощи английских кабелей в виду того, что надлежащее соглашение с Лондоном только что заключено.

На этом закончились работы совещаний.

Из сделанного очерка этих работ видно, каким образом в период существования конвенции, с 1892 года по начало войны, союзные штабы представляли себе ее применение и как она воздействовала на военные приготовления России и Франции. Основной план согласования действий союзных армий в общем оставался неизменным, получив лишь некоторые дополнения, вызванные ходом политических событий, военными приготовлениями противника, а также развитием боевых сил России и Франции. За указанный период общая политическая обстановка в мире изменилась по сравнению с началом 90-х годов, когда начались франко-русские переговоры.

В то время Россия и Франция имели перед собой вероятного врага не только в лице Тройственного Союза, но также эвентуально в лице Англии. Весьма тревожный период был

пережит союзниками в конце 1897 г., когда вследствии осложнения в Африке начался разрыв между Францией и Англией. В это время приходилось думать о борьбе на два фронта против Германии и Англии и это нашло себе отражение в переговорах начальников Штабов, обсуждавших в 90-х годах вопрос о возможной войне с Англией. Натянутость отношений между Россией и Англией достигла наивысшей точки со времени русско-японской войны. Мы увидим дальше, как отразилась эта война на вопросе о применении конвенции. С точки зрения общей военной обстановки она во всяком случае значительно осложнила положение России и Франции.

Однако с 1906 года под влиянием короля Эдуарда VII начинается, так называемая, политика „окружения“ Германии, вызванная ростом германской мощи и притязаниями германцев на всемирную гегемонию. В связи с этим происходит сближение Франции, Англии и России, закрепленное соглашением Франции и Англии о Марокко 1906 года и России и Англии о Персии 1907 года. Это создало в Европе совершенно новую обстановку. В связи с этим наметилась и новая линия итальянской политики. Франция была в значительной мере освобождена от военной угрозы Италии и могла сосредоточить почти все свои силы против Германии. При этом Франция могла ожидать и военную помощь Англии на левом крыле своей армии. Положение России было значительно хуже. Вместе с ростом германской военной мощи росла военная сила ее союзников. Австро-Венгрия с каждым годом совершенствовала свою военную силу, увеличивала запасы, строила железные дороги. Господство военной партии в Вене превратило Австрию в весьма серьезного противника, от которого можно было ждать не только успешной обороны, но и наступления. Вместе с тем Германия все более и более захватывала в свои руки Турцию, побуждая ее строить железные дороги в Малой Азии и направляя ее военные приготовления при посредстве военной миссии ген. Лиман. ф. Сандерса, командированного в 1912 году в Константинополь.

Таким образом создалось положение, при котором, несмотря на общее улучшение политической обстановки для союзников, выполнение военной конвенции становилось все труднее для России. Этим определяется главное направление переговоров начальников штабов на их совещаниях. Мы видим постепенный переход к мерам, осуществляющим пожелания, положенные в основу конвенции. При этом интерес Франции все более сосредотачивается на мысли войны с одной Германией. Россия же

должна делить свое внимание между европейским и дальне-восточным фронтами. Затем, когда угроза последнего исчезает благодаря соглашениям с Англией и Японией, Россия должна считаться с возрастанием военных сил союзников Германии. Отношение французского штаба к конвенции может быть охарактеризовано следующими общими чертами: 1) Французский штаб всячески стремился в соответствии с политикой французского министерства иностранных дел сосредоточить внимание русского военного командования на опасность со стороны Германии. 2) В связи с этим, давление французского штаба сказывается в вопросе о распределении русских сил. Делаются возражения против реорганизации русской армии 1910 года, главная мысль которой заключалась в стремлении обеспечить России возможность перенести свои силы из центра на любой театр. В самом плане войны против Тройственного Союза французский штаб настаивает на том, чтобы главный удар был направлен нами против Германии, не придавая значения Австро-Венгрии и Турции и вообще юго-восточным театрам. 3) Французский штаб оказывает на нас воздействие в смысле ускорения мобилизации и сосредоточения, заставляя нас подчинить потребности нашего стратегического развертывания условиям военных действий на франко-германском фронте.

Результаты такого давления со стороны Франции на Россию сказываются задолго до войны 1914--1918 г. г. Японская война, явившаяся, как следствие нашего отклонения от линии Европейской политики под влиянием Витте, окончилась поражением в значительной мере потому, что случилось раздвоение наших военных усилий. Вместо того, чтобы направит сокрушающий удар против Японии, мы все время считались с требованиями франко-русского союза и пытались вести войну на Дальнем Востоке, не нарушая нашей готовности на германском фронте. В этих видах мы начали войну второочередными, резервными неподготовленными частями, взятыми из внутренних округов, тогда как наши лучшие боевые силы оставались в бездействии на западной границе [1]).

Но чтобы сделать Маньчжурскую армию хотя бы несколько боеспособнее, пришлось прибегнуть к командированию многочисленных офицеров, солдат и целых рот, команд и артилле-

---

[1]) План войны с Японией предусматривал усиление Маньчжурской армии XVII и X арм. корпусами, из состава Московского и Киевского воен. округов, и далее V и VI Сибирскими корпусами, образуемыми из резервных частей Казанского округа. Таким образом развертывание сил против Японии, до сражения под Ляояном включительно, не затрачивало обещанных французам 800 тысяч на германском фронте.

рийских бригад из числа корпусов, предназначенных для германского фронта, и таким образом внести в них постепенно дезорганизацию. Впоследствии, когда уже было поздно, мы пытались исправить ошибку посылкой целых корпусов из Виленского и Варшавского военных округов, при чем уезжавшие на Дальний Восток полевые части замещались отчасти резервными. Улучшение положения в Маньчжурии мы не добились, но к концу войны, несмотря на все стремление соблюсти букву франко-русской конвенции, мы дезорганизовали германский фронт. На это обращено внимание в переговорах на совещании 1906 года. Русский начальник штаба вынужден заявить, что Россия до реорганизации своей армии не может расчитывать на успех в войне с Германией. Однако оказалось, что реорганизация эта может быть сравнительно скоро произведена, при чем опыт японской войны позволил в значительной степени исправить недочеты нашей военной подготовки.

С самого начала вступления в действие военной конвенции Франция стремится оказать возможное влияние на распределение наших сил и ускорение их сосредоточения. Россия должна производить свое стратегическое развертывание таким образом, чтобы направить главные силы против германского фронта, оголяемого с началом войны сосредоточением германских войск на запад. Вместе с тем против живой силы сосредотачиваемой Австрией в Галиции, на нашем левом фланге мы можем противоставить лишь сравнительно слабые силы Киевского военного округа, так как войска других военных округов идут на формирование обусловленной конвенцией массы в 900.000 солдат, выставляемых против Германии. Это различие степени в нашей боеспособности на австрийском и германском фронтах усугубляется тем, что все старания прилагаются к тому, чтобы оборудовать германский фронт средствами сообщения, шоссейными и железными дорогами в пограничной полосе, тогда как австрийский остается в этом отношении в весьма плачевном состоянии. Наша готовность на Германской границе, где в Виленском и Варшавском военных округах мы держали многочисленные армейские корпуса, и особенно громадный процент нашей кавалерии, причем мирный состав этих округов являлся весьма усиленным, отражался весьма печально на состоянии войск во внутренних округах, где число рядов в ротах было настолько незначительно, что препятствовало всякому обучению.

Реформы Сухомлинова имели в виду исправить эту систему, создавшую слишком большую неравномерность не только в мирной дислокации наших войск, но также в разделении их

по качеству и степени готовности, и явившуюся следствием 18 лет одностороннего развития русской армии под давлением франко-русской конвенции. Большие силы, сосредоточенные на германской границе, по одному армейскому корпусу из Варшавского и Виленского округов, и многочисленная кавалерия выводились оттуда во внутренние округа, каковая мера диктовалась и экономическими соображениями. Кроме того ликвидировались отдельные пехотные гарнизоны пограничных крепостей, чтобы за их счет увеличить кадровый состав частей внутренних округов.

Здесь не место для оценки этого плана, и мы ограничимся лишь упоминанием об отражении его в переговорах о конвенции. Мы видим, что в совещании 1910 года французский штаб выражает протест против нового распределения русских сил. Протест этот сопровождался сильной кампанией во французской печати и дипломатическими представлениями. В ответ на это последовало заявление России о верности союзной конвенции, при чем русский начальник штаба доказывал, что новый план не только не затруднит выполнения наших обязательств, но что будет возможно достигнуть ускорения начала наших наступательных действий против Германии. При дальнейшем рассмотрении этого вопроса было признано, что эта цель может быть достигнута развитием провозоспособности наших железных дорог, и французский штаб сосредоточивал все свое внимание на этом вопросе, возвращаясь к нему постоянно во всех беседах, побуждая русский штаб к расширению старых линий и к постройке новых. В таком положении застала нас война [1]).

Г. Военная конвенция с Болгарией.

Кроме военной конвенции с Францией, Россия была к началу войны 1914—1918 гг. связана также военным соглашением с Болгарией, заключенным в 1902 году.

---

[1]) Исследованию вопроса о смене наших планов стратегического развертывания со времени заключения франко-русской конвенции, будет посвящена особая монография. Здесь мы отметим лишь, что совершенно искусственные условия, в которые ставилось наше развертывание на Западе против несуществующей Германской армии, подставляющие наш левый фланг и тыл австрийскому удару, который, очевидно, не смогли бы сдержать 6 корпусов Киевской армии — единственного оставляемого против Австрии заслона, вынудили русский Генеральный штаб разработать два варианта стратегического развертывания—Г—главные силы против Германии, отвечавший условиям конвенции, и А—главные силы против Австрии, принятый к исполнению в 1914 году; мы выставляли к 20. дню против Германии силы много меньшие, чем предусмотренные военной конвенцией.

История этого соглашения тесно связана с историей австро-румынского военного соглашение 1900 года, ответом на которое явилась русско-болгарская конвенция.

Текст австро-румынского соглашения стал известен русскому военному министерству в 1901 году.

Соглашение это заключено было „дабы оба государства при будущих внешних осложнениях на Востоке, могущих произойти в скором времени, были готовы к встрече совместно им угрожающей возможности войны с Россиею, или же с какими-либо Балканскими государствами, а также были бы в состоянии соединенными силами успешно отразить нападение". (Текст соглашения приведенный при письме военного агента в Вене от 27 октября 1901 г. № 178). При этом было оговорено, что хотя „договаривающиеся государства и далеки от агрессивных намерений, а также чужды желания воспользоваться войной для принижения стремящихся возвыситься наций, но желание Румынии увеличить свои владения путем присоединения части Бессарабии, а также приобрести крепость Силистрию и, если можно, Рущук, Шумлу и Варну для укрепления Дунайской позиции и для затруднения прорыва России на Балканский полуостров, является вполне справедливым. Напротив того, стремление Австро-Венгрии будет направлено к тому, чтобы, по ослаблении Болгарии, достигнуть решающаго влияния на правительство Сербии и чтобы занять Македонию в благоприятную минуту, что обеспечит преобладание Австро-Венгрии на Балканском полуострове". Условия соглашения были следующие: Австро-Венгрия гарантирует королевству Румынии его неприкосновенность и будет во всякое время всею силою поддерживать престол короля Карла I и содействовать поддержанию этой династии. В случае, если Австро-Венгрия или одна Румыния или оба государства одновременно будут угрожаемы Россией и подвергнутся ее нападению, оба государства взаимно обязываются выступить со всею своею вооруженной силой против нападающего, не боясь никаких жертв для уничтожения противника (ст. 2). Главное начальствование над всеми войсками переходит к Австро-Венгерскому Штабу. Военные планы разрабатываются совместно обоими штабами (ст. 3 и 4). В случае, если Румыния будет угрожаема только одной Болгарией (в соединении с Сербией), Австро-Венгрия окажет своему союзнику не только дипломатическую поддержку, но явится ей на помощь необходимыми войсками, если моральное давление на государства противников останется без последствий Подобная материяльная помощь будет ею

также оказана и в том случае, если Россия будет угрожать королевству Румынии, и наоборот, Румыния обязана помочь своими войсками Австро-Венгрии, если бы она подверглась нападению (ст. 5).

Остальные статьи конвенции (6—13) касались технических вопросов, разработки общаго плана, а также распределения войск Австро-Венгрии и Румынии против Болгарии и России.

В дополнение к тексту конвенции русскому генеральному штабу был сообщен подобный перечень мероприятий Австро-Венгерского штаба, касающихся вспомогательного корпуса, предназначенного при мобилизации к следованию в пределы Румынии для совместных действий с Румынской армией. (Письмо начальника австро-венгерского генерального штаба начальнику румынского генерального штаба от 28 ноября 1901 года).

Из этих данных было видно, что в случае войны с Тройственным союзом Россия должна будет считаться с новым врагом—Румынией. Было настоятельно необходимо на этот удар австро-германской политики ответить контр-ударом. Вся обстановка, и в особенности самое содержание австро-румынского договора, направленного одновременно против России и Болгарии, диктовали русской политике и стратегии характер этого контр-удара. Необходимо было привлечение Болгарии на нашу сторону посредством такого же соглашения, какое имело место между Австро-Венгрией и Румынией. Вопрос о военной конвенции с Болгарией был поставлен на очередь в начале 1902 г. и под руководством военного министра Куропаткина было приступлено к выработке ея плана.

Общая задача заключения конвенции с Болгарией и Сербией была формулирована в мае 1902 года следующим образом: ген. Куропаткиным в записке к начальнику главного Штаба, В. В. Сахарову: „В случае, если Болгария не останется спокойною, румынско-австрийская, армия, собираемая на линии р. Серет, ограничивается только обороною. В случае, если Болгария остается спокойною, указанная выше армия предпринимает наступательные против нас действия. Отсюда вытекает особая важность заключения нами с Сербиею и Болгарией военной конвенции. Канвою для сего должна служить конвенция Австрии с Румынией. С нашей стороны главные обещания: а) охранить целость государств сих, б) охранить династии ныне там правящия. Никаких кусков от Турции, Румынии или Австрии лучше не обещать“ [1]).

[1]) Дело генерального штаба: переписка по заключению военной конвенции с Болгарией.

Начала, указанные ген. Куропаткиным, были положены в основание проекта конвенции, составленного в военном Министерстве.

Первоначальный проект, содержавший 12 статей, был впоследствии изменен по соглашению военного министра с министром иностранных дел графом Ламздорфом.

Первая статья первоначального текста определяла, что настоящее соглашение не преследует агрессивных целей, а имеет в виду лишь противодействие военной конвенции между Австро-Венгрией и Румынией, заключенной с целью увеличения их владений путем присоединения частей территории славянских государств и Македонии, а равно и к обеспечению за Австро-Венгрией полнаго преобладания на всем Балканском полуострове".

Статья эта в окончательной редакции читалась следующим образом: „Настоящее соглашение не преследует агрессивних целей, а имеет в виду лишь противодействие военной конвенции между Австро-Венгрией и Румынией". Подробным комментарием к этому пункту являлась первая часть особой „пояснительной записки к проекту военной конвенции с Болгарией", где миролюбивая политика России „чуждая захватов и территориальных приобретений", противупоставлялась явно и открыто агрессивным целям Австрии и Румынии. Статья вторая конвенции устанавливала, что соглашение имеет в виду действия „только против Австрии и Румынии, и не может быть направлено ни против Турции, ни против другой какой-либо Балканской Державы". В первоначальной редакции вслед за этим следовали две оговорки. Первая добавляла в виде исключения: „если они (державы) нападением на одну из заключающих настоящую конвенцию держав не вынудят их к обороне и отпору". Вторая оговорка предусмотрительно ограничивала возможность возникновения таких случаев, вменяя в обязанность договаривающимся державам „употребить все средства, чтобы ничем не вызвать конфликта с Турцией и другими Балканскими державами". В окончательном тексте обе оговорки опущены, при чем вторая была зачеркнута генералом Куропаткиным „с целью не связывать руки России в Босфорском вопросе" [1]). Статья 3 была редактирована следующим образом: „Россия будет всеми своими силами содействовать сохранению целости и неприкосновенности территории Болгарии, а также охране престола и поддержанию династии от всяких покуше-

[1]) Надпись генерала Куропаткина на полях первого проэкта конвенции.

ний Австро-Венгрии и Румынии". В окончательном тексте проекта конвенции опущен второй абзац об охране престола и поддержании династии. Статьи 4, 5 и 6 определяют различные случаи, могущие возникнуть при войне России и Болгарии с другими государствами. В случае, если Болгария или Россия подвергнутся нападению со стороны Австро-Венгрии или Румынии, или обоих этих государств, или со стороны всего Тройственного Союза—договаривающиеся государства обязаны употребить все свои силы для борьбы с нападающим, не боясь никаких жертв для достижения полного успеха (ст. 4). В случае если Болгарии будет угрожать одна Румыния, в виду обещанной Австрией помощи последней, Россия обязуется оказать Болгарии дипломатическую поддержку, если же Австрия перейдет к активным действиям на помощь Румынии, то и Россия выступит на помощь Болгарии с достаточными для подавления Австрии средствами. Со своей стороны, в случае нападения на Россию Австро-Венгрии и Румынии или Тройственного Союза, Болгария должна мобилизовать и сосредоточить свои силы, и, когда Россия того потребует, начать против Австро-Румынских войск наступательные действия. (ст. 5). В случае войны России и Болгарии с Румынией и Австро-Венгрией и Тройственным Союзам, Болгария сохраняет строжайший нейтралитет по отношению к Турции и сосредоточивает свою армию на Дунае для действий против Румынии (ст. 6).

Следует отметить, что в первоначальном тексте проекта заключалась статья, имевшая в виду еще один важный случай войны на Балканах. Статья эта гласила: „Так как соглашение Австро-Венгрии и Румынии направлено против всех славянских государств и в одинаковой степени и одновременно угрожает целым и самостоятельным, как Болгарии так и Сербии, то в случае нападения на Сербию, Болгария обязуется выступить со всеми своими силами вместе с Россией на защиту целости и независимости сербского народа" [1]). Как видно содержание этой статьи отвечало основной мысли высказанной ген. Куропаткиным о необходимости включения Сербии в военный союз России и Болгарии. Однако, повидимому, по политическим соображениям упоминание о Сербии было впоследствии опущено.

Вторая часть конвенции носила военное-технический характер. Статьи 7, 8, 9 определяли условия военной конвенции обоих держав. Планы мобилизации, сосредоточение и действия Болгарской армии должны быть заранее разработаны под

[1]) Ст. 5 первоначального проекта.

руководством русского главного штаба (ст. 7). Главное начальствование вооруженными силами России и Болгарии во время войны и руководство операциями принадлежали русскому главнокомандующему. Князь болгарский сохраняет права и звание главнокомандующего своей армией. Если же для этого будет назначено особое лицо, то лицо это, равно как и начальник штаба, должно быть избрано по соглашению с русским военным министерством. При болгарской главной квартире и при каждом корпусе будут состоять особые русские офицеры, имеющие при разрешении оперативных вопросов право совещательного голоса (ст. 8).

Пояснительная записка к конвенции подчеркивает проведенный в этих статьях принцип невмешательства во внутренние дела Болгарии и противупоставляет его требованию контроля и влияния по отношению к Румынии, выраженному в аналогичных статьях австро-румынской военной конвенции. Ст. 9 устанавливает право русского флота пользоваться болгарскими портами, а также подчинение болгарского флота и транспортных средств начальнику русского флота. Наконец ст. 10 гласит, что конвенция вступает в силу тотчас по подписании и составляет особую государственную тайну.

Русский проект был принят Болгарским Правительством без изменений, и соглашение было подписано 31 мая 1902 года в Петергофе русским военным министром, генералом Куропаткиным и болгарским генералом Паприковым. 1 июля 1902 года состоялся между русским министром иностранных дел графом Ламсдорфом и болгарским министром президентом Даневым обмен тождественными письмами, удостоверяющими вступление в силу военной конвенции между Россией и Болгарией.

Д. Военно-политическое положение на Балканах к началу войны.

Назначение русско-болгарской конвенции заключалось в том, чтобы обеспечить Россию со стороны Румынии. Однако события на Балканах развивались в несколько ином направлении, нежели можно было в то время предполагать. Уже в 1909 году во время Боснийского кризиса Болгария выступает на стороне Австро-Венгрии, получив за это признание своей независимости. Рядом с этим, однако, происходит сближение Болгарии с Сербией, направленное против Турции. Давняя рознь между Болгарией и Сербией, питаемая притязаниями на одни и те же области и города Турецкой Македонии в значительной мере затрудняла это сближение. Большую роль в ула-

жении Сербо-болгарских споров сыграла русская дипломатия в лице посланников в Белграде Гартвига и в Софии Сементовского-Курилло. К 1911 году, когда началась турецко-итальянская война соглашение Сербии и Болгарии уже намечалось. В 1912 году между ними был заключен союз, при чем условием его явился проект раздела между союзниками Турецкой Македонии. Вскоре к этому союзу примкнула и Греция. Началась первая балканская война Сербии, Болгарии и Греции против Турции, закончившаяся полным поражением последней. Хотя России было выгодно ослабление Турции и соединение против нея славянских держав являлось торжеством русской дипломатии, но вскоре выяснились точки расхождения между Россией и Болгарией. Самая война была начата вопреки советам России, боявшейся быть втянутой в европейскую войну. Быстрое продвижение болгар к Константинополю и нескрываемые притязания их на этот город также не могли не тревожить русское правительство. Но окончательный удар русско-болгарской дружбе нанесла вторая балканская война Болгарии против Сербии и Греции. Война эта началась вследствие нападения болгар на сербов, несмотря на все убеждения России оставаться верными договору 1912 года. Как известно война привела к разгрому Болгарии, при чем значительное, хотя и бескровное участие в нанесении поражения Болгарии приняла Румыния.

В связи с этим обнаружилась совершенно новая постановка балканских проблем для дипломатии великих держав. Австрия, а за нею Германия, заинтересованные в том, чтобы поссорить Сербию и Болгарию, привлекли последнюю на свою сторону и всячески поощряли ее начать вторую Балканскую войну. В противовес этому произошло сближение Румынии с державами согласия и Россией. Букарестский договор 1913 года, которым закончилась вторая Балканская война, обезпечил торжество Румынии, Сербии и Греции, при чем значительное влияние на его заключение имели Державы Согласия.

Болгария, потерявшая не только отвоеванную ею у Турции Македонию, но и часть Добруджи, отошедшую к Румынии, с этого времени все больше и больше тяготеет к Тройственному союзу, не теряя, впрочем, вполне и связи с Россией. В Румынии же создается влиятельная партия, считающая, что великая Румыния должна быть создана в будущем путем присоединения к Румынии принадлежащих Австро-Венгрии Трансильвании, Буковины и Добруджи. Такое направление политики этих государств привело к тому, что Болгария, несмотря на

свою военную конвенцию с Россией, в 1915 году присоединилась к Тройственному союзу. Румыния колебалась дольше в зависимости от различных перемен в ходе войны и лишь в 1916 году примкнула к Державам Согласия.

Из рассмотрения проекта русско-болгарской конвенции было видно, что первоначально в русском военном министерстве предполагалось заключить военный договор и с Сербией. Впоследствие к этой мысли возвращались не раз, и она обсуждалась в дипломатических переговорах России и Сербии. Однако обостренные отношения Австро-Венгрии и Сербии создавали в Петербурге опасение, что тесная договорная связь с Сербией может против нашей воли втянуть нас в войну. Поэтому вопрос о военной кооперации нашей с Сербией в случае войны не сделался предметом формального соглашения вплоть до общих соглашений союзников в начале войны 1914 года. Имело место лишь обсуждение этого вопроса правительствами России и Сербии и их представителями и обмен мнений относительно возможных случаев при возникновении войны, которые могли бы вызвать сотрудничество русской и сербской армий.

Н. Валентинов.

К вопросу о подготовке и ведении пешей разведки.

ВВЕДЕНИЕ.

Помещаемые здесь приказы могут, полагаю, служить материалом для освещения вопросов о подготовке и ведении пешей разведки.

Поучительность изложенных в них указаний, как мне кажется, заключается в том, что они являются не теоретическими лишь, а выливались непосредственно из действительной боевой жизни, с которой были связаны самою тесною связью.

Вся боевая жизнь и служба разведчиков, внимательно и систематически запечатленная в этих приказах, проходит перед глазами читателя. Всегдашняя же близость автора к разведчику-офицеру и солдату, взаимное доверие и общий интерес к делу, наконец,—глубокая внутренняя связь с ними—все это давало возможность хорошо знать всю обстановку жизни и службы разведчиков, начиная с ее черновой, подноготной стороны. Это вело к тому, что указания, изложенные в этих приказах, еще крепче связывались с действительностью, являясь верным отражением последней.

Приводимые приказы подобраны в хронологическом порядке [1]), что дает возможность наглядно проследить, как постепенно складывалась разведка, какие меры принимались для ее роста и совершенствования, и к каким результатам это обыкновенно приводило. А результаты, как это будет видно ниже, доходили иногда до высокой степени. Приказы иллюстрированы примерами из действительной боевой работы разведчиков, при чем взяты примеры, как удачные, так и отрицательные; в указания все время вводится боевой опыт, который наилучшим образом регулировал ход дела и вносил в него свою корректуру.

В общем, приводимые указания с полной ясностью свидетельствуют о следующем: тот, кто хочет добиться боевых

---

[1]) Кроме первого, который взят из приказов 55 дивизии взамен утерянного.

успехов, тот должен прежде всего любить и понимать, как самое дело, так равно и тех людей, с которыми ему приходится жить и служить; это основное условие, в связи с крепкими, простыми и дружными отношениями с офицером и солдатом и истекающая отсюда глубокая внутренняя связь между начальником и подчиненным являются фундаментом всего остального, всякой технической подготовки, всякой отрасли боевого обучения. Есть все это налицо, — общий результат и, притом успешный будет несомненно обеспечен рано или поздно, нет таких основ,—не ждите и прочного успеха в том или ином направлении; если же последний и будет, то только частичным, случайным. Это верно в боевом обиходе вообще и еще более применимо к разведке, работе, едва ли не более тонкой, тяжелой и ответственной, чем какая-либо другая.

Следующими данными, созидающими успех разведки, как, впрочем, везде и во всем, являются: соответственная организация дела, планосообразность и систематичность при подготовке и ведении и, наконец,—неустанный, настойчивый труд.

И помимо успешного результата, становится ясно, что чем подготовленнее и осмысленнее производится разведка, тем на ряду с ростом результатов, в громадном большинстве случаев уменьшаются и потери; наоборот,—чем хуже подготовлена она, чем менее ею интересуются те, кто ведает ею и непосредственно ведет, тем меньше будет успеха и больше крови.

Приказ по 55 пехотн. дивизии. [1]

14/27 окт. 1915 г. № 184 с.

Служба разведчиков — в высшей степени ответственная и трудная; разведчики—глаза и уши своей части, отряда и от качества их работы зависит очень и очень многое. Поэтому, на выбор людей в разведчики, на подготовку их к службе, боевое употребление и поощрение их нужно обращать самое серьезное внимание.

Ближняя разведка ведется полками (батальонами) и ротами. Сообразно с этим и разведчики делятся на полковых и ротных (они же и батальонные).

Назначение полковых разведчиков — работа на фронте своего полка и в особенности, на флангах своих и неприятель-

[1]) Помещен здесь потому, что подобный-же приказ 80 пех. див. много утерян, а между тем в нем имеются основные общие указания, которое должны быть приведены именно в самом начале.

ских, а иногда и в его ближайшем тылу, с целью собрать сведения о нем, о местности и о всем том, что может иметь для нас значение. Среднее удаление, на которое могут отходить разведчики от своих частей — до нескольких верст и во всяком случае не далее десяти; удаляться свыше они не могут, как потому, что дальнейшие задачи разведки будут для них уже непосильны, так и потому, что крайне затрудняется связь с выславшим их отрядом; на расстоянии свыше 10 верст разведку ведет конница (дальняя разведка).

Ротная разведка (батальонная) работает на фронте и флангах своих рот и батальонов; цель ее—та же, что и полковой, но гораздо уже и удаление разведчиков от своих частей, значительно меньше, в среднем не далее 1 — 2 верст, редко больше 3-х. Это, собственно, самая ближняя, так сказать, боевая разведка и в сущности не столько разведка, сколько подвижное наблюдение за неприятелем и местностью; если полковой разведчик есть настоящий разведчик, то ротный— преимущественно наблюдатель. Этим и следует руководствоваться привыборе тех и других, при определении их числа и при их подготовке.

Основная цель всякой разведки—сбор сведений о неприятеле и о местности известного района. Бой, как норма,—не дело разведчиков и к нему разведке следует прибегать только тогда, когда иными путями поставленной задачи выполнить нельзя. Вообще задачи разведки надо составить умело и осторожно, употребляя разведчиков только по их прямому назначению—розыску и разведке неприятеля, сбору нужных о нем сведений, так как в противном случае мы будем расходовать быстро и непроизводительно этих лучших людей, а между тем возобновление их и подготовка — трудны, так как не всякий человек способен быть хорошим разведчиком, полезным для дела.

Этого прошу никогда не упускать из виду. Если разведка может пробиться только путем боя, то тогда приходится придавать разведчикам поддержку в виде строевой части (обычно от взвода до роты, в редких случаях больше); приданная разведке строевая часть наводится разведчиками на неприятеля в желаемом направлении, завязывает и ведет бой, пользуясь чем разведчики делают свое дело, забираясь по возможности на фланги и даже в тыл неприятеля.

При розыске неприятеля и сближении с ним впереди всех действует конная разведка, которая и собирает о нем сведения. Когда ее работа будет стеснена действием непри-

9*

ятельских передовых частей (сближена), то она сосредоточивает свои усилия на флангах неприятеля, не теряя с ним соприкосновения, а если этого нельзя, то отходит в направлении наших флангов. Тогда на работу выдвигается пешая разведка (полковая), которая поэтому и должна быть наготове впереди и, по возможности, находиться в связи с еще не отошедшей нашей конной разведкой. Когда функции полковой разведки будут, в свою очередь, выполнены, и ее деятельность сделается невозможной, вследствие дальнейшего сближения с неприятелем и действий его боевых частей, то полковая разведка также отходит в направлении наших флангов—обоих или одного из них, как будет указано начальником или же в зависимости от обстановки. Тут уже должна действовать самая ближняя, т.-е. ротная боевая разведка, которая, конечно, должна находиться в связи с полковой.

Обычная и самая важная задача полковой разведки—действия против разведки противника и его охранения, возможно точное определение его сил и расположения на фронте и флангах, изучение способов работы неприятельской разведки, систем охранения и боевого расположения, характера противника вообще, скрытное наблюдение за всем, что может иметь значение для нас, поимка пленных, разведка и изучение местности, безпокойство и тревога неприятеля и т. д.

Задача ротной разведки—уже: разведка охранения противника, противодействие неприятельской ближней разведке и действиям его охранения, разведка ближайшей к нашему расположению местности и неослабное наблюдение за неприятелем. Ротные разведчики—неот'емлемая принадлежность рот и батальонов; поэтому, ротные разведчики должны быть всегда при них.

Действия разведчиков вообще должны быть скрытные, смелые, быстрые и неожиданные для неприятеля; работа их должна идти почти без перерыва с тем или иным назначением,—партиями, очередями (то полковые, то ротные, то и те, и другие одновременно), сноравливаться с характером неприятеля, его обычаями, местностью и настроением местных жителей. Для успеха разведки, помимо заблаговременной соответствующей подготовки людей, вообще необходимо тщательно готовиться, и каждый раз, получив задачу, прежде всего нужно предварительно ознакомиться с обстановкой вообще, а затем с неприятелем и местностью по карте и в поле, подготовить необходимые материальные средства (лодки, брод, плот, палки, бомбочки, лыжи, проводников или язык и пр.); более крупной

и важной разведке обычно должна предшествовать одна или несколько более мелких и частичных скрытных разведок.

Затем, надо составить план действий, который должен быть прост и ясен для всех; наконец, скрытое и смелое исполнение венчает дело разведки.

Без такой тщательной подготовки разведка обречена на полную неудачу и ведет только к лишним потерям.

Неориентированность в общей обстановке, незнакомство с расположением неприятеля, его боевыми обычаями и свойствами, незнакомство с местностью, неподготовленность разведки и действия без определенного плана, а равно—вялость, робость и откровенность в действиях в огромном большинстве случаев не даст хороших результатов, а нередко ведет к трате труда, времени и крови. Наоборот, — подготовленная по возможности во всех отношениях разведка, выполненная смело, скрытно и энергично, чаще всего приводит к удаче и более или менее богатым результатам и притом с наименьшими потерями.

Никогда не следует ходить на разведку в одно и то же время, в один и тот же час, в одних и тех же местах и действовать одними и теми же способами, так как неприятель привыкает к этому, принимает свои меры и бывает наготове.

Всех способов разведки указать нельзя,—„всяк молодец на свой образец"; нужно работать, исхитряться в этом направлении, вызывая в солдатах изобретательность, сметку и всячески поощряя инициативу и смелость.

Общий дух разведческих действий должен быть энергичный, смелый и беспокойный для неприятеля; разведке надо стараться задавать тон, брать самой палку (инициативу) в руки и никогда ее не выпускать, а тем более — передавать неприятелю, пользоваться малейшим промахом противника и бить его за это.

Выбирать людей в полковые разведчики надо с особенной тщательностью и разбором. Начинать надо с начальника команды и его ближайших помощников; выбирать туда способного и склонного к этому делу, смелого и не боящагося риска офицера, ловкого и умеющего в то же время рассчитать и подготовиться, практичного и вдумчивого. Хорошо иметь в команде еще 2—3 офицеров—помощников и заместителей, кроме того, подходящих подпрапорщиков и унтер-офицеров. Солдат надо выбирать из желающих — людей твердых, смелых и ловких; часто случается, что отличные разведчики бывают из охотников, звероловов, из людей неспокойных по натуре, отчаянных и т. д.; мерить разведчика благонравием и обычной солдатской

меркой по нашим уставам—никоим образом нельзя. Подобным же образом, но с более пониженными требованиями, выбирать людей и в ротные разведчики.

Команда полковых разведчиков составляется вначале хотя бы из 64 человек (по 4 от роты), но затем, при малейшей возможности, лучше ее усилить вдвое, так как служба разведчиков тяжелая и опасная — приходится чередовать, да и убыль в них бывает большая, а заменить их и возобновить в короткое время — невозможно. Ротных разведчиков иметь по 6—10 человек на роту.

Из всего сказанного ясно, как следует вести и готовить разведчиков, и что именно проходить с ними.

Разведчик должен отлично знать боевое употребление ружья (выгодно, если быстро и хорошо стреляет, умеет колоть без промаха), быть втянутым в продолжительную ходьбу и бег, приучен довольствоваться умеренной пищей, часть которой всегда должен брать с собой; он обязан хорошо помнить местность и применяться к ней, уметь проходить скрыто (иногда ползком) значительные пространства, хорошо ориентироваться, и опознаваться на самой запутанной местности, никогда не терять головы и уметь найти выход в критических случаях; разведчик должен уметь выследить неприятеля, наблюдать его тайком, не теряя из виду, скрытно и быстро подойти и внезапно броситься на него. Разведчику необходимо знать всякие приметы, условные знаки, он должен быть наблюдательным, уметь запоминать важное и нужное, отличать суть от пустяков; нужно учить его умело проходить леса, найти дорогу и тропу, переправу, брод и т. п.; наконец, разведчик должен быть хорошо знаком с ночными действиями вообще, а равно и с действиями в лесах и в зимней обстановке.

Необходимо знакомить его с боевыми охранительными порядками неприятеля, его способами разведки, охранения, укреплений, с формой одежды; правильно определять величину и состав войск, равно—какие он должен уметь сведения нужно добыть тем или иным путем, (от жителей и проч.), какие предметы взять у убитого или раненого и т. д.

Разумеется, разведка должна быть достаточно ознакомлена с обстановкой и расположением наших войск, особенно ближайших к ней передовых и фланговых частей.

Разведчик должен уметь устроить быстро подручную переправу через воду, болото, бросать ручные гранаты, ловко и споровисто уходить от неприятеля, заметая следы и наводя на свою засаду, поддержку.

Необходимо, чтобы в команде часть людей, хотя бы те, которые могут быть за старших, знали бы употребление карт и планов; желательно, чтобы с ними были знакомы все.

Распределение обязанностей по ведению разведки: (указано дальше в одном из следующих приказов).

Донесения о всех разведческих действиях доставляются полками к определенному сроку в штаб дивизии, откуда идут дальше.

В штабе дивизии рекомендую вести особый журнал разведки, в котором делая выборки из срочных донесений, отмечать: когда именно, какой части разведчики, в каком составе и под чьим начальством выполняли ту или иную задачу, с каким результатом (захват пленных, оружия и т. п.) и с какими потерями. Этот журнал, помимо текущих срочных донесений по разведке, докладывать мне еженедельно, дабы я мог следить за ходом разведки во всех частях. Наиболее характерные случаи разведки, в ту или иную сторону, будут мною об'являться в приказах по дивизии с известным разбором.

Для подготовки команд в каждом полку, на основании изложенных здесь мною общих указаний, выработать планы, программы и указания, коих и придерживаться при обучении разведчиков.

Когда разведчики будут достаточно подготовлены, их командировать для практики поочередно, партиями на работу в боевые участки частей, стоящих впереди нас. [1]) Перед заступлением наших полков на позиции, разведчиков частей, предназначенных к занятию боевых участков, назначать в разведку совместно с разведчиками полков, которые будут нами сменены, проведя это за 2—3 дня до нашего заступления. Тогда это заступление будет уже прикрыто собственной разведкой, которая успеет уже более или менее ознакомиться с расположением неприятеля и с местностью. Прошу командиров полков особенно серьезно отнестись к организации, службе и совершенствованию разведчиков, а равно всячески поощрять их трудную и ответственную службу; со своей стороны, тщательно и с интересом буду следить за подготовкой их и всеми силами способствовать их поощрению.

Наиболее отличившихся разведчиков представлять всегда лично мне, при посещениях мною частей; команды разведчиков, при всяких построениях полков, ставить всегда на правом фланге каждой части как наиболее почетную ее часть.

---

[1]) Дивизия тогда стояла в резерве.

Приказы 80 пехотной дивизии.

9/22 марта 1915 г. № 48.

За прошлую неделю разведчики всех полков дивизии работали усердно и успешно, особенно в 318. полку и доставили немало полезных сведений.

Есть, однако, и крупные промахи:

а). Скрытное приближение к неприятелю и тщательное пользование всем, чем только можно — основа успешной разведки, а между тем, очень часты случаи, что разведчиков открывали еще издали, обстреливали, и они возвращались назад без результатов. Это — уж не разведка.

б). Вследствие недостатка скрытности, не удавалось по большей части захватывать и пленных. В этом отношении больше и смелее всех работают разведчики 318. полка. Отлично действовали 5. марта и разведчики 319. полка, захватившие живыми 21 челов. в плен.

в). Разведчикам этого же полка не раз давались не вполне подходящие задачи для полковой разведки, которой надо ходить дальше, и которые могли выполнить и ротные разведки.

г). Все еще бывают случаи, что разведка не была соображена с временем (наступал рассвет), почему ее приходилось прекращать, не доведя до конца. Расчета времени прошу никогда не забывать.

д). Дальше других в неприятельское расположение проникали разведчики 317. и, особенно, 318. полков, но зато в последнее время первые допустили и неприятельскую разведку проникнуть почти к самому нашему сторожевому охранению. Этого прошу никогда не допускать и твердо помнить раз навсегда, что инициативу брать в свои руки и никогда не передавать ее неприятелю. Всегда действовать смело и никогда не допускать неприятеля до дерзости, а если и допускать, то с целью поймать его и наказать за это.

е). В действиях разведчиков надо проявлять больше хитрости, изворотливости и вырабатывать разные приемы и сноровки.

ж). Нет почти случаев посылки поддержек в помощь разведчикам, на что я не раз указывал. Бой — не дело разведки, а только крайность; вести бой—это дело строевой поддержки. Если мы будем изматывать разведчиков на действия чисто боевого характера то мы быстро израсходуем их не по своему назначению и тогда разведки вести будет некем.

Однако, несмотря на все упущения и ошибки, разведчики все же действовали вполне добросовестно. За это от лица службы благодарю их всех.

Об особо отличившихся командирам полков теперь же войти с представлениями к наградам.

Прошу также обратить внимание на денежные поощрения, на усиленное довольствие разведчиков, несущих постоянно тяжелые труды, а равно на усиленный отпуск для них обуви, которую разведчики, благодаря характеру своей работы, изнашивают гораздо скорее, чем остальные солдаты. Вообще прошу командиров полков отнестись к разведческому делу с полным вниманием, интересом и сердцем, никоим образом не упуская из виду и нравственной стороны дела. Буду и сам с неослабным вниманием и интересом следить за разведкой и сделаю все, что могу, чтобы поставить ее возможно лучше.

15/28 марта № 55.

За истекшую неделю, с 9—14 марта, разведчики 3-х первых полков дивизии работали хорошо в смысле энергии, настойчивости и смелости действий.

С радостью вижу, что наша разведка очевидно берет верх над неприятельской, задала уже ей повелительный тон и действует с каждым днем настойчивее, активнее и смелее. Это — большое дело.

Во всех полках были разведки весьма смелые, принесшие пользу. Вижу, что разведчики 317. и 319. полков сделали большие успехи; вижу, что больше и больше налаживается поддержка разведки строевыми частями, без чего в настоящее время, при условии закрепления неприятеля на позициях, обойтись трудно.

Есть, однако, немало и неправильностей, которые я здесь отмечаю не из какого-либо укора, а из сознания пользы дела, для поучения и исправления на будущее время; без ошибок нигде, ничего и никогда не бывает, но надо избегать основных ошибок и постоянного повторения одних и тех же опущений, а для этого разбираться в причинах неудач. В этом отношении я выскажу следующее.

а). Никогда не следует бить по одному и тому же месту под ряд (если нет, разумеется, особой цели), так как это привлекает внимание неприятеля и заставляет его настораживаться. Так, например, разведчикам 318. полка $\frac{11}{24}$ и $\frac{12}{25}$ марта была дана одна и та же задача — захват неприятельской заставы

у железнодорожной будки южнее д. Тысменичаны. Как и следовало ожидать, это привлекло внимание неприятеля: он насторожился и подготовился к следующему нападению, увеличив свои силы; ко времени подхода наших разведчиков он был уже наготове, почему наше нападение и не удалось.

б). Отмечаю вновь склонность наших разведчиков устраивать бои, каковые должны являться лишь крайним средством для добывания необходимых сведений, когда исчерпано все остальное.

в). В 319. полку $\frac{12}{25}$ марта разведке была поставлена задача иметь наблюдение за неприятелем в д. Крживатуле-Стара; эта задача не разведки, а охранения заставы дозора, быть-может, ряда секретов и самое большое — задача ротной разведки, но никак не полковой. Задачи надо ставить правильно с тем, чтобы полковая разведка была бы использована в действительно необходимых случаях, когда та или иная задача может быть выполнена только ею.

г). Было несколько случаев, что разведки обнаруживались неприятелем благодаря лунному свету. Жалоба — не основательная, так как можно удачно разведывать и в лунные ночи, но для этого надо выбирать более удобное время ночи и во всяком случае уметь ходить, пользуясь тенями, а на свету скрываться и тщательно применяться к местности. Для хорошо подготовленного и ловкого разведчика, смотря по порученной ему задаче, еще большой вопрос, что будет выгоднее — совершенно темная ночь, или лунная.

д). Избираемое время для разведки ночью надо разнобразить, иначе неприятель непременно заметит, что мы действуем исключительно почти в одни и те же часы (например, между 1 часом и 4-мя ночи). Смотря по ночам, это разнообразие в разведке надо делать резко (наступление темноты, середина ночи и предрассветные часы).

е). Нельзя оставаться и совершенно равнодушными к неприятельским работам. Правда, порча и разрушение их не есть прямое дело разведки, но если есть возможность и время, если есть поддержка, то путем известной порчи неприятельских работ (не законченная проволочная сеть, наносной окоп, возводимый с большим трудом, работы с укладкой дерева и т. п.) необходимо наносить ему тот или иной вред. Поэтому в такие поиски следует брать с собою некоторое количество сапер и известное число рабочих с тем, чтобы порчу неприятельских работ возлагать именно на них; разведчикам же пользоваться этим и выполнять свои специальные задачи.

ж). Встречаются, например, и такие случаи (как это было $\frac{11}{24}$ марта в 317. полку), что разведка наша выследила неприятельскую и направилась в обход ее скрытно и имея шансы на успех; но посты нашего сторожевого охранения открыли по неприятельской разведке огонь и разогнали ее преждевременно, таким образом, как бы предупредили неприятеля. Это уже невязка в действиях; очевидно, что задача, возложенная на разведку, а равно время и место работы последней не были известны нашему сторожевому охранению. На будущее время прошу этого отнюдь не допускать и прочно связывать работу наших охранительных частей и боевых с задачами разведки, соответственным образом ориентируя всех, кого нужно.

В заключение выскажу, что иногда задачи, даваемые разведке полками, производят впечатление не вполне продуманных и случайно поставленных. Настоятельно требую, чтобы командиры полков тщательно продумывали бы предварительно, что именно нужно для успеха действий полков, т.-е. какие именно сведения о неприятеле необходимы им и в каких районах, в зависимости от тех общих боевых задач, которые ставятся полкам; отсюда надо исходить в постановке задач разведчикам. В общем задачи надо ставить продуманно и систематично, всегда исходя из целей боевой надобности, а никак не случайно. Разведка—слишком серьезное дело, очень трудное и влекущее большие потери, чтобы к нему относиться недостаточно внимательно. Конечно, иногда приходится уклоняться в сторону от этого и поручать разведчикам иные задачи, но в общем нужна стройная система дела.

В 320. полку (стоит в резерве) пользоваться временем и не забывать учить своих разведчиков. В зависимости от обстановки и от боевой надобности, время от времени, быть-может, я буду командировать разведчиков этого полка в боевые участки дивизии, при чем первой задачей для них явится очередное ознакомление с районами разведок прочих полков.

Продолжайте же ваш полезный труд, офицеры и солдаты-разведчики. Глубоко уверен, что тяжелый труд этот вскоре же принесет самую существенную пользу делу службы.

$\frac{27 \text{ марта}}{9 \text{ апреля}}$ № 68.

За время с $\frac{14}{27}$—$\frac{24}{6}$ $\frac{\text{марта}}{\text{апреля}}$ наша разведка сделала большие успехи и окончательно загнала за проволоку неприятеля, который прекратил почти всякие попытки к разведке с своей стороны на всем фронте дивизии. Такая деятельная и решительная

разведка, помимо того, что выяснила в подробностях, насколько было возможно, расположение неприятеля, кроме того, наилучшим образом содействовала обеспечению покоя войск и помогла нашему сторожевому охранению хорошенько освоиться с местностью и окончательно закрепиться на ней.

За такую плодотворную деятельность и за тяжелые труды прошу всех разведчиков, офицеров и солдат, принять мою, от лица службы, глубокую благодарность; особенно благодарю начальников разведческих команд.

Будем, товарищи, верить, трудиться деятельно, добросовестно и смело, и результаты нашей дружной, настойчивой работы никогда не заставят себя ждать.

Теперь особенно важно для определения расположения группировки неприятеля, захватывать при разведках пленных. Как бы не уходил неприятель за проволоку и окопы, как бы чуток и сторожлив он ни был, но нам нужно непременно изловить пленных на фронте каждого полка, с целью проверить его группировку и дать возможность нашим штабам судить о том, не произошло ли в ней каких-либо изменений.

Надеюсь, что путем засад, высылки групп особо смелых и ловких людей, отлично знающих местность и сторожевые порядки неприятеля, путем неожиданных нападений на его заставы и полевые караулы, наши разведчики поймают пленных. Надо исхитриться и сделать все возможное для этого; больше указывать нечего, так как—„всяк молодец на свой образец“.

Из частностей разведческой работы за указанный период я отмечу следующее:

а). Попадаются еще задачи неопределенные, слишком общие; забывают иногда ставить разведке цели.

б). В 317. полку несколько раз очень удачно произвели тревогу среди неприятеля и, воспользовавшись этим, добыли много ценных сведений. Особенно хорошо действовали разведчики $\frac{18}{31}$ и $\frac{9}{24}$ числа, когда они, произведя переполох среди противника, довольно подробно определили его силы в районе Цу-Виноград-Мазурки, расположение окопов и своими действиями вызвали оживленный огонь двух неприятельских батарей; это последнее, в свою очередь, очень помогло нашим артиллеристам окончательно установить места этих батарей.

Однако, не надо увлекаться и постоянной тревогой неприятеля и излишним молодечеством при всей важности и желательности держать его в возможном напряжении, во всяком случае не делать этого еженощно или слишком часто—при-

выкнуть можно ко всему и надо заботиться и о собственных силах.

в). В 317. и 318. полках 19 марта задачами разведки было поставлено наблюдение за неприятелем в известных пунктах. Я уже говорил выше, что это — не дело полковой разведки, а—сторожевого охранения и самое большее—ротной разведки в пределах своих участников. Вновь повторю, что давать полковым разведчикам задачи, которые должны быть выполнены другими органами, отнюдь не следует; у полковых разведчиков и без того много работы и притом работы в высшей степени важной, ответственной, трудной и влекущей немало потерь.

г). В 319. полку на $\frac{13}{1}$ число поставили разведке задачу проникнуть через сторожевое охранение неприятеля, выяснить расположение его боевых окопов и даже ближайших батарей. Задача эта — совершенно неподходящая, так как она слишком сложна и обща; определить расположение неприятельской артиллерии и притом самой ближайшей (какие-нибудь передовые взводы, или противоштурмовые орудия в окопах) разведка может только в исключительных счастливых случаях; обыкновенно это дело нашей артиллерии, воздушных шаров и аэропланов. Проникнуть через сторожевое охранение и выяснить расположение боевых окопов неприятеля — все это следовало поручитъ не разведческой команде в ее целом, а или отборным смелым молодчикам, или же действовать с поддержкою строевой части.

д) Приемы и сноровки разведки, как я замечаю постепенно вырабатываются и совершенствуются. Так и следует—чем больше их будет, тем лучше и тем легче справимся мы с неприятелем, так как введем в дело много неожиданного для него.

е) Строевые поддержки понемногу привыкают работать вместе с разведкой, принимая на себя ведение самого боя и таким образом помогая разведчикам. Это хорошо.

ж) Во всех полках были разведки очень смелые: в 318. разведчики забрались в тыл д. Цусплув, где взяли двух пленных, 317.—проникали к самому Цу-Виноград и высоте 313; разведчиками 319. было труднее всего по местным условиям, но и они $\frac{20 \text{ марта}}{3 \text{ апреля}}$ обрекогносцировали всю д. Красплувку, пройдя ее целиком.

Этот смелый активный душок нашей разведки меня особенно радует.

6/19 апреля № 75.

$\frac{3}{16}$ апреля партия батальонных разведчиков 319. полка под командою пр. Г., выследив, что противник обыкновенно утром выходит из-за своих заграждений вдоль полотна железной дороги, устроила засаду у д. Ворона с целью захвата пленных.

Случилось так, как рассчитывал пр. Г.:

Неприятель двигался следующим образом—впереди один дозорный, за ним группа человек в 20-30, выдвинув от себя 3 дозора по 4 человека в стороны; за этой группой двигалась другая, более многочисленная.

Разведчики 319. полка, в числе 30 человек разделились на три части, из коих две засели в засаде в 500 шагах одна от другой на путях предполагаемого движения неприятеля, а третья осталась в поддержке.

При приближении противника наши разведчики без малейшего шума быстро захватили передового дозорного и незаметно отправили его в тыл; затем несмотря, на то, что на них двигались значительно превосходные силы, стали без выстрела ждать приближения неприятеля; напав на один из дозоров противника, они вновь захватили его и отправили в тыл; наконец, после этого открыли перекрестный огонь по неприятелю и, отстреливаясь, отошли назад, не потеряв ни одного человека и нанеся неприятелю потери.

Действия пр. Г. свидетельствуют об известной подготовке разведки, о правильном расчете, о большой его выдержке, смелости и хладнокровии, равно как о полном понимании того, какими средствами должны выполняться задачи разведки, в действиях которой бой есть крайнее средство, а главное — подготовка, расчет, выдержка, смелость и ловкость в действиях.

От лица службы благодарю пр. Г. и разведчиков за это молодецкое дело. Командующему полком немедленно представить всех отличившихся к наградам.

7/20 апреля № 77.

За истекшее время с $\frac{26 \text{ марта}}{8 \text{ апреля}}$ по $\frac{3}{16}$ апреля наша разведка продолжала деятельно работать. Неприятель теперь почти совсем не рискует вести своей разведки; даже сторожевое охранение его к ночи почти всегда отходит под защиту укреплений и проволоки; если же противник и решается изредка выдвигаться

в нашу сторону, то не иначе как партиями такой численности, которая ему могла бы наверное обеспечить перевес в силах в случае столкновения с нашей разведкой.

Полное почти прекращение разведческой деятельности неприятеля и стеснение сферы его сторожевого охранения есть без сомнения результат смелой и неотступной работы наших разведчиков. И этот очевидно для всех взятый верх над противником прошу поддерживать всеми мерами, проявляя в этом отношении самую твердую непримиримость.

Из частностей нашей разведки за это время я отмечу следующие:

а) Начинают все больше и больше действовать ротные разведчики, которые иногда выполняли даже и обязанности полковой разведки, нередко весьма хорошо. Хотя это и расширяет определенную мною первоначально общую задачу ротной разведки, но так как приносит делу пользу, развивая в ротных разведчиках смелость, и давая отдых полковой разведке, то я вполне одобряю и приветствую этот полезный почин. Однако в деле этом нужна известная мера и постепенность; я не сомневаюсь, что и среди ротных разведчиков есть настоящие молодцы, но в общем они все же менее подготовлены, чем полковые; поэтому и задачи им надо давать более легкие по сравнению с последними, особенно вначале. $\frac{26 \text{ марта}}{8 \text{ апреля}}$, например, в 319. полку ротным разведчикам дали задачу разведать вдоль линии железной дороги до м. Отыния и снять там неприятельский караул. Эта задача без сомнения не продумана и для ротной разведки слишком сложна: даже и полковой разведке далеко не всегда удается проникнуть за разлившуюся р. Ворону, а, ведь, м. Отыния удалено от нее на несколько верст; являясь сосредоточием неприятельских резервов, местечко это к тому же отделено от р. Вороны укреплениями в районе д. Микульсдорф; следовательно, какие же шансы были к тому, чтобы ротные разведчики могли выполнить такую сложную и глубокую задачу? Разведка эта, как и надо было ожидать, совершенно не удалась — разведчики могли дойти только до реки.

Прошу таких несообразных задач никогда разведке не ставит, так как это ведет к верному неуспеху и лишним потерям, подрывая доверие разведчиков к тем задачам, какие им ставятся и к начальству, дающему их.

б) $\frac{26 \text{ марта}}{8 \text{ апреля}}$ дозоры, высланные от одной из разведывательных партий, 320. полка, по правому берегу р. Быстрицы к д. Грабовец, неприятеля не нашли и вернулись назад ни с чем. Это уж совсем никуда не годится; раз выслан на раз-

ведку, то обязан разыскать неприятеля во что бы то ни стало; правда, он может не допустить разведку до себя и нередко бывают случаи, когда вполне выполнить задачу не удается, но возвращаться назад без каких бы то ни было результатов и особенно вовсе не найдя неприятеля в районе, где он безусловно есть, совершенно недопустимо.

в) Все еще продолжают встречаться случаи высылки полковых разведчиков только для наблюдения ($\frac{27}{9}$ марта/апреля а в 317. полку и $\frac{29}{11}$ — в 319). Повторяю, что наблюдение есть только одна из многих функций разведки, но само по себе отвечает больше охранительным задачам, а не разведывательным. Прошу быть внимательным к моим требованиям и настойчиво проводить их в жизнь.

г) Приемы разведки постепенно совершенствуются. Прошу всех разведчиков развивать эти приемы и изобретать новые, применяясь к обстановке и характеру нашего теперешнего противника. Всякие проявления смелости, инициативы и находчивости среди разведчиков всячески поощрять; на ряду с этим следить за правдивостью и верностью донесений, проверяя их поскольку это возможно.

д) $\frac{27}{9}$ марта/апреля от 320. полка была послана сильная разведка (около 100 человек) с поддержкою полуроты. Благодаря недостаточно осторожному подходу передовой партии наших разведчиков к неприятельскому охранению, разведка наша была заранее обнаружена и никаких результатов не дала.

Я уже говорил, что подобное не допустимо вообще и, в особенности ненормально то, что такая сильная разведка окончилась ничем. Глубоко убежден, что дело было недостаточно продумано и подготовлено. Мне трудно, конечно, судить о подробностях издали, но полагаю, что следовало бы предпослать такой большой разведке предварительную малую разведку, чтобы больше подготовиться и действовать с шансами на успех. Если с безрезультатностью или с неполным успехом работы малой разведки, особенно первоначальной, и приходится иногда мириться, то по отношению сильной разведки и тем более, силой до 200 человек — это не так: результаты должны быть непременно, иначе не зачем было и „огород городить".

Действительно, для чего, например, в данном случае было назначено столько разведчиков и в чем выразилась роль полуроты, которая должна была действовать, как боевая сила?

Если важно вообще продумывать всякую разведку без исключения как бы мала и проста она ни была, то особенно тщательным образом следует продумывать и подготовлять раз-

ведки большие и сложные. Для этого прежде всего надо ставить разведке подходящую задачу, ознакомиться загодя с местностью и с расположением неприятеля и умело направлять действия разведчиков и поддержки, разграничивая их роли, но связывая по существу. Предварительная посылка малых разведческих партий, действующих осторожно, чтобы не всполошить неприятеля заранее, является одним из отличных средств такой подготовки.

е) Разведка 320. полка $\frac{30\ \text{марта}}{12\ \text{апреля}}$ была произведена очень хорошо, особенно партией под командой пр. Б., которой удалось проникнуть за р. Ворону лесом, недалеко от д. Гвоздец, и далее в направлении к д. Велесница. Эта смелая разведка в глубь неприятеля дала и весьма полезные сведения о расположении противника.

ж) Столь же удачной в смысле действий надо признать и разведку 317. полка $\frac{31\ \text{марта}}{13\ \text{апреля}}$ в направлении дд. Виноград и Цу-Виноград.

з) Как удачную разведку небольшой партией отмечаю разведку 320. полка, произведенную $\frac{31\ \text{марта}}{13\ \text{апреля}}$ под командою пр. Л. к 4-м хатам, что севернее д. Грабовец.

13/26 апреля № 83.

За время с $\frac{3}{16}$ — $\frac{12}{25}$ апреля разведка на фронте дивизии продолжает работать вполна успешно и не позволяет противнику вести свою разведку. Путем захвата пленных на боевом фронте неприятеля, находящегося против всех трех наших полковых участков, разведка вполне выяснила в течение последних дней группировку противника против нас; точно также удалось определить более или менее точно расположение ближайших боевых частей и силу закрепления неприятеля на позициях. Особенно успешно работали разведчики 318. полка.

Не повторяя всего того, что говорилось раньше относительно частностей ведения разведки, я должен признать к своей великой радости, что ошибок и упущений бывает все меньше и меньше, а разведческое дело явно и постепенно становится на вполне прочные основания.

Относя это к правильной организации дела и верному руководству им, настойчивости и вниманию со стороны командиров полков, а равно к отличной работе офицеров и солдат-разведчиков, я прошу всех командиров, а также молодцов-разведчиков принять мою глубокую благодарность за их самоотверженные и тяжелые труды.

Вполне хорошими, давшими полезный результат были разведки: $\frac{3}{16}$- апреля прапорщ. 320. полка Б. и $\frac{4}{17}$- апреля пр-ка того же полка Л. и младш. унт.-офиц. Л.; разведки 317. полка $\frac{7}{14}$- апреля, 320. $\frac{7}{20}$ и $\frac{10}{23}$- апреля и 318 — $\frac{8}{21}$ апреля. Особенно же отмечаю удачные действия разведчиков 320. полка $\frac{9}{22}$- апреля под ком. пр. А. и 318. полка $\frac{9}{22}$ и $\frac{12}{25}$ апреля.

Во время всех этих разведок было захвачено пленных: разведчиками 319. полка 4 чел., разведчиками 320 полка—двое и разведчиками 318. полка—9 пленных, всего 15 человек. Интересно отметить, что в этой последней разведке 318 полка разведчики убили троих, ранили до десятка и взяли в плен трех неприятельских солдат, т.-е. совершенно почти истребили неприятельскую партию такой же силы, какой была и своя и потеряли всего двух человек.

Из явно неудачных разведок наших могу отметить лишь действия разведчиком 319 полка 8-$\frac{8}{21}$ апреля, которые, устроив засаду, так и не дождались прихода неприятеля и потому ушли. Это уж не разведческая работа, ограничивать которую работой секрета нельзя.

Было несколько случаев, что разведчики не умели выбирать более удобного времени для своей работы, или же неумело пользовались светлыми ночами.

Наконец, как не раз уже обращалось внимание, нельзя ходить на разведку чуть ли не изо дня в день и притом в одно и то же время.

3/16 июля № 136.

Вследствие большой убыли офицеров и солдат - разведчиков за время майских боев, разведка наша стала заметно слабее и менее активна, чем прежде.

Были и есть причины, об'ясняющие это: полное отсутствие или, по крайней мере, недостаток предварительной учебной подготовки, характер некоторых наших позиций, удаленных от неприятеля всего на 200 — 300 шагов (например, в 320 полку) и потому до нельзя стесняющих разведку. Серьезное препятствие пред нами в виде реки Днестра, переход через который возможен далеко не всюду и не всегда, наконец,—самый характер действий неприятеля за последнее время, при малейших наших попытках прячущагося за укрепления и проволоку. Тем не менее никакой способ действия неприятеля, никакая обстановка не должны ограничивать нашу смелость и активность, настоящую ценность которых должен хорошо знать

и понимать каждый чин 80. дивизии. Будем помнить все, что преимущественно именно этим качествам обязаны мы блестящим успехом нашей переправы через Прут и штурма неприступных предгорий Карпат $\frac{21}{3}$—$\frac{24}{6}$ $\frac{\text{мая}}{\text{июня}}$.

Всем сказанным я отнюдь не хочу выразить какого-либо упрека или неудовольствия по адресу полков дивизии: они деятельно работают в разведке и ни единой ночи не проходит, чтобы разведчики наши не ходили бы на свою опасную работу не тревожили бы неприятеля, доставляя о нем сведения, оберегая вместе с тем покой и безопасность своих войск. По мере возможности полки ловят и пленных, для чего им иногда приходится переходить через Днестр; некоторые из разведок (317. и особенно 320. полков) были произведены вполне хорошо.

Однако, польза дела настоятельно требует, чтобы наша разведческая деятельность была бы еще смелее, еще активнее и ловче. Если мешает Днестр, то завести лодки, купив их у жителей или построив; если нет, или мало умеющих хорошо грести и управляться с лодкою на быстрой реке, то найти таких людей или же обучиться самим. Если неприятель на ночь уходит за укрепления и проволоку, то исхитряться, как его оттуда выманить, а в случае, если он не идет, то как пробраться самим в неприятельские укрепления. Если разведчики еще недостаточно подготовлены учебно, то делить команды на очереди (что необходимо делать и для отдыха), при чем давать последним время для специальных занятий. Наконец, если офицеры-разведчики сами недостаточно опытны, то поручать ближайшее наблюдение за обучением команд и боевым их употреблением кому-либо из более опытных офицеров полка, а самим командирам еще ближе стать к непосредственному руководству этим важнейшим делом.

Рекомендую также заводить сношения и связь с местными жителями, среди которых есть много сочувствующих нам и где можно найти людей надежных, хорошо знающих местность и многое из того, что нам требуется; таких людей нужно щедро вознаграждать, не жалея денег, обеспечивая им личную безопасность; они же могут явиться и деятельными помощниками в нашей борьбе с неприятельскими шпионами.

При обучении и действиях разведчиков руководствоваться моими указаниями, данными в феврале и марте, а равно и периодическими разборами наших бывших разведок, помещаемыми в приказах по дивизии. Штабу дивизии вновь начать вести журнал разведки подобно тому, как это делалось раньше, и в конце каждой недели представлять его мне для просмотра.

Эти недельные результаты разведок с моими разборами и указаниями вновь будут об'являться в приказах дивизии.

О всяком новом удачном приеме, сноровке, выработанных на опыте и могущих вести к успеху, прошу сообщать в штаб дивизии, чтобы можно было бы делиться и со всеми остальными.

Командирам частей всячески поощрять все проявления смелости, инициативы и изобретательности в разведческом деле; при наградных представлениях всегда выгодно оттенять лучших разведчиков, офицеров и солдат.

Если по характеру позиций, по условиям местности и вследствие близости неприятеля разведчикам необходима помощь строевых частей, то непременно давать таковую, но начинать с небольших частей, не более взвода; в случае назначения более крупных частей необходимо продумывать всегда вопрос об общем руководстве, в чем наиболее часто встречались раньше погрешности.

Обо всякой помощи в разведческом деле, которая будет необходима и которую не в состоянии оказать сами полки, сообщать мне.

Прошу всех чинов дивизии приложить все внимание и интерес к разведческому делу, как к одной из самых важных отраслей боевой подготовки.

10/23 июля № 154а.

Работа разведчиков 317. полка явно совершенствуется:

$\frac{9}{22}$ июля партия разведчиков из 30 человек, под командой пр. А., переправилась на лодках через Днестр, между с. Коропец и д. Стойла.

Поднявшись на высоту 327, разведчики скрылись в старых неприятельских окопах, заранее еще высмотренных, и выслали вперед по направлению к противнику, в виде приманки, несколько человек.

Австрийцы в числе 40—50 человек заметили высланных и стали их окружать. Тогда остальные наши разведчики пошли на помощь к товарищам; но и противник с своей стороны также выслал поддержку силою около взвода, получив, большой перевес в числе.

Таким образом складывалась невыгодная для нас обстановка, в которой разведчикам нашим пришлось бы или принять невыгодный для себя бой с превосходным неприятелем, имея в тылу реку с одною только лодкою, или же быстро уходить от неприятеля за Днестр, не выполнив задачи.

Но зорко следившая за нашими разведчиками 5 батарея (было условлено заранее), увидев опасность, угрожавшую боевым товарищам, немедленно открыла сильный и меткий огонь по неприятелю, который быстро рассеял высланную им поддержку. Неприятель, растерявшись, остановился и открыл огонь по разведчикам, а последние, воспользовавшись товарищеской поддержкой своей артиллерии и произведенной среди неприятеля суматохой, бросились на него дружно и быстро, захватив одного пленного, столь же быстро отошли назад без всяких потерь; неприятелю же нашими артиллеристами были нанесены не малые потери.

Эту ловкую и отважную работу молодцев-разведчиков с пр. А. во главе особо отмечаю. Радуюсь, что наши разведчики совершенствуются, начинают делать „настоящия" разведки, т.-е. предварительно подготовленные, активные, смелые и достигающие цели. Равным же образом отмечаю и особенно приветствую крепкую нерушимую связь в действиях разведчиков и артиллеристов на участке 317. полка; содействие 5. батареи шт.-кап. А. было вполне хорошо и уместно.

Эта разведка 317. полка была подготовлена заранее, так как, во-первых, был составлен известный план, во-вторых, заготовлена лодка, наконец местность и расположение неприятеля были предварительно изучены насколько возможно. Кроме того, разведка была связана и поддержана.

Одно только могу сказать, что высылку охранительных дозоров и отдельных разведчиков надо было сделать значительно раньше, т.-е. сейчас же после перехода через реку, а пожалуй что еще и до этого, а то, ведь, недолго и самому попасть в беду и очутиться в печальной необходимости принять невыгодный для себя бой с более сильным неприятелем, имея за собой к тому же еще реку; думаю также, что одной лодки было мало для партии в 30 человек.

Молодцам-разведчикам с пр. А. и молодцам-артиллеристам со шт.-кап. А. мое сердечное спасибо от лица службы за отважные действия и связь.

Всех отличившихся приказываю тотчас же представить к наградам.

10/23 июля № 145.

В течение времени с $\frac{17}{30}$ июня по $\frac{4}{17}$ июля разведка наша работала, хотя и весьма напряженно и добросовестно, но тем не менее в ней было заметно меньше активности, чем прежде;

определив более менее правильно расположение на нашем фронте ближайших неприятельских укреплений, а равно передовых и охранительных частей противника, тревожа последние постоянно и тщательно оберегая по ночам покой и безопасность своих войск, наша разведка все же не достигла больших результатов; вследствие этого примерные силы и расположение собственно боевых частей противника, находящихся против нас, остаются и до сих пор не вполне выясненными; а между тем, все это имеет в высшей степени важное значение, как для дивизии, так в особенности и для соображений высшего начальства, в смысле правильного определения группировки неприятельских сил.

Я уже говорил раньше о тех причинах, почему наша разведка затруднена теперь и как бы стала приносить меньшие результаты. Не буду повторять здесь, но выскажу вновь, что никакая обстановка не должна заставлять нашу разведку отступать от возможно лучшего выполнения ее обязанностей; хотя мы работаем и добросовестно и делаем многое, но несомненно, что с течением времени неприятель стал привыкать к нашей теперешней разведке, характеру и способам ее ведения, стал принимать против нее меры и обращать на нее меньшее внимание. Мириться с этим отнюдь нельзя; нельзя ограничиваться тем, что неприятель нас не трогает: мы непременно должны взять вновь инициативу в свои руки и заставить его опять считаться с нашей разведкой, как с грозным оружием, каковым она была раньше и пренебрегать которым не безопасно.

Труда и времени мы вкладываем в разведку много, но работа разведчиков недостаточно направляется полковым начальством, часто бывает мало продумана предварительно, как им, так и ближайшими исполнителями, и подготовлена этими последними. А, между тем, обстановка такова (наличие перед нами значительной реки, недостаток опытных разведчиков в полках после майских боев, большая сторожливость неприятеля и проч.), что требует особенно большого внимания к разведке со стороны руководителей-командиров и офицеров и самой тщательной подготовки во всех отношениях.

Важнейшие упущения наши следующие:

а) Часто бывают случаи, что разведчики хотят перейти на тот берег Днестра, но не умеют этого сделать или потому, что не находят лодок, заранее не отыскали бродов и т. п.; бывали случаи, что разведчикам ставятся слишком трудные задачи, притом черезчур общего характера, очевидно непродуманные хорошенько.

Лучше всего была поставлена за этот период разведка в 320. полку, несмотря на то, что он находится в самом близком соприкосновении с неприятелем (150—300 шагов); разведчики 317. и 319. полков, равно как и прикомандированные к дивизии казаки работают деятельно и отважно, но здесь я вижу меньше руководства, направления и системы, а потому получаются и меньшие результаты. Наибольшой отвагою и широтою отличаются действия разведчиков 317. полка. В 320. полку печатаются для всех рот и команд сведения о расположении и о действиях неприятеля, находящегося против нас, а равно обо всех наших действиях и о результатах важнейших разведок. Нахожу это весьма полезным и рекомендую всем остальным полкам.

б) Мало непосредственной офицерской работы и только в 320. полку офицеры чаще назначаются и ходят на разведку. Это—не годится: не говоря уже о том, что ближайшее офицерское руководство необходимо в таком деле, как разведка, но и вообще нужно учить молодых неопытных офицеров и приучать их к разведке, памятуя, что каждый без исключения офицер обязан уметь вести ее. В составе полковых разведческих команд по возможности иметь не менее 3-х офицеров, не считая начальников команд из числа самых отважных, способных к этому и ловких. Как бы способен ни был в разведке унтер-офицер или солдат, но вследствие своей недостаточной осведомленности, знаний и развития, его работа почти всегда будет уступать работе более подготовленного офицера; и преобладающий у нас характер „солдатской“ по преимуществу, а не „офицерской“ разведки—бросается в глаза за последнее время; есть, конечно, частные малые разведки, которые может и должен вести хороший унтер-офицер и даже солдат-разведчик, но есть и более сложные, которые должны быть поручаемы исключительно офицерам и во всяком случае только на них должно быть возлагаемо ближайшее руководство такими разведками.

в) В разведывательных действиях, в способах и приемах разведки и в выборе времени для нея нет необходимого разнообразия, часто нет активности и настойчивости непременно довести дело до конца; все больше кончается тем, что разведчики наши подойдут более менее удачно и скрытно к фронту или флангу неприятельского охранения, сидящего в укреплениях и за проволокой, но затем почти всегда обнаруживаются последним, по ним обычно открывается огонь и они отходят назад с потерями, по большей части не выполнив своей задачи. Часто встречается также, что наша разведческая партия, заме-

тив предварительно неприятельский пост, идет в следующую ночь захватить его, но, не найдя его на прежнем месте, уходит себе, не сделав никаких других попыток; почти никогда не удаются и устраиваемые разведчиками засады, так как неприятель по ночам не выходит из-за проволоки, а засада, просидев даром ночь, преспокойно, возвращается обратно домой; то же самое происходит и с ловлею пленных.

Подобное же однообразие замечается и в смысле времени: наши партии высылаются преимущественно в одно и то же время, которое легко может быть поэтому определено и учтено заранее неприятелем. Я много раз говорил, что в большинстве случаев нет никакой надобности вести полковую разведку непременно каждую ночь и что во всяком случае надо разнообразить время ея высылки.

Вообще ясно, что желаемых результатов или нет вовсе, или же они значительно меньше, чем ожидаются. Но так как никаких существенных изменений и поправок в дело разведки не вводится, то можно с уверенностью сказать, что и завтрашнюю разведку наши партии, предводимые к тому же преимущественно унтер-офицерами, будут производить совершенно также, как производили эту работу сегодня, вчера и по большей части с теми же результатами. Следовательно, чуть не все предоставляется случаю. К этому однообразию и недостатку активности в наших действиях неприятель, разумеется, привыкает, приноравливается к ним и своевременно принимает те или иные меры, в конце же концов мало считается с нами, что совсем недопустимо.

Отсюда ясно следует, что если тот или иной способ действий, те или другие приемы не приводят к желательным результатам, то необходимы другие, которые и нужно во что бы то ни стало выработать, т.-е. предварительно тщательно продумать, подготовить их успех во всех отношениях и затем испытать на деле; в частности особенно необходимо это для поимки пленных, которых мы за последнее время ловим вообще мало и действуем при этом неумело.

г) Вследствие всего сказаннаго, значительное число разведок не достигает цели, а между тем дело продолжают вести попрежнему. Мириться с этим никак нельзя: невозможно допускать, чтобы большинство разведок не удавалось, что составляет верный признак неправильной постановки дела; лучше ставить сначала меньшие цели разведке и давать более легкие задачи, но требовать и настаивать непременно на том, чтобы последние обязательно доводились бы до конца и дости-

гали бы своей цели или, по крайней мере, чтобы каждая разведка хоть что-нибудь выполнила из заданного ей.

В этом отношении большое значение имеет и надлежащая постановка целей и ближайших задач разведки; приходилось замечать, например, что небольшой партии, даже под командой унтер-офицера, ставилась задача слишком общая, излишне широкого и мало определенного характера—выяснить расположение или группировку неприятеля против нас вообще, т.-е. задачу, с которой трудно справиться и опытному офицеру с большой командой и во всяком случае не сразу, а путем целого ряда частных разведок; шутка сказать, например, определить группировку неприятеля т.-е. выполнить сразу работу большую и являющуюся венцом всей разведческой работы вообще. Очевидно, что при таких заданиях разведки нас ждет только верная неудача и лишняя кровь.

Совершенно не подходят к разведческой работе и такие, например, задачи, как определить место расположения той или иной неприятельской батареи, находящейся к тому же далеко от нас, на противоположном берегу Днестра. Как и надо было ожидать, выполнялась эта задача так, что разведчики с нашего берега пытались установить местонахождения неприятельской батареи, ожидая ее огня, но так как этого огня почти и не бывает, то ничего выяснить и не удается; да если бы даже и был огонь, то выяснить можно далеко не всегда и не сразу и сделать это сможет только специалист. Такая задача—вовсе не задача разведчика и не пехотной разведки вообще, а задача наблюдателя-артиллериста, которую последний, как знающий и опытный человек, выполнит неизмеримо скорее и успешнее, чем разведчик, не обладающий ни знанием, ни опытом, ни соответствующими средствами.

А между тем большая энергия в работе, большая трата сил и времени, значительные потери и добросовестность (хотя и несколько угловатая, прямолинейная) заслуживают лучшей участи и результата; не малое же число хороших частных разведок, выполняемых при надлежащей постановке задач даже унтер-офицерами, в связи с зорким наблюдением вообще,—все это говорит за то, что мы можем делать дело гораздо лучше, раз только оно будет правильно поставлено и внимательно направляемо старшими. Особенно важна соответствующая постановка задач.

В настоящее время у нас, собственно говоря, не было еще правильно поставленной активной полковой разведки, которая приносила бы полезные результаты и с которой неприятель

считался бы, а вместо этого есть ряд поисков, тревожащих неприятеля сравнительно мало, а равно ряд добросовестных частных ближних разведок и особенно наблюдений за неприятелем; наши разведчики довольно удовлетворительно определили частное расположение, характер и силу ближайших к нам неприятельских укреплений и находящихся в них передовых и охраняющих его частей; но все это составляет работу по преимуществу ротной разведки, особенно в местах близкого соприкосновения с неприятелем, но не полковой, задачи которой значительно шире; поэтому все, что делается у неприятеля за передовыми частями, остается мало освещенным для нас и вот это-то именно и необходимо восполнить постепенно.

Настоятельно требую от командиров полков, чтобы они тщательно лично занялись разведкой и посвятили бы ей должном внимание. Я несколько раз уже указывал в своих устных беседах и в инструкциях, как должна быть распределена работа по разведке, и повторяю это еще раз:

Начальник дивизии, с помощью штаба дивизии, дает все необходимые указания для организации разведческих команд и для ведения разведки в полках вообще; затем он определяет каждый раз районы, полосы и важнейшие направления, подлежащие освещению путем полковых разведок, а равно ставит разведке особые задачи, если это требуется обстановкой; наконец, направляет, согласовывает и контролирует полковую разведку с тем, чтобы последняя возможно лучше служила бы разрешению основной боевой задачи, возложенной на дивизию.

Исходя из этого, каждый командир полка направляет дело своей полковой разведки. Для этого он прежде всего организует надлежащим образом команду, назначает туда наилучшие и наиболее подходящие элементы, в особенности начальника команды и его ближайших помощников; затем он вырабатывает общую программу и указание для обучения разведчиков, наблюдает за этим ближайшим образом и поверяет подготовку команды, входя в необходимые подробности и частности или в крайнем случае поручает это наиболее способному к тому и опытному офицеру из числа старших; он устанавливает районы действий полковой разведки и ставит ей ближайшие очередные задачи, неотступно направляя ее работу и вводя в нее необходимые поправки; наконец, всячески помогает начальнику разведческой команды и поощряет разведческое дело путем личного интереса к нему, внимания, наград и всяких материальных выгод. Вести разведку без плана и системы нельзя, а потому

в зависимости от боевой обстановки, наряду с программою и указаниями, каждый командир полка обязан выработать общий план разведки, т.-е. определить, какие именно задания должна постепенно выполнить разведка.

Начальник полковой разведывательной команды, на основании плана, программы и указаний командира полка, собирает команду, организует ее ближайшим образом и снабжает всем необходимым, учит и подготовливает ее, вырабатывая всякие необходимые для разведки приемы и сноровки; поверяет обучение разведчиков на практике и совершенствует постепенно свою команду во всех отношениях; подготовляет наиболее способных, отважных и ловких людей, которым можно поручить начальствование над отдельными разведческими партиями и вообще более трудные задачи, ведет их надлежащим образом, поощряя всякие проявления смелости, самостоятельности и находчивости во всех разведчиках вообще и в частности в командном составе. Начальник разведческой команды и его ближайшие помощники являются непосредственными исполнителями тех задач, которые ставятся полком разведке; в этих пределах они ведут дело вполне самостоятельно, принимая во внимание все указания полка и старшаго начальства, а также руководствуясь личным опытом и складом боевой обстановки, в которой должны быть всегда вполне ориентированы; они направляют работу разведческих партий и всей команды, дают им частные задачи, согласовывают, комбинируют и контролируют их действие; в наиболее же важных случаях принимают личное начальствование над разредкой и производят личные разведки; наконец, в совместных действиях команды и поддерживающих ее строевых частей дает последним все необходимые сведения о неприятеле, искусно наводят их на этого последнего в желательном направлении и, пользуясь боевыми действиями, производят в это время самую разведку.

В результате своей деятельности разведческая команда должна дать своему полку все те сведения о неприятеле, которые ему необходимы и которые она только в состоянии собрать.

Вот как разграничиваются обязанности разных начальников по ведению разведки. Отсюда ясно следует, что работать по разведке должны все, начиная от начальника дивизии и штаба до последнего ротного разведчика включительно, и что никак нельзя ограничиваться тем, что взваливать эту тяжкую и ответственную работу на плечи только младших офицеров и солдат. Только тогда и будет смысл, толк и результат в раз-

ведческом деле и только тогда оно будет связано с прочими боевыми элементами.

Пользуясь пребыванием во всяких резервах, не исключая и полковых, прошу после некоторой передышки, наравне с другими занятиями, сейчас же деятельно приниматься и за подготовку разведчиков, ведя ее по строго обдуманным программам, практическим преимущественно путем и учитывая как вынесенный из прошлого боевой опыт, так и порядки, особенности и привычки неприятеля, с которым приходится иметь дело, исправляя в то же время свои слабые места и недочеты.

Командирам полков поручать непосредственное наблюдение за разведческим делом одному из самых способных, склонных и более старших офицеров полка, но отнюдь не выпускать из своих рук общего руководства как подготовкой разведчиков, так и боевым их употреблением.

Учебная подготовка разведчиков в краткие периоды отдыха имеет огромное значение и время это надо использовать вовсю.

Обращаю особое внимание на выработку приемов и привычек у разведчиков быстро знакомиться с необходимой местностью и всякими местными предметами, быстро и верно расценивать их в военном отношении, используя с выгодой для себя; все это имеет столь важное значение для разведчика, что последнему без этого прямо не обойтись и только тогда он и будет настоящим разведчиком. Поэтому ,собственно говоря, занятие разведкой и надо начинать именно с этого.

Прошу командиров полков непременно наладить в полках деятельность разведчиков, как следует, никогда не упускать ее из своего глаза, своевременно пополняя команды отборнейшими элементами из офицеров и солдат, всячески поощряя их и обставляя поистине почетное звание разведчика возможно выше и лучше во всех отношениях.

В необходимых случаях всегда обращаться ко мне запросто и с радостью буду помогать, чем только могу. Крайне интересуясь подготовкою разведчиков, я прошу сообщать в штаб дивизии о времени и месте занятий команд для доклада мне.

16/29 июля № 150.

В ночь с $\frac{15}{28}$ на $\frac{16}{29}$ июля ротные разведчики 15. роты 317. полка, в числе 7 человек, возвращаясь с разведки, были встречены австрийским патрулем, имевшим целью, как оказа-

лось впоследствии, захватить наших пленных. Патруль противника, как более сильный, предложил нашим разведчикам сдаться в плен, в ответ на что молодцы-разведчики открыли по неприятелю огонь, а затем бросились на него в штыки, при чем 2-х застрелили, 2-х захватили в плен, все прочие разбежались.

С удовольствием отмечаю это молодецкое дело, которое показывает, что в 317. полку разведчиков ведут по настоящему пути в духе смелости, находчивости и твердости.

Сердечно благодарю молодцов-разведчиков от лица службы. Немедленно представить к наградам.

17/30 июля № 151.

В работе разведчиков, за время с $\frac{4}{17}$—$\frac{17}{30}$ июля включительно, я не заметил особого совершенствования по сравнению с прежним; исключение составляет все более и более плодотворно работающая разведка 317. полка и отчасти 320. полка.

Разведка этого последнего попрежнему встречала неодолимые почти трудности, вследствие чрезвычайной близости от нас неприятельских позиций (150—300 шагов); тем не менее и в этом полку за истекший период все же было поймано несколько пленных, сделаны весьма точные определения подробностей неприятельских позиций и, вдобавок, разведчики вновь ухитрились стащить у неприятеля 37 мотков ценной колючей проволоки. Требовать большого при подобных условиях невозможно.

Разведку 318. и 319. полков, в которых не было сплошь таких затруднительных условий, как в 320. полку, нахожу недостаточно умелой, энергичной и продуктивной, на что и обращаю внимание командиров; прошу их, наконец, организовать разведку, как следует, приняв во внимание все мои указания.

Из замеченных ошибок отмечаю вновь неясную, неопределенную, а нередко и слишком широкую постановку задач, что крайне затрудняет разведчиков в их работе, делая ее мало продуктивной. Обращаю внимание и на недостаточность подготовки к разведке—вновь был случай, что приступили к разведке, не разузнав предварительно хорошенько бродов через Днестр.

Эти ошибки я замечаю почти исключительно в 318. и 319. полках; в 317. и 320. командиры полков, видимо, ставят задачи

гораздо более продуманно, ясно и определенно, почему и толку там гораздо больше, а потерь меньше.

Из хорошо выполненных разведок отмечаю следующие: разведки 317. полка 5, 7 и с 9 по 16 июля, т.-е. без малого почти все бывшие вообще; 320.—5 и 13 июля и казачьего—5 июля.

Время разведок все больше и больше разнообразится, особенно в 317. и 320. полках, где были и разведки дневные.

Пленные были пойманы за это время: 317. полком 4, 320. два и казаками 2, всего восемь человек. Кроме того, разведчиками взято у неприятеля: 317. полком 52 неприятельских винтовки, несколько десятков лопат, до 10.000 ружейных патронов и 7 ящиков с пулеметными лентами. Разведчики 320. полка взяли проволоку, о чем было сказано выше.

За этот период времени офицеры приняли гораздо большее участие в разведке. В ночь на $\frac{17}{30}$ июля в разведке убит подхор. Ц., смело выдвинувшийся вперед со своими разведчиками-казаками. Смело действовали они, но нехорошо, что допустили кинуться на себя внезапно втрое сильнейшего неприятеля.

За истекшее время ранено у нас 4 разведчика, из них один казак и убит подх. Ц. и тоже один казак.

На смелую, умелую и хорошо направляемую разведку 317. полка, дающую столь хорошие результаты, обращаю внимание всех полков дивизии, а командира этого полка и всех разведчиков искренне благодарю от лица службы.

Во всяком случае должен отметить, что во всех полках дивизии прилагается много трудов и желания поставить разведку возможно лучше. А раз это так, то в благом результате я нисколько не сомневаюсь.

Теперь, товарищи, мы идем на новые позиции, где, как я вполне уверен, наши разведчики сделают свое дело, как следует.

$\frac{\text{22 июля}}{\text{3 августа}}$ № 156.

Считаю своим долгом отметить отличную и смелую за последние дни работу разведчиков 319. полка оказавшую делу службы большие услуги: за время занятия нами новых позиций ими определены некоторые нужные для нас подробности неприятельского боевого расположения и поймано 23 пленных; благодаря последнему, теперь уже с полною точностью можно

установить те неприятельские части, которые находятся против этого участка нашей позиции.

Особенно отмечают пред лицом всей дивизии отважные и ловкие разведки, произведенные 21/3 и 22/4 июля под начальством подпр. Р. [1])

Произведены они были так:

а) Из донесения старшего одной из мелких разведческих партий нам стало известно, что противник занимается устройством каких-то новых укреплений против одного из боевых участков 319. полка.

Тогда, с целью удостовериться, в чем именно дело, начальник команды разведчиков этого полка, подпр. Р. направился в 11 часов дня с 6 разведчиками в сторону неприятеля.

В 1.800 шагах от наших окопов разведчики встретили неприятельский караул из 7 человек, который открыл по ним огонь.

Но разведчики, несмотря на это, не оставили свое дело так (а это прежде нередко случалось): ловко воспользовавшись кукурузною зарослью, они незаметно отрезали неприятелю путь отхода и бросившись на него захватили 4 человек в плен, одного подстрелили, а остальные убежали.

Не ограничиваясь и этим, — разведчики продолжали свою работу и выполнили порученную им задачу до конца: они приблизились к неприятелю и обнаружили, что в одном месте он исправляет свои старые окопы и роет новые; эти последние, вырытые много впереди главных укреплений, оказались угрожающими для нас, так как из них можно было бы удобно обстреливать подступы к одному из боевых участков полка.

В этой работе все было сделано просто и хорошо:

Была и соответствующая подготовка, а именно — предварительная разведка одной из партий, проявлена большая смелость, находчивость и использование местного предмета (кукуруза), позволившего скрыться в нем от встреченного неприятеля и затем внезапно на него броситься; составленный быстро план действий был прост, верен и сообразован с обстановкой, а открытый неприятелем при встрече огонь не заставил разведчиков прекратить работу; при атаке неприятеля была проявлена смелость и лихость, которыми, однако, работа опять-таки не была закончена; наконец, последующая за этим разведка

---

[1]) Между прочим, бывший шоффер одного из крупных штабов, пошедший в разведчики по собственной охоте, слыша о хорошей постановке разведки в нашей дивизии.

выяснила то, что было нужно, и принесла полку своему верные и полезные для дела сведения.

В результате всего этого — полный успех, захват 4 пленных и отсутствие у нас потерь.

б) Во время этой же разведки тем же подпр. Р. было замечено, что противник построил небольшой окоп против участка правофланговой роты 319. полка.

$\frac{22}{4}$ июля, в 2 часа дня, Р. с партией в 35 разведчиков отправился к этому окопу, с целью более тщательного осмотра его и для нового захвата пленных.

Для этого партию свою он разбил на три группы, из коих две, более сильные, направил с флангов, а с третьей пошел сам прямо на окоп.

Впереди окопа был обнаружен пост неприятеля из 5 человек, к которым разведчики, шедшие с фронта, скрытно подошли на 20 шагов; дав залп, разведчики одного убили, а остальные, пользуясь кустарником, убежали.

Выждав подхода обходящих групп, Р. вновь пошел на окоп, в котором и обнаружил неприятельскую заставу человек до 40; обстреленная нашими разведчиками с флангов, застава эта, понеся потери, бежала, оставив на месте все свое снаряжение, семь ручных гранад и много патронов.

Уничтожив бывшие тут проволочныя заграждение, разведчики наши, выслав разведку в сторону, вскоре обнаружили другую заставу также силою в 30—40 человек, на которую тотчас же внезапно и напали. Произошла схватка, после которой неприятель бежал, потеряв 12 убитыми и несколько ранеными; девять человек было захвачено в плен. Наши разведчики потеряли 1 убитым и 1 раненым, которых вынесли из боя.

Заметив, наконец, нападения наших разведчиков, зарвавшихся несколько вперед, неприятель двинул на них сильные подкрепления, но зорко следившая за действиями нашей разведки 4 батарея кап. С. (так было условлено заранее) внезапно и чрезвычайно быстро открыла меткий шрапнельный огонь, который не дозволил неприятелю напасть на наших разведчиков, дал им возможность отойти благополучно, увести пленных и вынести трофеи и своих павших.

Одновременно с этой работой особо выделенной Р— группой в 10 разведчиков было перерезано сплошь все проволочное передовое заграждение неприятеля до самого Днестра, разрушено несколько козел, опутанных проволокой, а 5 таких козел захвачено и принесено в наши окопы.

И в этих действиях разведчиков 319. полка я вижу подготовку, смелость, верный расчет и доведение дела до конца. И единственно могу сказать только — слишком много стрельбы, без которой, видимо, можно было обойтись.

Молодцам подпр. Р. и всем разведчикам за отлично-смелые, с толком и большою пользою для службы произведенные разведки, об'являю мою сердечную благодарность. Немедленно представить его и всех отличившихся к наградам.

Благодарю и кап. С. с его молодцами-артиллеристами за зоркое добросовестное наблюдение, за истинное боевое товарищество, за связь по существу.

Надеюсь, что от 319. полка не отстанут и разведчики 317. Разведчикам 318. полка труднее, но помнится, что на прежней позиции впереди д. Коропца, разведчики 317. полка с успехом ходили за Днестр и приводили пленных и оттуда.

$\frac{\text{26 июля}}{\text{7 августа}}$ № 160.

Разведкою в ночь с 24 на 25 июля молодцы — Ч-ы (318. полк) показали, что и у них разведческое дело стало на вполне прочную ногу.

Разведка эта в высшей степени поучительна в смысле большой отваги, инициативы, скрытности, доведения дела до конца при самых затруднительных условиях.

Поэтому я считаю нужным особо отметить ее перед лицом всей дивизии.

Обстановка местности такова: наши позиции по-левому берегу р. Днестра, захватывая д. Возилув и несколько восточнее; неприятельские на противоположном берегу этой реки, по обе стороны д. Пиотрув, сильно укрепленные, имеющие проволочные заграждения по самому берегу, который чрезвычайно круто обрывается в Днестр. Между обеими позициями несколько вздувшаяся река; бродов на ней в этом месте нет.

Разведчики, в числе 14 человек с прапор. П., получили задачу — ночью снять полевые караулы неприятеля, находящиеся на той стороне реки, местонахождение же последних было предварительно высмотрено.

Переправа на лодке против д. Пиотрув была произведена в 2 приема и прошла необнаруженной. Оставив у лодки 3 человек, разведчики двинулись под крутым берегом вверх по реке, что тоже выполнили незаметно для неприятеля.

Во обеспечение исполнения задачи, на нашей стороне реки были усилены полевые караулы 2 рот, а против места расположения предполагавшихся к снятию неприятельских караулов был выставлен взвод разведчиков.

Под'ем воды в Днестре не дал возможности разведчикам подойти к неприятельским караулам, так как она подступила к самому крутому обрыву берега.

Однако прапор. И. все же не прекратил разведки (что последнее время, вновь повторяю, бывало нередко, особенно тогда, когда чего-либо не предусмотрели или встречалось непредвиденное припятствие). Пр. И. решил поймать пленных в самих австрийских окопах, выполнив, таким образом, задачу, данную разведке в ночь с 22 на 23 и не осуществленную.

Спустившись по течению Днестра шагов 400, с неимоверной трудностью, цепляясь друг за друга, взобрались разведчики по склону крутизны до 50 градусов на гору и очутились в интервале между окопами австрийцев.

Повалив тут проволочные заграждения, разведчики двинулис в обратную сторону вдоль окопов и наткнулись на землянки (как оказалось, занятые пулеметчиками). В полной тишине подошли они к ним, чтобы броситься на неприятеля, застав его врасплох; но случайно разорвавшаяся в руке пр. И. ручная бомбочка вызвыла тревогу. Тем не менее разведчики не потерялись и не ушли назад: не давая неприятелю опомниться, они бросились на него, захватили в плен одного кадета и 10 солдат, ловко и быстро сволокли их по крутому обрыву к реке и в два приема переправились на лодке на свой берег, несмотря на сильный пулеметный и ружейный огонь неприятеля по лодке и нашему берегу.

Из наших был легко ранен сам пр. И. (бомбочкой) и еще один разведчик; из пленных один был убит. Шесть наших разведчиков не успели переправиться и остались под крутым берегом невидимые неприятелю, а видимые для наших со своего берега, [1]) которым и был отдан приказ поддержать оставшихся огнем караулов и особо метких стрелков. Из этих разведчиков—трое возвратились вплавь уже днем, а остальные с наступлением темноты.

Здесь все поучительно: и известная подготовка (предшествовавшие разведки и наблюдение, некоторое знание расположения неприятеля), большая скрытность движения и действий, известные меры к обезпечению успеха (охрана лодки, усиление

[1]) Уже светало.

своих караулов и разведчиков на нашей стороне и оповещение их в сути дела), инициатива пр. И. и его настойчивость и твердость в непременном доведении дела до конца, ловкость (взобрались незаметно по большой крутизне, захватили из-под носа неприятеля пленных и сволокли их, не выпустив при самых трудных условиях, доставив их в полк), наконец,—лихость и доблесть действий.

В результате, как это почти и всегда и бывает, полный успех и самые незначительные потери у нас.

Разорвавшаяся случайно бомбочка могла во многом испортить дело; надо быть с этим осторожнее и во всяком случае осматривать их перед самой разведкой.

Лихо и почти без потерь выполненное дело принесло и существенную пользу, так как позволило точно ориентироваться в силе и расположении неприятеля против полка на позициях в районе д. Пиотрува; взяв же в плен 10 пулеметчиков, мы лишили неприятеля прислуги на 3 пулемета.

От лица службы глубоко благодарю молодчика пр. И. и всех молодцев-разведчиков за отважно выполненную с толком и пользой для дела разведку. Немедленно войти с представлением о награждении этого офицера и прочих участников этой, поистине, молодецкой разведки [1]).

Приказы 55 пех. дивизии.

6/19 Ноября 1915 г. № 263.

Пользуясь наступившими лунными ночами, теперь же приступить к обучению ночным действиям, избирая для того, в особенности сначала, более благоприятную погоду и заранее известную местность. По приобретении необходимых навыков, переходить постепенно к полной темноте и новой неизвестной местности, а равно учиться распределять ночную работу, относя часть ея (например, все предварительные передвижения) к темноте, а остальную (самый бой)—к рассвету.

Начинать всегда с офицеров, которых предварительно собирать в полках или по-батальонно и толковать с ними о ночных действиях, о характере и приемах обучения. Необходимые знания, по крайней мере, теоретические, без сомнения есть у большинства офицеров, но этого еще мало: всякое знание в боевом обиходе важно и ценно настолько, поскольку оно

[1]) За этот подвиг пр. И. был награжден орденом Георг. 4 ст.

выражается в умении, и это особенно верно по отношению к ночным действиям; конечно, все привычки и сноровки вырабатываются только путем опыта, но нужно выполнить все необходимое, продумать все, что нужно и стремиться всегда сообразоваться с ночной обстановкой, приобретая попутно полезные навыки. Все сказанное особенно важно у нас, так как в дивизии почти нет старых офицеров и, наоборот, очень много молодых, только что прибывших офицеров [1]).

Обучение лучше всего начинать с частей не более взводов, обязательно давая каждый раз необходимые указания о том, что именно предполагается пройти, чем отличаются те или другие ночные действия от соответствующих дневных, какие выгоды и невыгоды первых по сравнению с последними, и что надо делать, чтобы в ночной обстановке уменьшать невыгоды и использовать положительные стороны с наибольшим успехом.

Сначала, до приобретения необходимых познаний и умения, действовать по непосредственным указаниям руководителей; к действиям же более свободным, двухсторонняго маневреннаго характера, переходить в самом конце обучения.

Програму каждого занятия тщательно обдумывать и вырабатывать непременно заранее; точно так же заблаговременно нужно изучать и местность. Если все это важно вообще при ведении всяких занятий, то в ночных упражнениях такая подготовка—большая часть успеха.

Обучение, как всегда, вести по приемам: прежде всего необходимо приучить свой глаз к темноте и постепенному переходу к ней от света, к изменению всего облика окружающей местности, очертаний разных местных предметов, величины и формы различных строев и приучить определять приблизительно разстояние до них по видимости и по слуху. Для этого вначале выводить на учения еще засветло и, кроме того, первые занятия производить непременно на местности заранее известной. Тут учить запоминать, на что нужно сосредотачивать внимание и зрение, всматриваться, наблюдать в темноте, различать всякие звуки, шорох и т. п.

Затем, как пользоваться темнотой в различных видах боевой обстановки (охранение, поход, бой) с выгодою для себя, избегая ея невыгодных сторон, какие именно меры принимать и т. п. Тут важно, следовательно, показать и проделать употребление различных соответствующих строев, охранительных и разведческих мер, как ходить в темноте и пользоваться мест-

[1]) Дивизия эта также была второочередная; кадров вообще и, особенно офицерских, почти не было.

ностью, как вести разведку, держать направление, связь, т. п. Тут же пояснять значение простоты всякой задачи ночью,— скрытности, осторожности и внезапности в действиях, а равно значения огня.

В результате все части должны быть обучены: тихо и осторожно двигаться ночью, не сбиваясь с пути и не теряя направления, разведывать на близкие разстояния, бесшумно, скрытно и внезапно подходить к неприятелю, уметь вести ночной бой (особенно важно всегда стремиться охватить противника с флангов и тыла) и соответственно охраняться во всех случаях боевой службы ночью, вместе с тем никогда не упуская связи и самого тщательного наблюдения за своими собственными флангами и тылом; наконец, все должны быть обучены подаче необходимых сигналов и каких-либо условленных заранее знаков, практичных и применимых в ночной обстановке.

Обучение ночным действиям команд учебных и разведчиков вести по более широким программам, придерживаясь моих общих указаний, данных ранее, а равно изложенных здесь. В особенности важно, чтобы будущие унтер-офицеры умели бы справляться с ночной обстановкой, твердо держать свои части в руках, не давая им разбредаться и теряться, не упускать данного направления и всячески поддерживать связь.

При обучении разведчиков особенное значение имеет практика в ориентировке ночью, в беспромашном выходе в намеченные районы и пункты, в розыске необходимых путей, в скрытом подходе к неприятелю, в окружении и захвате его небольших частей, в поимке пленных, в умении наблюдать, вслушиваться, определять близость, примерные силы и роды оружия неприятеля.

Гранатчикам практиковаться в скрытом подходе к неприятельскому сторожевому охранению и к боевым окопам, учиться забрасывать ручные гранаты, особенно практикуясь в положении с колена и лежа.

О значении и выборе подходящих проводников я уже не раз говорил; надо практиковаться с ними и в нашей теперешней обстановке.

Необходимо заранее строго разграничивать в частях места для ночных занятий, чтобы избежать помехи друг другу или разных недоразумений и несчастий в темноте. При одновременных занятиях в соседних полках необходимые районы местности разграничивать взаимными соглашениями последних; при необходимости дело это должен регулировать штаб дивизии.

Командирам частей дать от себя на основании всего этого необходимые более подробные указания.

14/17 ноября № 270.

§ 1.

Весьма, может-быть, что в будущем нам придется действовать в местности, покрытой значительными лесами. Надо практиковаться в этом заранее, пользуясь нашим теперешним положением.

В районе расположения дивизии есть леса и рощи, которыми прошу пользоваться для соответствующей подготовки. Действия в закрытых пространствах много труднее вообще, и мы к ним мало привычны, а между тем многое из того, в чем мы слабы, приобретает там очень большое и часто решающее значение—ориентирование, выдержка вернаго направления, управление войсками вообще, меры связи, наблюдение за флангами и тылом и действия в этом, направлении и т. п. С другой стороны, есть, как известно, и большие выгоды.

Прошу не упускать и этого важного отдела обучения, для выполнения чего и собирать в частях первоначально офицеров, напоминать им о наиболее важном и характерном в лесных действиях и об отличии их от действий на более открытых пространствах, наконец, дать необходимые указания на этот счет, наблюдая за настойчивым и систематическим проведением их в жизнь.

Напоминаю о чрезвычайной важности следующего. Ориентирование—надо ему непременно учиться и практиковаться, по крайней, мере всем офицерам, унтер-офицерам и разведчикам; завести компасы, там где их недостаточно. Выдержка верного направления в лесу. Учиться проходить лес не только в походном, но и в боевых строях, непременно добиваясь точного выхода на указанный участок опушки. Твердое верное управление войсками, необходимые меры связи и охраны приобретают тут особое значение. В лесах нужно особенно крепко держать свои части в руках, прочно связываться друг с другом, двигаться и располагаться под прикрытием высланной во все стороны на небольшие расстояния охраны. Значение разведки и охранительных мер. Разведка обязана предварительно обрыскать и осмотреть, а если нужно, то и занять все те места, которые важны для нас (фланги, овраги, поляны, боковые дороги, ближайшие опушки и т. п.). Отметить значение позиций

в лесу и их обычный характер (небольшой обыкновенно обстрел, удобство подступов к флангам и т. п.). Опушками лесов пользоваться осторожно, так как оне часто бывают заранее пристреляны неприятельской артиллерией; это особенно касается опушек резко видимых и наблюдаемых со стороны неприятеля. Движение по лесу всегда должно быть очень тихое и осторожное; отнюдь не допускать громкаго разговора и гомона, так как в лесу они отдаются гулким эхом, почему пропадает всякая скрытность движения.

Всегда помнить, что если действия в лесах трудны, то, с другой стороны, при умении ими пользоваться, леса дают много выгод—скрытность передвижений, уменьшение потерь, затруднительность для неприятеля определить наши силы, внезапность и т. д. Следовательно, тот, кто умеет в лесах ходить быстро и скрытно, появляться внезапно на фланге и в тылу, умело используя выгодную сторону леса, тот и возьмет верх.

Обучая лесным действиям, никогда не следует задаваться сначала большими и трудными задачами, а начинать с самых малых и более легких; кроме того, как всегда и во всем, обучение вести систематично и по приемам. Сначала лучше всего практиковаться не в больших лесах, а в пространствах, покрытых кустарником, затем на перелесках, небольших рощах и тогда уже переходить к настоящим лесам.

§ 2.

В настоящее время выпал снег и весьма вероятно, что нам придется действовать в обстановке зимнего времени. Следовательно, нужно готовиться и в этом направлении.

Особенно отмечаю значение следующего: дорог, степени проходимости местности без дорог, особенно глубоких оврагов, занесенных снегами, проходимость замерзших рек, болот и пр.; разреженность небольших лесов и рощ и вообще всяких насаждений, вследствие потери листвы деревьями; трудность скрыть движение войск по снегу, особенности охранения войск зимой и ведения разведки, затруднительность обходов и охватов вследствие того, что пройти можно не везде, а в некоторых случаях, пользуясь только дорогами или тропами. Как выводы из всего сказанного—особое значение малейших подступов к неприятелю, тщательная заблаговременная их разведка, значение искусственных прикрытий зимою, еще большая необходимость, чем в другое время года, скрывать свои движения

и настоятельное требование всегда сообразовать свои действия с состоянием погоды, снежного покрова и льда.

На занятиях учить войска непременно возведению окопов из снега и маскировке их; уметь пользоваться местными предметами, по возможности, не выдавая своих движений и определять расстояния по снегу.

Разведчики должны быть обучены ходьбе на лыжах; кроме того, желательно, чтобы в каждой роте было бы этому обучено хоть некоторое небольшое число людей. Лыжи должны скоро прибыть, будем учиться ходьбе посредством них.

§ 3.

Все сказанное выше о действиях лесных, ночных и зимних в особенности касается разведческих команд и вообще всяких разведчиков, которым нередко придется быть единственными проводниками в такой обстановке (это, разумеется, не избавляет от необходимости иметь специальных проводников из местных жителей; если они нужны при действиях дневных, то зимою, в лесах и ночью без них нельзя совсем обойтись).

Для маскировки действий разведчиков зимой, в полках теперь же завести белые коленкоровые балахоны для одевания поверх шинелей; такие же балахоны желательно иметь и остальным разведчикам в необходимой мере (ротным, артиллерийским и другим).

14/27 января 1916 г. № 312.

На-днях нам предстоит заступать на боевую службу. Все распоряжения для этого сделаны.

Прошу всех чинов дивизии при несении разного рода боевой службы всегда неизменно выполнять следующее:

(Тут следует перечень различных указаний, не относящихся к разведке, а к другим отраслям боевой службы) . . . .
. . . .

Разведке сразу же взять в своей работе смелый наступательный тон и никогда не опускать его, отнюдь не дозволяя неприятельской разведке выполнять свои обязанности и в особенности вести наступательную разведку.

В полках должна быть поставлена деятельная и правильная разведка с целесообразно продуманным каждый раз заданием и возможно тщательной подготовкой ей; такая разведка, помимо достижения непосредственной цели, усиливает и вместе

с тем облегчает работу сторожевого охранения и, совместно с последним, надежно обеспечивает покой и безопасность своих войск. Перед нами будет река и, следовательно, в высшей степени важно сразу же хорошенько ознакомиться с ней и с прилегающими местами, разузнать удобные пункты переправ, броды, завести лодки, плоты, легкие мостики, канаты и т. п., выпросить, что нужно, у местных жителей и проч. Предстоящие нам места—заливные, что сказывается даже во время оттепели и это надо иметь в виду.

Кроме полковой разведки, должна работать и ротная на основании тех указаний, которые мною даны раньше; нельзя взваливать всего на одну полковую разведку, и ротная разведка и сторожевое охранение должны наилучшим образом выполнять свое дело. Все мои указания по разведке вновь прочесть и продумать.

23 января / 4 февраля № 316.

Выяснившийся в общих чертах характер неприятельского боевого расположения против нас, весьма выгодная для него в большинстве случаев местность и сильно укрепленная позиция с отличным обстрелом долины р. Серваечь, равно значительная ширина этой открытой долины, в связи с трудной проходимостью ее, при условии, что немцы почти вовсе не ведут разведки,—все это представляет собою крайне неблагоприятные данные для ведения нашей разведки в сфере непосредственного боевого и сторожевого расположения неприятеля.

Поэтому первоначальные действия разведчиков должны производиться особенно осторожно, вдумчиво и систематично.

На основании выяснившийся обстановки, полковой разведке 220. полка прежде всего обратить свое внимание и сосредоточить работу преимущественно в районе впереди своего правого фланга. (Следует перечень деревень и разных местных предметов).

Полковой же разведке 219. полка вести первоначально свою работу преимущественно в районе впереди своего левого фланга до стыка с частями 67. дивизии, а именно—(следует такой же перечень названий).

В этих районах необходимо развить постепенно активную разведку.

Впереди всего остального фронта дивизии должна преимущественно работать ротная разведка в районе, не удаляясь за

пределы левого берега р. Сервечь; работа полковой разведки здесь будет иметь место только в случаях надобности, преимущественно прибегая к ней время от времени. Вообще характер разведки должен сначала носить охранительный только, а с течением времени и в мере надобности принимать активный характер.

Действия полковой разведки в наиболее важных районах, указанных каждому полку, производить на основании строго продуманных общих планов, в которых указывать конечные цели разведческих работ и постепенность их выполнения, а также поставляемых каждый раз разведке частных задач. Только тогда будет возможна систематическая и наиболее плодотворная разведка, которая даст то, что нужно. Результаты разведок тщательно подбирать, чтобы всегда можно было их использовать, а равно—передать другим частям, заместителям и проч. И в этом отношении, как и всегда,—связь, система и преемственность.

В первую голову разведческих работ следует поставить подробное ознакомление вообще с местностью, отделяющей нас от неприятеля и с подступами к нему с нашей стороны и от него к нам; какое укрытие могут представить собою кустарники, складки и обрывчики берегов рек, ложбины, ямы и т. д. Чего нельзя сделать непосредственно сейчас, делать потом и во всяком случае собирать сведения путем распросов (о половодьи, разливах и проч.). После всего этого и, отчасти, одновременно начать определение сторожевого охранения неприятеля, а равно его разведческих мер.

Теперь же приступить к сбору лодок, к постройке их, а также плотов и мостов, досок для устройства переходов по трудным местам и ненадежному льду, веревок и т. п., вообще всего того, что может пригодится.

Никогда не упускать осведомлять свои боевые и охранительные части о задачах, которые ставятся разведке, и указывая примерные районы, где разведка будет работать; то же самое следует делать и по отношению соседей, безразлично принадлежат ли они к частям своей дивизии или к чужим. Вообще всячески избегать возможных недоразумений и несчастных случаев и, наоборот, всячески налаживать связь в работе разведчиков с работою боевых и охранительных частей.

Результатами наиболее важных разведок полкам обмениваться друг с другом и со всеми ближайшими соседями, особенно в тех случаях, когда это может быть важно для них. Хорошо, если начальники полковых разведческих команд и

лично познакомяться с командами своих соседей, с их работою и проч. и установят таким образом, независимо от общей связи, как бы свою особую, так сказать, „разведческую" связь.

Соседней разведке всегда оказывать, раз это только возможно, самое полное содействие; весьма важно сговариваться заранее и о совместных действиях.

Во всем остальном руководствоваться данными ранее моими указаниями, боевой обстановкой, общими задачами, пред'являемыми разведке и собственным здравым смыслом, не стесняя разведчиков в мелочах исполнения и всячески поощряя инициативу и смелость в их действиях. В этом последнем отношении полки всегда найдут во мне самую горячую поддержку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Из всего сказанного здесь о разведке следует:

а) Решающее значение в успехе разведки, как и всякой другой отрасли боевого дела, имеет общий уклад жизни и службы той отдельной части, к составу которой принадлежат разведчики и, в частности истекающий отсюда таковой же склад жизненной и служебной обстановки самих разведчиков. Удачная постановка разведки в полках 80. пех. дивизии не могла быть, конечно, только счастливой случайностью, а обусловливалась прежде всего именно этим общим, весьма благоприятным складом жизни и службы этой дивизии, а затем уже всем остальным; на этой основной почве расцветала не только разведка, но и все прочее.

б) В боевом обиходе на первом месте везде и всюду стоит человек и его природные душевные свойства, соответственным образом развитые, направленныя и примененные к делу. Нигде, кажется, ни в какой другой отрасли боевого дела не сказывается это с такой силой и яркостью, как в разведке. Отсюда необыкновенная важность правильного подбора наиболее подходящих для этого, т.-е. наиболее способных и склонных к нему, людей, в особенности же непосредственных руководителей и начальников.

в) Затем, результат разведческой работы зависит и от соответственной предварительной организации, внутренней связи между начальником и подчиненным, взаимного доверия и правильного товарищества.

г) Наконец, окончательную печать в этом отношении накладывает соответственная боевая подготовка разведчиков,

учебная и нравственная, умелое руководство делом, внимание и интерес к нему, как со стороны ближайших начальников, так и более старших руководителей.

В общем: если люди подобраны неумело, или не внимательно, если начальник разведческой команды и его помощники не отвечают своему назначению, или мало интересуются делом, если страдает организационная сторона и чисто техническое умение, если начальство только и знает, что требует от разведки пленных, не считаясь ни с чем, но не ведет дела и не учит по существу, то, очевидно, что и общие результаты разведки не могут быть хорошими. Каждому разведчику в этом случае будет ясно, что сверху дела не понимают, не интересуются, как им самим, так и этим делом; станет очевидным, что его, малоподготовленного и без должного руководства, с легким сердцем выпускают на тяжкую, опасную и ответственную работу, и что, наконец, все это сильно отражается на его же собственной шкуре, которой никто не хочет принять в расчет, и к которой никто не хочет прилить своего сердца. Как же можно ожидать благих результатов при таких условиях и не ясно ли, что каждый разведчик, офицер и тем более солдат отнесутся к делу с таким же невниманием и формальностью? В результате же, разумеется, будет страдать только само дело, да напрасные кровавые жертвы отметят яркий след неумения и недобросовестности.

При подобных условиях, если успех и будет выпадать иногда на долю такой разведки, то это будет не более, как редкая, счастливая случайность. И что же тут мудреного, что при такой постановке разведке число желающих служить в разведчиках, очевидно, не может быть большим и несомненно будет уменьшаться? Назначение же в разведчики по счету— делу не поможет.

И наоборот: когда во главе разведки стоит подходящий начальник, знающий и любящий, как это дело, так и своих разведчиков, когда боевая подготовка последних ведется во всех отношениях умело, добросовестно и внимательно, когда разведческие задачи ставятся определенно, продуманно и ясно, когда начальник и подчиненные связаны друг с другом крепкою внутреннею связью, тогда в результате является прежде всего взаимное доверие, этот основной громадной рычаг всякого дела и тогда успех последняго будет наверное обеспечен.

Тогда каждому разведчику станет ясно, что им руководят умело и любовно, что к нему прилито сердце и внимание начальника, что тяжкий труд его будет заметен и оценен, что

на убой его не поведут, а, наоборот, сделают все, чтобы обеспечить успех и уменьшить потери. Тогда и прилив желающих итти в разведчики, несмотря на большую, чем где бы то ни было опасность и риск, на большее беспокойство, будет расти все более. Тогда дело станет постепенно на прочную ногу, явится общий интерес к нему и народится особый смелый дух; последний же, при соответствующей постановке всей жизни и службы разведчиков и при умелом руководстве, будет иметь все шансы дойти до больших проявлений своеобразной красоты, смелости и дерзости. Тогда, наконец, заключим мы, одновременно с ростом успеха, будут заметно падать и потери в разведчиках.

В приводимых приказах найдется достаточно характерных примеров, наглядно иллюстрирующих справедливость сказанного.

Д. Парский.

Дневник Штукатурова.

(Окончание).

14 сентября. Часа в три ночи нас сменили и отвели в деревушку, разместили в сараях. Вскипятили чай. Сегодня ночью сломал лопатку.

Утром была обедня. Знакомые звуки песнопения „Кресту Твоему поклоняемся Владыко“, сладко забирались в душу и хотелось слушать без конца. Пошел дождь.

Вечером нас повели на поддержку одному полку, но в темноте долго водили, а потом разместили в сараях, но так тесно, что сесть было негде. Аммуницию не снимали.

В 12 часов ночи нас вывели из сарая и повели к штабу полка, но в темноте и по грязи трудно было найти дорогу. Наконец, привели в деревушку, из которой вышли три дня тому назад. Здесь разместили в сараях, и я в темноте лег на хворост около тына и уснул. Утром вскипятили чай и я с'ел порцию. Часов в 9 перешли в окопы и разместились в своих землянках.

День был солнечный. Чистили одежду от грязи и насекомых. Сегодня представленные к наградам ходили к батальонному командиру. Представленными оказались взводные, отделенные и мало стрелков. Несколько человек получили письма, а мне нет.

Ночь провели в землянках. Пошел было дождь, но утром день разгулялся, и нас повели на занятия. Противник начал обстреливать артиллерией и занятия были приостановлены. Присутствовал на них новый батальонный командир, подполковник с Георгиевским крестом. С учения возвращались поодиночке, что бы не обстреляла артиллерия. Пообедав, починил сумку. Меня назначили дежурным.

Вечером пошли в наступление. Хотя ротный командир и сказал, что идут в наступление все корпуса, но, повидимому, оно носило частичный характер. Спустившись под горку, мы

залегли на поляне, ожидая дальнейших приказаний. Открылась сильная ружейная и артиллерийская стрельба. Наши полки пошли в наступление и, кажется, удачно. Нашему полку подвезли обед и я немного достал водички. Однако скоро нас воротили обратно в окопы, где мне пришлось дежурить до 1 часу ночи. По всему фронту трещали пулеметы и шло в тыл много раненых.

17 сентября. Уснул немного. Утром сходил за водой и вскипятил чай. Сильно торопился, опасаясь, что роту возьмут на позицию. После чая уснул немного снова. Перед вечером приказали приготовиться сменить полк, стоявший в окопах. Вечером пошли сменять, противник пустил несколько снарядов, но никого не задел. Окопы, которые мы заняли, были недокончены, а потому нам было приказано удлинять и уширять их. Вскоре прекратили работу, так как нас перевели на другую позицию одного из Сибирских полков, долго шли лесом. Когда пришли на опушку леса, уже начинало светать.

Здесь остановились на привал и немного отдохнули, причем я даже успел заснуть. Нас подняли, повели опять вправо лесом и стали размещать по одиночке в окопах. Позиция на первый взгляд показалась очень странной, но потом осмотрелись, и нашли, что она недурна. [1]) Начали углублять и соединять одиночные окопы. Несколько раз сварили чай. Проходил батальонный командир. Сегодня принесли много писем и я был вполне уверен, что и мне есть письмо, но ошибся: многим было, мне не было. Вечером был послан в секрет; в лесу стоять было темно, но противник нас не беспокоил.

19 сентября. Часа в два ночи нас сменили в секрете и мы побрели в окопы, но остальную часть ночи спать не удалось. Перед обедом нам сказали, что нашей роте придется перемениться местом с другой ротой нашего полка. Уходить было неприятно, так как здесь свободно. Получили по одной смене теплого белья. После обеда перешли на новое место. Наш взвод придали к 8-й роте и заставили рыть ход сообщения и землянку для полуротного командира. До вечера копали, а потом дали ужин и перевели в окоп, где приказали разравнивать, углублять и маскировать позицию. Завтра Воскресение Христово, вспоминается минувшее время, маленькая церковь, огни свеч и как бывало стоял в храме Божьем.

---

[1]) Позиция перерезывала очень густой лес. Позиции в лесу сначала сильно резали глаза начальства и солдат, опасались отсутствия обстрела, но когда на них обживались, являлись наиболее любимыми войсками. (Прим. ред.)

Всю эту ночь проработали окопы. Утром с'ел порцию и уснул. Пробуждение было не из приятных, по окопам ходил батальонный командир и их осматривал. Он остался недоволен нашей работой. Ночью приказал рыть новые, а эти после обеда исправить. Итак труды наши пропали даром. Получили некоторые стрелки письма, а мне нет и нет. Досадно, но ничего не поделаешь.

После обеда противник обстрелял наши окопы, при этом один снаряд упал в козырек нашего окопа: одного ранил и двух контузил. Вечером пошли рыть новые окопы. Трудно было работать маленькими лопатками, но пришлось сделать урочную работу.

21 сентября. Всю ночь поработали, а утром вскипятили чай, я попил, с'ел порцию и уснул. Дали обед. Вечером пошли делать козырьки и проработали всю ночь. Ночью мне сказали, что мне есть письмо, сему я несказано обрадовался.

Утром вскипятил чай, а потом перешли в новые окопы, где я уснул. Жена, от которой я получил письмо, пишет, что наступила у них осень с холодом и дождями. Немцы уже близко и вся деревня собирается уходить. Все это очень печально. Ночью пришлось рыть ход сообщения и углублять окопы, но вскоре сказали, что нас сменит полк другой дивизии. Мы работу прекратили и уснули. Когда нас сменили, идти было очень темно. На опушке леса нас положили и мы дождались рассвета. Сегодня получил жалование 90 коп., на табак 86 коп. и 1 р. 50 к. за медаль.

23 сентября. Утром нас отвели назад в лес, где нас об'езжал командир корпуса, который сказал, что скоро мы пойдем вперед, и советовал настойчивей идти в атаку, чтобы меньше нести потерь. Весь этот день пробыли в лесу. Вечером полк ушел на позицию, а наша рота осталась в лесу на месте. Ночью озябли ноги, немного погрел их около огня.

Утром стреляла артиллерия, как наша, так и немецкая. Иногда слышались ружейные выстрелы. Взводный подарил мне сегодня газету: „Новое Время", в которой сообщалось, что наши войска под Луцком одержали победу. Около обеда наша рота перешла в деревню, где напились чаю.

25 Сентября. Ночь проспали в сарае, где провели и день. Вечером рота мылась в бане. Воду нагрели камнями. Часов в 10 пришли другие роты нашего полка и нам пришлось перейти в один сарай вместе с другой ротой.

Разбудили в 4 часа ночи, мы вскипятили чай, в 6 часов тронулись в путь и в 12 пришли в деревню. Здесь дали обед и поместили 2 взвода в сарае, а остальные—около сарая.

27 сентября. Ночь провели в сарае, утром вскипятили чай, а в 10 часов было богослужение, в 12 часов—обед. С большим удовольствием отстоял богослужение.

Сегодня подстриг бороду. Вечером была общая поверка.

28 сентября. Встал в 5 часов и вскипятил чай. В восемь мы пошли на учение. Занятие происходило: стойка и рассыпной строй. Сегодня опять выбирали людей к наградам. Вчера были представлены три человека из роты и как всегда получили — писаря и вообще присные различного начальства и были обойдены такие люди, которые провели более года в строю и были во всех сражениях полка.

Много эти награды сеют озлобления и огорчения.

После обеда была чистка винтовок при полной разборке. Сегодня ходил за медалью 3-й степени в канцелярию полка, где и получил ее за №.... Вечером была поверка с музыкой.

29 сентября. Утром вскипятили чай, а потом пошли на занятия, которые были все те-же, что и вчера, но с добавлением прыжков и бега. После обеда опять было занятие и кроме рассыпного строя прыгали через ямы. Пришло добавление.

Вечером обедали без хлеба. Утром пили чай и пошли на занятия, но вскоре пришло еще добавление и нас отвели назад, приказав протереть винтовки, и дали обед.

Получил письмо от брата Ивана. После обеда была стрельба. Я попал три раза из трех. Назначили отделенным.

1 октября. Утром сварили картофель и поели. В 10 часов пошли к обеднице, после которой дали обед и приказали быть готовыми. В два часа выступили в деревню Кучуки в направлении к позиции. Написал письмо брату Ивану Андреевичу. Итти хотя было и недалеко, но вчера, прыгая, отбили ноги, и потому больно было итти. Вечером пришли в деревню и поместились в сарае. Дали ужин.

Разбудили в 5 часов и тронулись в путь. Пройдя версты две, остановились в деревне около речки. Здесь нам, кажется, в первый раз об'яснили, что будет делаться на фронте. Наша армия будет наступать и мы составляем армейский резерв. Сварили картошки. После обеда нас повели в деревушку и поместили по сараям. Перед вечером было занятие — отдание чести.

3 октября. Ночь провели в сарае. Утром вскипятили чай и с'ели порцию. В 8 часов пошли на занятия, которые состояли в маршировке, отдании чести и поворотах. На взгляд солдат это занятие бесплодно и даже слышатся голоса, что этими занятиями сами гонят в плен [1]). Вчера выдали очки и маски от удушливых газов. Вчера меня было хотели отослать в распоряжение Двинского Этапного Коменданта для разбора корреспонденции, но ротный командир меня оставил в роте, а послал Бекреева.

Вчера отослал письмо брату Ивану Андреевичу. После обеда в 3 часа послали опять на занятия, но через час пришло приказание прекратить занятие, раздать ужин и быть готовым к наступлению. В шесть часов передали, что пойдем в $8^{1}/_{2}$ часов. Я немного уснул. В 9 часов тронулись в путь. Светила луна. Через $1^{1}/_{2}$ часа пришли в деревушку и разместились по сараям. Я подослал соломы и уснул, но вскоре проснулся: озябли ноги, да и побаливали после маршировки, как отбитые. За ночь три раза просыпался. Наша артиллерия более часа стреляла частым огнем.

4 октября. Утром только что вскипятили чай, как приказали строиться; пришлось выпить чай и итти. Пошли мы в деревушку, не далеко, где поставили нас за сараем, а потом перевели в окопы, где попили чаю [2]). Часа в два выступили и пошли в деревню, где опять поместили в том же сарайчике, где были и раньше. Немного уснул, потом умылся, согрел чаю, а потом опять уснул. Получил письмо от жены, в котором она пишет, что у нас в Самуилове стоит 6 тысяч солдат, что ей прибавили пособие, что у них взяли на окопы Матвея Хромовникова, Леонтия Храпкина, Никифора Шевякова, шурина Левшака, что Якова перевели в другой город, что шурин Иван попал в плен, что Миша Якова уехал в Петроград и т. п..

Написал жене письмо и отослал.

После обеда ходили на учение. Вечером продавали посылки убитых и раненых. Ночью ходили в баню.

6 октября. Утром было учение, а после обеда в 2 часа выступили сначала в деревню Грачевку, а потом дальше в деревню, где разместились в том же сарае, где были и раньше.

---

[1]) Наоборот, солдаты недостаточно выправленные, опустившиеся в окопах, легче сдаются в плен, чем солдаты вымуштрованные, которым после тяжелого учения и бой кажется легче. (Прим. ред).

[2]) Двинутый из армейского резерва, 6. полк подошел к боевой линии, но в виду неуспешности начатой атаки (сибиряки и вовсе не шли вперед) полк был отведен назад. (Прим. ред.).

Спать было очень тесно. Утром согрели чай, а потом были на ученьи. Получил письмо от брата Ивана, в котором он пишет, что начальник мастерской обещал похлопотать обо мне, чтобы возвратить меня в мастерскую [1]). После обеда был назначен дежурным по роте. После обеда делали землянки для отделения на каждый взвод.

8 октября. Ночь не спал, хотя и было возможно. Всю ночь пробыл у огня. С утра рота была на занятии, а после обеда стрельба, при чем я попал из 3—2 раза. Написал и отослал письмо брату Ивану Андреевичу. Сегодня опять была распродажа посылок [2]).

Ночь провели в сарае. До обеда было занятие—маневр. После обеда сторожевое охранение на месте. Ночь провели в сарае.

10 октября. С утра было занятие и маневр. После обеда сторожевое охранение на походе. Сегодня выдали жалованне:—90 коп. и 90 к. табачных, 6 рублей за крест и 2 р. 90 к. за медаль. Выдавали сапоги и шинель.

С утра—занятие, в 10 часов—служба. Служил новый священник и сказал маленькую проповедь. После обеда было занятие.

12 октября. Сегодня с утра было занятие и после обеда тоже.

С утра занимались, а после обеда приказали нам делать землянки. Сегодня выдавали белье, перчатки и портянки. Говорят, что едем в Одессу.

14 октября. С утра шел снег и с утра—же доделывали землянку, а после обеда—стрельба. Я из 5 попал 3 раза. Вечером перешли в новую землянку и разместились там.

С утра—мороз. Занимались гимнастикой, а потом пошли было на стрельбу и меня назначили старшим махальным, но со стрельбища нас вернули обратно, потому что стрелял III батальон. После обеда стреляли сделавшие промах и вновь прибывшие. Я был старшим махальным. Попадания были очень редки. Вечером выдавали дарственные пару кальсон и пару рубашек и по одной конфете.

---

[1]) Путиловскаго Завода. (Прим. ред.).

[2]) Посылки, прибывшия на полк на имя убитых, раненых и пропавших, продавались с аукциона в ротах, так как не имелось средств возить их за полком. Вырученые деньги зачислялись за адресатом. (Прим. ред.).

16 октября. Утром была гимнастика, а потом церемониальным маршем ходил весь полк. Говорили, что сегодня пойдем погружаться в вагоны. После обеда выдавали сапоги и я получил рубашку. Приказали починиться, помыться и почиститься. Вечером постриглись и побрились. Приказали все приготовить, помыть руки, шею и лица теплой водой.

Утром приготовили чай. Получили хлеб, сахар и чай. После обеда с музыкой выступили в путь. Дорога была недальняя—всего 8 верст. Пришли на станцию Полочино перед вечером, здесь дали ужин. Погода засеверила. В 10 часов началась погрузка. Наша рота назначена была грузить обоз. При погрузке началась неразбериха, но часа через три все-таки погрузили обоз и пошли сами садиться. Вагоны грязные, нет ни досок для нар, ни печки, ни фонаря. В каждый вагон поместили по 41 человеку, было тесно. Мы залегли на нарах; в 2 часа ночи поезд тронулся.

18 октября. Утром поезд остановился на станции Молодечно, и затем тронулся дальше. На станции Осиповичи купили белого хлеба, сахару, яблок, пирожков. С нами в вагоне ехали 2 солдата, едущие в отпуск. Много ехало беженцев.

Утром остановились на станции Бобруйск. Я умылся, попил чаю и затем написал письма брату Ивану и жене. На станции простояли до 2 часов вечера. Я сегодня заступил дежурного по роте. Весь день пришлось простоять снаружи вагонов а ночью удалось поспать мало.

20 октября. Утром прибыли на станцию Жлобин, где и постояли до вечера. Отослал письма жене и брату Ивану. Получили чай, сахар и сухари. Вечером тронулись дальше, но вскоре остановились. Утром прибыли на ст. Бахмач, где купили колбасы, а затем всю ночь ехали почти без остановки.

22 октября. Сегодня день полкового праздника, но нам ничем его не отметили. В прошлом году хотя дали по фунтовой булке, несмотря на то, что были в походе и достать их было негде, между тем как нынче на каждой станции можно было купить, что угодно. По этому поводу солдаты говорили, что экономию соблюдают на солдатский счет [1]). Сегодня играл в карты и, как всегда, проиграл 3 рубля. Вечером прибыли на

[1]) Замечание несправедливое. Праздник был отложен на 3 дня, когда его можно было справить по приезде в Херсон. Внимательный читатель дневника Штукатурова получит впечатление, что в полку солдат скорее баловали — выдач всего было очень много. (Прим. ред.).

ст. Херсон и затем пошли в деревню Арнаутовку, отстоящую верст 7 от Херсона. Дорога ужасно грязная и скользкая, к ногам грязь страшно липла. Часов в 12 ночи пришли в деревню, поместились в помещении обывателей — казенке, где уже была настлана солома. У хозяина дома оказалась богатая лавочка и солдаты сейчас же начали тащить сало, яблоки, белый хлеб.

23 октября. Утром проснувшись умылся, помыл сапоги, поел, а потом почистил винтовку. Купили арбузов, а после обеда постирал гимнастическую рубашку. Сегодня как раз 10-летие моей свадьбы и год со дня рождения сынка — Павлуши. Прожитые 10 лет с женою я могу назвать счастливыми и дай Господь, чтобы и впредь мы жили так же. Дай Господь, чтобы и сынок во вступившем втором году жизни был здоровым. Вечером хозяин принес керосинку и чайник и предложил вскипятить чай взводному. Мы все почти напились.

Ночь провели в помещении. Сегодня праздник Всех Скорбящих радости. С 8 часов пошли на занятия и занимались до 11 часов. Придя с учения пообедали. В 4 часа приказали приодеться при одной сумке и повели к Благовещенскому монастырю, отстоявшему от деревни версты на $1^1/_2$, где прошли раз церемониальным маршем, а затем пошли в храм, в котором отстояли всенощную. Величественный вид храма и благозвучное пение монашек производили глубокое впечатление и я с наслаждением слушал всю всенощную. Оттуда возвратились ночью.

25 октября. Утром опять оделись при одном подсумке и пошли в монастырь, где отстояли литургию и молебен, а потом прошли церемониальным маршем. Хотел купить маленькое Евангелие, но не было времени. Получил письма от жены и брата. Сегодня нам выдали по 1 булке, по 7 штук конвертов и по 7 штук печенья. Покупали арбузы.

26 октября. Утром пошли на ученье, но вскоре вернулись обратно и пошли в баню в город Херсон. Город Херсон не очень казистый. В бане помылся очень хорошо. После обеда переписывали у кого каких вещей из имущества нет или вещи пришли в негодность. Прочитали газету, особенных новостей нет.

27 октября. Утром попили чаю, а затем пошли на ученье. Сегодня приказом по полку я произведен в унтер-офицеры. После обеда я побрился и пошел в город Херсон, и под моей командой — 5 человек стрелков. В городе снялись в фотографии вчетвером: я, Мойса, Салаев и Власов. Выйдя из фотографии,

пошли в чайную, попили чайку; я взял 1 ф. винограда, 1 ф. яблоков. Вечером пошли в деревню. Пришли на квартиры часов около 8. За карточки взяли за полдюжины 2 р. 50 к. Утром пошли на занятия. После обеда тоже было занятие.

29 октября. Утром ходили на занятия, а после обеда в церковь к вечерне. Вечером пошел дождь. Утром пошли в церковь к обедне в монастырь. Служил наш священник, служил обедницу. Итти было грязно. После обеда почистили винтовку. В монастыре купил Евангелие, заплатил 20 коп. В 4 часа опять пошли в монастырь — ко всенощной. Пели монашенки и пели очень хорошо. Возвратились часов в 6. Итти было грязно. Пищу сегодня варили с рыбой.

31 октября. Сегодня встали в 6 часов, оделись и пошли в монастырь. Пришли рановато и немного постояли в храме, а затем начали читать правила перед исповедью, а потом началась и самая исповедь, которая была общая. После исповеди началась литургия. Литургию отстояли хорошо, а затем начали подходить к Св. Причастию. Священные изображения великолепного храма навевали на душу благоговейные размышления и, благодарение Господу, отговел хорошо. Вечером получили рубашки гимнастические и шинели. Я получил тоже рубашку.

1 ноября. Утром пошли в монастырь, отстояли обедню. Пели монашенки и пели очень хорошо. После обеда хотели итти в Херсон, но моя очередь была дежурить. Вечером ходил с рапортом к дежурному по полку. Ночь почти не спал, дежурил; утром будил роту, записал больных. Прозевал ротного командира, а потому и с рапортом не подошел в обед. После обеда пошел дождь и занятие было во взводе. Сменился с дежурства, а затем уснул. Сегодня было много писем, но мне не было.

3 ноября. Всю ночь шел дождь. Утром пошли на стрельбу. Стрелять было не очень хорошо: дул сильный ветер, шел дождь, но я все-таки 4 штуки попал из 5. После обеда было словесное занятие. Были письма, но мне не было. Утром пошли на ученье, а после обеда ходили стрелять. Вчера вечером прибыл Рябчиков. Получил письмо от жены.

5 нояря. Утром было ротное ученье, а после обеда отдание чести и рассыпной строй, с 8 часов—церемониальный марш поротно и побатальонно. Говорят, что будет смотреть государь. После обеда — ротное ученье, которое состояло из маршировки и захождений. За неудачную маршировку погоняли

изрядно бегом. Часов в 9 сказали, что ожидается тревога, но через час передали, что тревоги не будет, потому я снял сапоги, разделся и лег спать. Через полчаса об'явили, что играют тревогу, и я кое-как надел все на себя и во-время управился. Наша рота первою вышла на плац; около часа постояли на плацу, а потом с песнями распустили по квартирам.

7 ноября. Спали до 8 часов, а потом попили чаю. Утром меня позвали к подпрапорщику, который сказал мне, чтобы я к 9 часам шел к штабу полка, откуда нас поведут в город Херсон для отобрания квартир для роты. Я наскоро сходил на квартиру, где взял карандаш и бумагу и подошел к штабу полка. Навстречу нам уже шли квартир'еры полка под командой подпрапорщика.

Присоединились к ним. В Херсоне около 3 часов пришлось ожидать подпрапорщика. Идя в город вспотели, а потом, постояв около Думы, озябли и потому пошел в кофейную, где выпил 2 стакана кофе по 8 коп. за стакан. Часа в 4 пошел отбирать квартиры. Получил карточки. Вышли недурные. Часов в 5 отобрали квартиры, а затем пошел в деревню Арнаутовку, куда прибыли в сумерках, и доложив прапорщику, пошел на квартиру. Есть очень захотелось, поел огурцов, колбасы и попил чаю, и потом с нашего взвода потребовали караул. Пошел взводный. Часа в 4 утра в роте начали собираться к выступлению в город. Мы попили чаю и закусили, а в 6 часов дежурный передал, чтобы собирались. Мы оделись и в 8 часов выступили в город. Итти пришлось долго, через весь город и за городом несколько раз прошли церемониальным маршем мимо старичка — начальника дивизии. После репетиции отвели по квартирам. Наш взвод разместили в столярной мастерской. Помещение на первый взгляд было как будто холодное, но благодетель — хозяин дал стружек и затопил печь, мы нагрели чаю и потом легли спать.

9 ноября. Утром, попив чаю, пошли ходить церемониальным маршем. Сегодня пришло добавление К. губернии—ратники 2-го разряда. Послал письма брату и жене.

10 ноября. Утром пошли ходить церемониальным маршем. Смотрел командир корпуса. Прошли один раз и потом на квартиры. После обеда пошли на пригонку амуниции и обмундирования. Дела было бы на час, а проканителились до поздней ночи. Кое-кому выдали сапоги, фуражки, подсумки и прочее. Вечером подстриглись и побрились; поздно легли спать.

11 ноября. Разбудили в 3 часа и приказали приготовиться. Мы попили чаю, потом скатали палатки, одели амуницию, подождали до 6 часов, а потом пошли на плац, куда пришли часов в 8. Государя пришлось ждать часа $1^1/_2$, государь об'езжал верхом, наследник ехал в автомобиле. Государь очень худой, бледный и глаза у него впалые. Наследник очень хороший, милый мальчик. После об'езда государь пропустил нас церемониальным маршем и сказал: „спасибо". После церемониального марша [1]) первую линию рот повернули кругом и между ротами стали офицеры. Вскоре государь с наследником прошли пешком между рот и остановились около офицеров, при чем государь подал руку нашему батальонному командиру и командиру соседнего батальона, после чего, поблагодарив остальных офицеров и сказав нам — стрелкам: „спасибо" и что надеется, что и молодые стрелки вперед послужат ему и родине на славу родного полка, пошел дальше. Шел дождь. Придя со смотра, мы пообедали. Обед был плохой и солдаты говорили, что если бы государь приезжал на смотр в место расположения полка, то такого обеда не сварили бы, а то знают, что не приедет. Вечером дали по $^3/_4$ ф. белого хлеба. Утром пошли на учение. Оно состояло в рассыпаньи и движении цепей. После обеда было строевое занятие и фехтование.

13 ноября. Утром ходили на занятие. Делали наступление, а с обеда меня назначили дежурным по роте. Хотелось сходить в баню, но, повидимому, не придется. Дал Прошенке 1 р. денег, чтобы снялась в фотографии. Сегодня вызывали знающих болгарский и турецкий языки [2]). Вечером пришло добавление 12 человек С. губернии. Вечером призывал батальонный командир дежурных, и передал, что завтра занятия и стрельбы не будет. Пришел приказ, что наша рота назначена на гарнизонный парад. Вечером пришла связь и сказала, что еще прибудет добавление. Всю ночь пришлось бродить то туда, то сюда. Утром пошел дождь и с приготовлением к параду пришлось бродить все время: то за папахами, то за подсумками. В 12 часов сменился с дежурства. Перешли на новую квартиру. В 9 часов пошли в баню и оттуда пришли в 12 часов ночи. Получил письмо от жены, новостей нет.

---

[1]) Сколько времени было отнято от полевого обучения предстоявшим смотром! Репетички делались ежедневно, в отсутствии уехавшего в отпуск командира полка. (Прим. ред.).

[2]) Демонстрация: нарочно высшим командованием распускался слух о предстоящем десанте нашей армии на берега Болгарии. (Прим. ред.).

15 ноября. Утром попили чаю, затем я сходил в церковь. Квартира холодновата. После обеда повели на осмотр врачей, но осмотр состоял только в том, что врач прошел по шеренге и спросил каждого: здоров ли? Заявивших себя больными повели в помещение нашей роты и осмотрели.

Утром хозяйка в 6 часов приготовила чай, принесла миску картофеля и огурцов. В 8 часов пошли на маршировку и отдание чести, а потом собрались было на стрельбу, но батальонный командир отменил. Пошли на словесность. Пришел ротный командир и поговорил кое-что с нами. Послал письмо жене.

17 ноября. Утром вскипятила хозяйка чай и дала коровай белого хлеба. Вообще хозяйка относится к нам очень хорошо. Вчера, например, она вымыла без просьбы все наши котелки. В 8 часов пошли на учение, а в 9 дали обед. Потом пошли на стрельбу, но я остался один и много выгадал, потому что пришлось вести к штабу полка вновь прибывшее добавление и там ждать часа три, пока приехал командир бригады. Возвратясь оттуда, вскоре пошел на словесное занятие. Вечером получил письмо от Ильи Ивановича, в котором он пишет, что Путиловский завод работает хорошо, выделывает до 25000 снарядов и до 250 пушек, по 3 бронированных автомобиля и до 10 минных крейсеров.

18 ноября. Утром хозяйка вскипятила чаю и достала рыбы (тульки) и ситного. В 8 пошли на занятия, в 11 на обед, а с 2-х часов опять занятия.

Выбирали разведчиков полковых и ротных. Написал письмо Илье Ивановичу. Эти дни нам дают белого хлеба.

19 ноября. Утром благодетельница - хозяйка вскипятила чаю и опять принесла рыбы и картофеля и белого хлеба. В 9 часов дали обед и потом пошли на стрельбу. Меня оставили и приказали заниматься с оставшимися. Я немного позанимался, а потом распустил их, а сам пошел купить бумаги и конвертов. Хотел купить книжку „Обязанности рядового“, но таковой не оказалось, пришлось купить „Обязанности ратника“. После обеда вышли на занятия, но вскоре пришла рота и занятия прекратили, сказав, чтобы все унтер-офицеры явились в 5 часов на занятия. Батальонный пришел в 6 часов, поговорил об огне при наступлении и обороне. В 7 часов кончили занятия. Утром вышли на ученье, а в 9 часов пошли на стрельбу, но меня оставили, и мы занимались с полчасика и разошлись по

квартирам. Вечером сходил в церковь. По случаю Введения во Храм Пресвятой Богородицы певчие пели очень хорошо. Сегодня ожидали тревоги, но ночь проспали спокойно.

21 ноября. Утром, попив чаю, пошел в церковь, возвратясь оттуда пообедал, а потом меня назначили для присутствия на полковом суде. Судили 4-х стрелков. Обвинялись они в самовольной отлучке кто на 15, кто на 20 дней. Всех их осудили на 2 месяца одиночной военной тюрьмы с приведением приговора к исполнению по окончании войны, при чем председатель об'явил, что если они в будущих боях окажутся молодцами, командир полка может простить их своей властью.

Вечером ходили ко всенощной.

22 ноября. Утром было собрались в церковь, но пришли и сказали, что будет смотр и мы остались. Смотрел подпрапорщик, и смотрел только консервы и сухарные мешки. Погода с утра туманная, а потому занятий не было. День совершенно весенний и мы после обеда вышли и долго сидели на завалинке.

23 ноября. В 8 часов утра повели на поле. Итти было страшно грязно, к сапогам липло необычайно, я сильно утомился, голова закружилась. Я думал, что вот-вот упаду, но отставать не хотелось. Придя на место, откуда начинался маневр, я отправился и отдохнул. Потом начали наступать. Наш взвод шел в заставе. Итти было очень трудно, и мы пока дошли до опушки, сделались мокрехоньки от пота. После обеда было словесное занятие, а потом гимнастика. У нас со вчерашнего дня два взводных на взводе.

24. ноября. Сегодня день Св. Великомученицы Екатерины— день ангела моей дочурки—Кати. Разбудили нас в 4 часа, попили чаю, в 7 часов пошли на стрельбу. Погода очень неблагоприятная: дождь и ветер, а дорога трудная. Я не стрелял. Со стрельбы пришли в 1 час, а в 3 пошли на словесное занятие.

25 ноября. Утром попили чаю, а затем пришел дежурный и сказал, чтобы я шел к 8 часам в канцелярию полка за получением креста. Из нашей роты пошли трое.

Придя к канцелярии мы увидали, что все стоят с подсумками и ружьями, а мы пришли без всего. Пришлось бежать на квартиру. Придя опять на площадь, я стал с людьми своей роты. Полковой ад'ютант уже проверял людей, но когда подошел ко мне и увидел, что у меня есть уже крест 4 степени,

сказал, чтобы я шел на левый фланг. Я ушел и стоял там до тех пор, пока командир роздал все ордена, но ко мне не подошел, потому что ад'ютант, увидя меня, сказал, что мне здесь делать нечего и я отошел к тем, которые собрались итти на репетицию. Вскоре все пришли сюда, получившие кресты, и наши Ильин и Козловский сказали, что командир полка сказал ад'ютанту, чтобы мне заменили крестом 3. степени. Не знаю, заменят ли [1]? Почему-то мне уж очень не везет с крестами. Иные просто шутя получают и ни за что, а мне если и запишут, так наканителишься. Еще в прошлом году за бои в Августовских лесах был записан крест, но благодетель-подпрапорщик переписал на другого. И вот теперь я был представлен за Болеховский бой, а возвратясь из госпиталя, ни от кого я не слыхал, что предоставлен, и потому за бой 17 августа получил крест 4 степени. А теперь и за Болеховский бой получил тот же 4 степени, и так как два креста одной и той же степени носить не полагается, то мне и не выдали. Нас в полку собралось георгиевских кавалеров 250 человек. Часов в 9 нас с подсумками повели в город. Около губернаторского дома вдоль дороги нас выстроили, потом приехал командир бригады и повели на крепостной плац, где мы и проделали репетицию: прошли раз церемональным маршем, два раза брали на караул и один раз—на молитву, а затем пошли по квартирам. Устали порядком и думали после обеда отдохнем, но не успели пообедать, как прибежал дежурный и сказал, чтобы шли на занятие. Заниматься ходили в поле, где расставляли посты. С учения возвратились около 6 часов и страшно устали.

26 ноября. Вчера сказали, что занятия не будет и потому мы и спали до 7 часов. Вчера еще вечером после поверки мне сказали, что мне есть денежный перевод на 5 рублей, потому я сегодня пошел к подпрапорщику, но уже собирались георгиевские кавалеры и выдавать деньги было некогда. Опять собирались на той же площади часов в 8, опять пошли в город и опять же и в том же порядке все проделали, что и вчера. Парад принимал начальник дивизии. На площадь приходил крестный ход во главе с епископом Прокопием Елизаветградским. Мне очень нравится, когда играет музыка „Коль Славен наш Господь". По окончании парада прокричали „ура" государю и государы-

[1]) Когда дневник убитого Штукатурова попал в руки командира полка, он немедленно расследовал, исполнено ли его приказание о замене второго креста 4. степени крестом 3. степени; выяснилось, что Штукатуров прав, писаря проглотили его представление. Кресты 3. и 2. степени для Штукатурова явились уже посмертными. (Прим. ред.).

ням и пр., а потом пошли по квартирам. После обеда повели людей всей роты в кинематограф. Я не пошел. Получил 5 рублей денег от брата Ивана. В отрезном купоне он пишет, что вместе с деньгьми послал письмо, но я письма не получал. Нам—георгиевским кавалерам—выдали гостинцы: колбасы, булку и шеколад, по два яблока и по батистовому платку. Занятия не было. Перед обедом позвали к канцелярии роты и там сказали, что по 30 человек из роты пойдут в театр и прежде всего георгиевские кавалеры [1]). Пошли в городской театр с музыкой. В театре разместились очень хорошо. Представлена была переводная французская комедия „Сан-Жен". Артисты играли хорошо. Придя на квартиру, попили чаю, а затем поужинали.

28 ноября. С утра сказали, что сегодня будет молебен. Нас собрали и повели на какую-то дровяную площадь, но повели совсем не туда. Нужно было итти в город, а нас повели, наоборот, из города. Поэтому, когда нас привели в городской собор, то уже оказалось, что в собор войти нельзя—нет места. Служил молебен епископ Прокопий. После молебна отправили по квартирам. Затем после обеда были на словесном занятии. Вечером сказали, что завтра в 7 часов уходим, а куда отправят, неизвестно. Вечером собрали и сложили все свои пожитки. Встали в 4 часа, хозяйка принесла чай и мы попили и закусили. В 6 часов вышли строиться, а в 7 пошли на станцию через город. Часов в 9 пошел поезд. Как-то привыкли к жителям и не хотелось уезжать. Окружающая железное полотно местность была совершенно ровная, насколько хватал глаз. Часа в три дали обед на станции Бобринская.

30 ноября. Проснулись часов в 8, поели и попили чаю. Часов в 12 выдали обед. Все время не знали, куда едем. На станции Знаменка отстал взводный Белецкий.

1 декабря. Проснулись на станции Фастов, попили чаю и поели, потом проехали станцию Бердичев. Здесь уже стало гораздо холоднее и все стало подороже. Вечером прибыли на станцию Шепетовка, с которой поехали обратно [2]). С обеда дежурил, а потому ночь почти не пришлось совсем спать. На станции простояли почти всю ночь. С рассветом тронулись дальше, но ехали очень тихо. На станцию Староконстантинов приехали в 10 часов, а в 11 выдали обед. Вчера на станции Никитовка опустил письмо брату Ивану Андреевичу. С обеда

---

[1]) Весь городской театр на дневной спектакль был снят полком. (Прим. ред.).
[2]) Поворот по железнодорожной ветке влево. (Прим. ред).

сменился с дежурства и немного уснул. День солнечный и на полях немного лежит снег. Со станции Константиновка ехали очень медленно.

3 декабря. Перед вечером приехали на станцию Ермолинцы и пошли по шоссе, отошли верст 6 и остановились в деревне. Квартир не оказалось, и нашему взводу пришлось долго искать помещения и, наконец, разместились в холодной хате с разбитыми окнами и все-таки все не могли вместиться и мы вдвоем пошли на конюшню и там переночевали.

Утром пошли в избу, где согрели чаю. В избушке находилась солдатка 27 лет и девица. И вот мне здесь рассказали, каковы эти женщины. У солдатки двое детей и она всю ночь таскалась с солдатами. Девочка 8 лет плакала, но мать без зазрения совести открыто проделывала отвратительные истории. Я вошел в хату и убедился, что здесь хуже, чем публичный дом. Самые циничные выражения и нахальственные действия этих женщин меня возмущали до глубины души и особенно жаль было детей.

Часов в 10 выступили и прошли через город Городок в деревню Янсовисто. Устали страшно и опять с трудом нашли помещение, в котором уже помещались трое наших чинов военно-полевой почты, но все-таки нас пустили и даже согрели чаю. Я отдал письмо им, чтобы они послали жене. Спать хотя было и тесновато, но тепло.

5 декабря. Встали в 7 часов, поели и попили чаю, а в 9 пошли дальше. Итти было страшно грязно и трудно, многие поотстали. Сапоги у меня совсем раздрябли, и я с великим трудом дошел до села Кузмничихи, Каменецкого уезда. Здесь, как и всегда, пришлось долго ожидать, пока разместили. Разместили страшно тесно, но делать было нечего—и за это спасибо. Здесь мне рассказал очень печальную историю хозяин. При начале мобилизации у местного помещика Чернявского управляющий был немец, и вот когда, перед об'явлением войны, австрийцы подтянули к нашей границе войска, а с нашей стороны были только редкие казачьи раз'езды, управляющий начал часто ходить к речке Збруч, где к нему выходил какой-то господин и вел разговоры. Это увидали крестьяне и рассказали об этом казакам, которые забрали этого господина, который рассказал, что помещик Чернявский сам посылал его туда. Однако возвратившийся помещик освободил своего управляющего и затем выдал ему за год вперед жалованье и проводил в Австрию, а мужичка, который доказал о проделке управляющего посадил

на месяц в тюрьму. Так этот мужичок теперь говорит, что он и детям закажет не доносить о проделках господ. Завтра праздник св. Николая чудотворца и я несколько раз вспоминал о Петрограде и деревне.

6 декабря. Утром проснулись в 7 часов и с трудом отыскали сапоги которые были от подошов до ушков грязны. Попили чаю. В 11 часов перевели с квартиры крестьянина Гаврилы на другую сторону деревни. На улице страшная грязь. Перед вечером сходил на реку Муху и помыл сапоги.

7 декабря. Проснулся часов в 7, спать было хорошо, и сравнительно, просторно. Часов в 10 опять перевели на другую квартиру, где помещались трое нижних чинов 1 роты. Мы разместились, но вскоре нас перевели на новую квартиру. Здесь было тесновато, но все-таки тепло. Вечером попели молитвы и улеглись спать, мне долго не спалось. После полуночи уснул и видел страшный сон: будто я шел околицей и услышал крик детей императора Вильгельма, которые начали в меня бросать грязью, а я в них. Подойдя к бане, я встретил императрицу германскую, которой я начал жаловаться, что ее дети бросали в меня грязь, при чем показал ей комочек глины. Она сделала выговор детям и я пошел в баню, но мыла не было и я стал под струю холодной воды и она с силою падала мне на голову. Затем я увидел своего государя и государыню, при чем государыня делала выговор государю за то, что он кого-то строго наказал, на что государь ответил, что если он наказывает, так накажет.

8 декабря. Утром проснулись и в 7 часов получил приказ, чтобы с 8½ часов было занятие и нам приказали одеться, но вскоре передали, что занятия не будет, но нужно починить амуницию и одежду. Вскоре дали обед, хлеб и сахар. В 2 часа оделись и построились. В 3 часа пошли за деревню и тронулись в путь. Сапоги у меня очень разбились и мне пришлось завязать их проволокой. Прошли деревню Ольховчики и пришли в деревню Крагулевец. Ночь была светлая и сравнительно теплая. Итти было хорошо и легко, в особенности для моих сапог. Часов около 9 пришли к месту ночлега. Здесь нас разместили, нас было 10 человек и с нами подпрапорщик. Как это и всегда, начальство начало амуры с хозяйкой дома—молодой еще женщиной, но, кажется, безуспешно. Попили чаю и улеглись спать. Спать было недурно. Утром встали в 7 часов, попили чаю, а потом почистили винтовки. Часов в 12 дали обед. В 3 часа вышли из Крагулевца и пошли через местечко на деревню

Звиняч. В 12 часов пришли туда. Итти сначала по шоссе было очень хорошо; а потом свернули на проселок и дорога пошла самая скверная; переход — верст — 30. Я страшно повывертел ноги, тем более, что сапоги совсем разбились. В деревне на пути дали обед. Я сильно озяб и ступня правой ноги отмерзла.

Не смотря на то, что деревня была огромная, квартир отведено было мало [1]). Пришлось долго бродить, пока нас разместили. Сначала поместили нас в доме, отведенном 4-й роте, но вскоре выселили. Потом отвели хорошую квартиру и согрели кипятку, затем я лег на кровать.

10 декабря. Проснулись часов в 8, попили чаю и весь день отдыхали. Слышны выстрелы ружейные и артиллерийские. Вечером записывали бомбистов.

11 декабря. Утром проснулись в 6 часов и попили чаю. С утра выдавали сапоги, на роту было выдано 72 пары. После обеда наша рота пошла дальше. Шли часа три, и придя в деревню дали ужин, а потом меня с отделением в 8 человек отправили в фольварк, отстоящий версты на три от деревни для охраны соломы и дерева, которые привозили из деревни. [2]) Мы прежде всего устроили шалаш и прикрыли его соломой. Развели огонь, но дров не нашли ночью и потому чай пришлось кипятить соломой, что продолжалось очень долго. Ночью было холодно, но благодаря тому, что я получил хорошие сапоги и просторные, ноги не зябли. Ночью немного холодновато, но все таки ничего.

12 декабря. Утром наломали дров и вскипятили чаю и попили. Немного спустя пошли варить картофель. Вскоре пришла полурота за лесом и с нею пошли и мы, а караул оставили на взводе. Лес нести пришлось очень далеко и тяжело. Когда мы отнесли лес, нас, бывших на карауле, отправили в деревню. В деревне отвели квартиру на 6 человек. Хозяйка сварила картофеля и чаю, и немного молока. Молоко пили с чаем. У хозяйки 5 человек детей и муж на войне. Самому старшему 13 лет.

13 декабря. Утром проснулись часов в 5 и обулись, но потом опять легли спать и пролежали до рассвета. Утром хозяйка

---

[1]) Половину села приказано было оставить свободным для другого полка и штаба дивизии, но критический дух заставляет Штукатурова все время подозревать начальство в незаботливости и нераспорядительности. (Прим. ред.).

[2]) Имея ввиду подготовку к штурму 16 декабря, полк начал заготовлять впереди, среди чужого охранения, солому и лес для устройства окопов и гати ввиду отсутствия этих материялов на будущем поле сражения, и зимнего времени.

вскипятила чай и сварила картофель. Перед обедом перевели на другую квартиру. Вечером пошли копать окопы, но проводили нас по полю часа три и затем начали разбивать окопы, но разбивали так медленно, что ротный командир осерчал и доложил батальонному командиру, который приказал прекратить работу и вести роты на работу. Немного позябли ноги. Назад вернулись в 11 часов, выпили по кружке чая, поужинали и улеглись спать.

14 декабря. Утром проснулся и почувствовал боль в животе; опять немного уснул. Проснувшись вышел и погонял дозоры. Перед обедом выдали жалование — 2 р. 18 к., 3 руб. за крест и 1 р. 50 к. за медаль. В три часа пошли рыть окопы и по пути забирали лес и несли к отдельному домику, около которого и остановились. С наступлением сумерок наш и 3-й взвод понесли лес, а остальные пошли рыть окопы. Нести было очень далеко, темно и грязно. Ходили две роты, а потом стали рыть окопы. Ноги у меня промокли, несмотря на то, что были новые сапоги. Работа подвигалась очень медленно, потому что работали малыми лопатами. В 2 часа кончили работу и пошли на квартиру. Здесь попили чаю, поужинали, а затем улеглись спать.

15 декабря. Проснулись около 9, когда пришел подпрапорщик и принес письма. Было и мне от жены, которому я был несказанно рад. Жена пишет, что получила карточки и что дома все благополучно. Гриша забран в Петрограде. Лен продали по 7 р. 80 к. за пуд.

Пообедали и я лег было спать, но не уснул...

На этом обрывается дневник Штукатурова. На следующий день, 16 декабря 1915 года, при атаке австрийских позиций на Стрыпе, к северу от г. Бучача (дер. Петликовице—Нове), Штукатуров был убит. Вместе с ним выбыло из строя 800 солдат полка, 5 офицеров было убито, 18 ранено. Начальство сделало командиру полка выговор, за то, что он не берег офицеров, не делил их на смены, и пускал всех одновременно в бой. „Солдат нам пополнят, а убыль в офицерах—непоправима". Нет, убыль таких солдат как Штукатуров, безропотно несших все тяжести службы, была также непоправима. Уже некоторые

места дневника Штукатурова открывают нам глаза на тот счет, который более слабые его заместители пред'явили отечеству впоследствии. Со Штукатуровым умирал солдат старой русской армии, которого крепко держали в своих тисках религиозные и монархические идеи, который по своему духовному развитию оказался гораздо выше уровня, на которой рассчитывали наши враги, но в психологии которого проскальзывают уже искры будущей революции.

„Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте—апреле 1918 г.“

(Составлено по сохранившимся документам, заметкам и личным воспоминаниям).

Воспоминания мои относятся к тому необыкновенному и тяжкому времени, когда старая армия окончательно развалилась и исчезла с фронта, а новая вооруженная сила только что еще нарождалась. С тех пор прошло больше года.

Оглянувшись назад, с трудом верится, что это было недавно. Так велик пройденный за этот период путь, так много пережито и такой громадной во всех отношениях представляется произведенная работа по сформированию нового войска! Ведь начали мы с совершенного ничтожества, возникли, можно сказать, как феникс из пепла.

Теперь у нас есть сильная армия, а тогда были лишь отдельные слабые отряды и части, весьма разнообразные по своему происхождению и крайне пестрые по составу, численности и боевому достоинству. Мы имеем сейчас правильную воинскую организацию, единство командования, располагаем штабами и прочими учреждениями, а в то время, ведь, не было собственно ничего, все приходилось наскоро создавать вновь, розыскивать, собирать, налаживать. Определенные стремления и планы, сознание и полная ориентировка руководят в настоящее время каждым органом, каждым отдельным работником; повсюду идет более или менее систематическое строительство. В марте же 1918 года каждый участник действовал почти исключительно по своему усмотрению и на свой страх, руководясь чутьем и здравым смыслом; общего управления и указаний почти не было. Если теперь мы можем вести военные действия в широких размерах, можем успешно наступать, то тогда приходилось думать лишь о том, как бы только удержаться, да и на это надежды было мало...

Как видно из помещенного вначале этого сборника об'явления, в настоящее время в архив „Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—18 гг.“ начинают поступать материалы и по боевым действиям Красной армии в 1918—19 гг. Параллельно с работой по описанию наиболее поучительных явлений и эпизодов великой европейской войны, будут исследоваться и наиболее интересные действия в период гражданской борьбы, а в органе комиссии—сборнике,—на ряду со статьями и материалами, посвященными первой, будут помещаться и таковые же, касающиеся боевой работы Красной армии.

Поэтому представляется крайне желательным, чтобы лица, служащие и служившие раньше в эти последние два года на фронте, отозвались бы на призыв комиссии и помогли бы ей правильно осветить более важные и поучительные стороны и эпизоды гражданской войны. С этою целью страницы сборника будут всегда раскрыты для желающих внести свою лепту на это общее дело.

Моя статья — первая ласточка в этом отношении; будем надеяться, что этот почин даст толчок к появлению в сборнике и других материалов.

В статье этой нет ничего выдающегося из ряда по своему интересу; в ней излагаются лишь вкратце воспоминания и мысли участника о том, как и в какой обстановке происходили события на одном из главнейших тогда участков нового фронта недалеко от Петрограда, как складывалась понемногу жизнь и служба случайно очутившегося здесь слабого отряда в один из самых грозных моментов нашей последней жизни и как, наконец, постепенно превращался он, перед лицом сильного тогда еще неприятеля, из полного ничтожества в известную боевую силу.

Быть может этот небольшой набросок, в связи с другими материалами, составленными участниками, поможет восстановить правдивую и широко освещенную картину из нашего недавнего прошлого.

Таковы цель, смысл и содержание моей статьи.

Как известно, в феврале прошлого года немцы, прервав неожиданно мирные переговоры с нами, начали наступление на всех фронтах. Разложившиеся остатки великой когда-то русской армии, разумеется, не в состоянии были выдержать внезапного напора неприятеля, хорошо ориентированного в нашем положении; они быстро очистили фронт и в полном беспорядке отступали в глубь России, бросая по пути важные пункты, бес-

ценное боевое имущество и разного рода запасы, перешедшие в руки противника. В самое короткое время германцы заняли Ревель, Псков, Двинск, Минск и другие города. На путях, ведущих к Петрограду, они особенно выдвинулись вперед в направлении от Ревеля и к началу/середине марта, сбив наши слабые прикрывавшие части из остатков старой армии и добровольческих войск, приблизились к г. Нарве.

Столице и центру революции грозила серьезная опасность...

В Петрограде закипела самая деятельная работа: устная и газетная агитация била в набат и звала на защиту отечества и революции, формировались отряды добровольцев из рабочих, солдат и моряков и спешно отправлялись на фронт, приводились в известность склады разного имущества, приступили к устройству укреплений и т. д. В Смольном и в переехавшим недавно в Петроград Штабе Верховного Глав-щего работали дни и ночи. Потянулись на новый фронт и старые боевые офицеры.

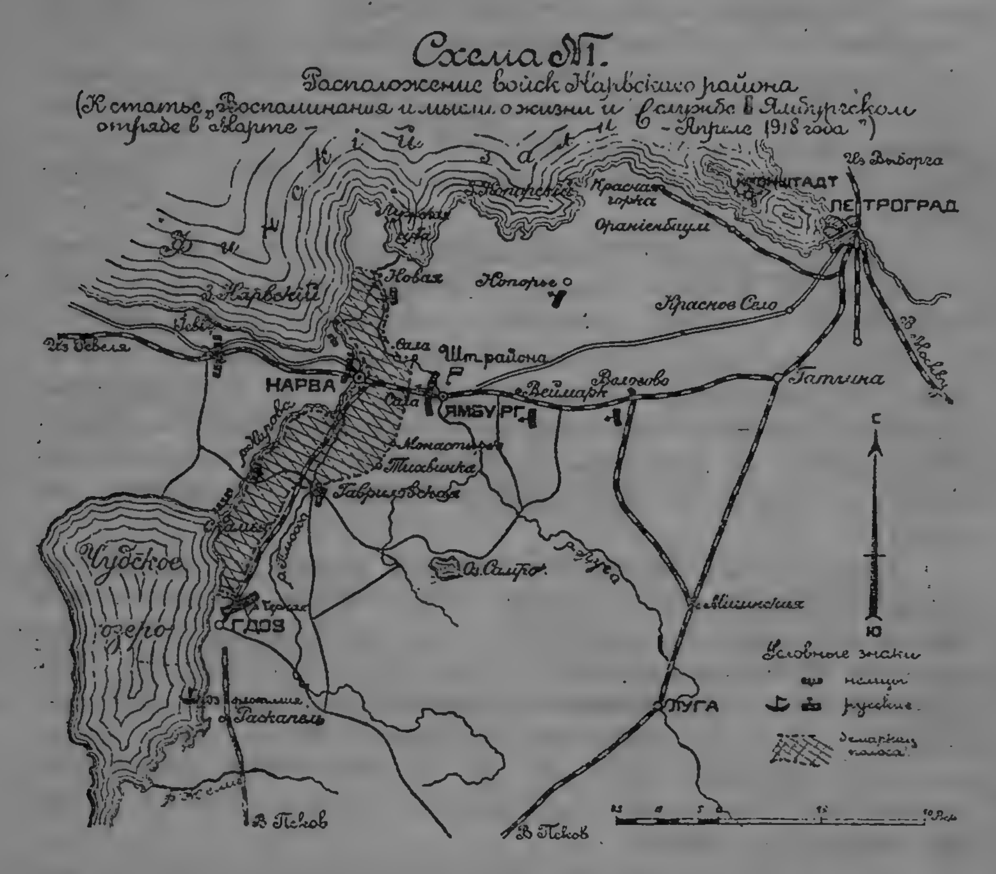
Проживая это время в Петрограде, я чутко прислушивался к происходящему и с болью переживал его; каждое газетное известие будило старые струны, взор лихорадочно следил за всеми передвижениями немцев, которые подходили все ближе и ближе...

Не успели еще зажить глубокие раны после пережитого в последнее время, как душа наполнялась новыми нахлынувшими чувствами: сознание, что старый враг вновь грозит поверженной в прах родине быстро заставило забыть всю горечь перенесенного, всю усталость; дух мой загорелся с прежнею силой и стал неумолчно звать меня туда, откуда приближался рокот боевой грозы. Я не выдержал и в последних числах февраля бросился в Штаб Верховного Глав-щего, а затем и в Смольный, где и заявил о желании служить на фронте в этот ответственный момент. Через два дня я получил назначение ехать к Нарве и об'единить командование войсками, действовавшими в районе р. Наровы и Чудского озера.

Перед от'ездом меня не могли ориентировать как следует ни в общем положении дел, ни в том, что происходит впереди Нарвы; никто не мог указать, какие войска там собраны, сколько их, кто командует и т. д. Из отдельных расспросов и отрывочных сведений я знал только, что в это время шли бои в районе ст. Иевве, что наши не выдерживают и отходят дальше и, наконец, что среди посланных туда войск находится и партизанский отряд моряков под начальством народн. комиссара

Дыбенко; последний, повидимому, об'единял командование в этом направлении [1]).

Часто посещая в эти дни Смольный, приходилось немало удивляться той исключительной энергии и спокойной деловитости, которую проявлял среди общего хаоса и безтолочи управляющий делами Сов. Нар. Ком., В. Д. Бонч-Бруевич; его

буквально осаждали ежедневно со всех сторон, как все отправлявшиеся на фронт, так и многие причастные к работе по организации обороны, нуждавшиеся в разных указаниях; наряду с действительно важным и неотложным, обращались зачастую и со всякими пустяками. Именно только от него удалось получить хоть некоторые отрывочные сведения о положении

---

[1]) Сведение эти, равно как и многие другие, взяты из сношения моего, как начальника обороны Нарвского района, от 24 марта/5 апреля 1918 г. № 309 на имя комиссара этого района, Т. Петерсена, с описанием моих действий со дня назначения. В сношении этом изложены мои показания по делу Дыбенко, который был предан суду за оставление Нарвы.

дел; по его же распоряжению я быстро получил деньги, карты, автомобиль и прочее необходимое, что сразу могло потребоваться на месте.

Стремясь выехать на фронт возможно раньше, как того требовала обстановка, я в то же время хорошо понимал, что буду бессилен сделать что-нибудь один; нужны были помощники. По счастью я быстро нашел несколько подходящих лиц и в числе их А. Г. Кузьмина, своего боевого сослуживца, которому предложил сотрудничать в роли нач. штаба и срочно заняться формированием последнего. Политическим представителем при отряде был назначен член. Центр. Исп. Ком. К. А. Петерсен, которого я также знал по службе в 12. армии в Риге.

$\frac{3}{16}$ марта я с тремя товарищами выехал на фронт; один из них—С. П. Цветков—служил непосредственно со мной вначале войны и был мне известен с самой лучшей стороны.

В тот же день, в 19 час. 30 мин. мы прибыли на ст. Веймарн, где неожиданно были задержаны почти беспрерывным и крайне беспорядочным движением остатков различных частей старой армии и эшелонов красноармейцев, ехавших из-под Нарвы, а затем и происшедшим впереди крушением паровоза.

Путем беглых расспросов удалось выяснить, что отходят преимущественно части бывшего XLIX корпуса, штабы которого успели уже проехать в Гатчину и что артиллерия нескольких корпусов 12. армии двигается в тыл по шоссе. Попытки наши удержать более сохранившиеся эшелоны и уговорить их ехать со мной к Ямбургу кончились, разумеется, полною неудачей— я и мои спутники были для них неизвестными, случайными людьми; нас просто не слушались, а вооруженной силы при мне никакой не было.

Из этих же расспросов выяснилось также, что часов 16 тому назад вблизи Нарвы происходил бой, в котором с нашей стороны приняли участие почти исключительно добровольцы-красноармейцы и матросы, что сейчас город, вероятно, уже очищен нами и, наконец, что у немцев, повидимому, больших сил там нет, т. к. действовали преимущественно конные части, броневой поезд и автомобили.

Протелеграфировав Наштаверху Б. Бруевичу, как это, так равно—о необходимости немедленно выслать свежие части пехоты, бронированный поезд и хотя бы самый небольшой конный отряд, я донес ему, что еду сейчас в Ямбург, где орга-

низую его оборону, а если удастся собрать отходящие силы, то попытаюсь вновь занять Нарву [1]).

В 23 часа 5 мин. мы были в Ямбурге. На станции тотчас же розыскали ком. Дыбенко, оказавшегося тут и от него узнали, что под Нарвой был бой, что войска понесли большие потери и необходимы подкрепления; ориентировать меня в обстановке более точно и указать, где и как расположены наши

войска он не мог. Таким образом выяснить, оставалась ли еще Нарва в наших руках, или нет—не удалось.

Положение наше было крайне затруднительное: общей, хотя бы ориентировки в положении дел добиться здесь было очевидно невозможно; Дыбенко, распоряжавшийся тут всем, встретил меня как бы с недоверием и, видимо, не склонен был подчиниться мне; нас было всего шестеро, считая жену, бывшую моим личным секретарем и двух шофферов, при мне находилась значительная сумма денег, отпущенная из Смоль-

[1]) Сношение нач. обороны Нарвск. района от 24 марта/5 апреля 1918 г. № 309 и телеграмма моя Наштаверху от 3/16 марта № 4.

ного и, в довершение всего, кругом слышалась какая-то ружейная стрельба, а на дворе стояла глубокая ночь [1]).

Я послал Наштаверху телеграмму, в которой обрисовал в общих чертах затруднительность обстановки и просил срочно выяснить мое служебное положение по отношению ком. Дыбенко, т.-к. опасался, что на этой почве могут возникнуть вредные для дела трения и невязка, как результат двоевластия [2]).

Узнав, что один из начальников отрядов Дыбенко (Юрин) должен, повидимому, находиться на полуст. Сала, мы пытались связаться с ним по телефону, но последний не работал уже; я хотел командировать одного из своих помощников вперед на паровозе или вагонетке, но матрос, назвавшийся комендантом станции, моего требования не выполнил, т. к. Нарва, по его мнению, очищалась нами. Наконец по городскому телефону удалось связаться непосредственно с Нарвой и узнать, что немцев там еще нет, равно как нет уже и наших войск, кроме местных красногвардейцев и, что в городе спокойно. Эти переговоры велись в течении ночи и утром и притом не только с восточной частью города, но и с заречной; они убедили меня в том, что до 10—12 часов $\frac{4}{17}$ марта немцев в Нарве не было [3]).

Наконец, после долгих поисков и расспросов, удалось найти 80 чел. 125. запасного полка, в числе которых были пешие разведчики; мы их уговорили отправиться вперед для установления связи с Юриным и передачи ему моих распоряжений. Вскоре розыскали еще 18 конных разведчиков, которых выслали на разведку к Нарве.

В приказании, посланном т. Юрину, я, ориентировав его в своем назначении и положении, потребовал занятия восточного берега р. Наровы, с целью задержания дальнейшего наступления немцев, а равно присылки сведений о тех войсках, которые имеются у него и, где они, примерно, расположены [4]).

К рассвету $\frac{4}{17}$ прибыл из-под Нарвы начальник Нарвского партизанского отряда т. Дауман, от котораго мы узнали, что Нарва очищена нами без напора со стороны немцев и что это явилось следствием отсутствия общего управления войсками и происшедшего среди них замешательства. Возникла было мысль

---

[1]) Тоже сношение № 309.

[2]) Моя телеграмма Наштаверху от 4/17 марта, 1 час, № 5. На нее скоро был получен от. Б. Бруевича ответ, что я являюсь начальником обороны всего Нарвского района (этой телеграммы я не нашел); после этого отношения с Дыбенко приняли более нормальный характер.

[3]) Сношение мое № 309.

[4]) Записка моя от 4/17 марта, 4 час., № 6.

овладеть Нарвой обратно, но от нее пришлось отказаться, т. к. подходившие уже оттуда отряды только что совершили 20-верстный переход, были утомлены и дезорганизованы.

Узнав, что в Ямбурге находятся какие-то части, я потребовал их начальников. Ко мне явились командиры 22. финляндск. стрелкового и 177. п. Изборского полков, а затем и ком-щий 45. арт. бригадой. Хотя эти полки были в самом слабом составе (в обоих 250—300 штыков), тем не менее я выслал их вперед и приказал занять район кладбища и мызы у д. Новопятницкой впереди города; три батареи, в двух орудийном составе каждая, расположились на восточном берегу р. Луги между д. Б. Луцк и Порховской кол., для обстрела подступов к Ямбургу.

Все части и отряды, постепенно прибывавшие на станцию, я назначил в резерв, который подчинил Дыбенко. Подошедший затем эскадрон красных гусар, состоявший при отряде Даумана, был выслан, после небольшого отдыха, на разведку к Нарве. Наконец, отрядам, бывшим еще впереди, приказано было остановиться и отходить лишь в случае сильного напора немцев.

Кроме Ямбургского отряда, мне были подчинены также и войска, бывшие в районе Гдова, но о нем сведений никаких не было, а связь пришлось первоначально держать по телеграфу через Петроград. Этому отряду я послал приказ держаться, а при невозможности отходить в район озера Самро.

Боевую силу отряда, собиравшегося в районе Ямбурга, при такой обстановке установить точно было нельзя; вероятно она не превосходила 2.000 штыков. О расположении войск был об'явлен приказ [1]), а о положении дел в районе Нарва—Ямбург я телеграфировал Наштаверху [2]).

Как оказалось впоследствие, оставление Нарвы произошло преимущественно потому, что не было общего руководства и связи в действиях, оттого, что слабо или даже вовсе почти неподготовленные отряды водили в бой неумело и они несли излишние потери (больше других потерпели матросы); наконец, на настроение войск оказало, повидимому, известное влияние и создавшееся тогда положение как бы между войной и миром, что волновало людей и способствовало уменьшению их стойкости.

Таково было положение дел утром $\frac{4}{17}$ марта. Судьба забросила меня сюда, в этот уголок тогдашнего случайно создавшегося фронта и бывшему командующему армией 250,000 боевой численности пришлось очутиться в роли начальника слабого сборного отряда общею силою не превышавшего полк.

---

[1]) Приказ войскам Нарвск. района обороны от 4/17 марта, 8 час. 30 мин. № 11.
[2]). Телеграмма моя от 4/17 марта, 7 час. 10 мин. № 10.

Со стороны немцев все было спокойно; они вошли в Нарву, но дальше еще не продвигались.

Днем мне стало известно, что матросы волнуются и собираются ехать в тыл; это угрожало большим ослаблением собранному с такими затруднениями отряду, т. к. эшелон моряков был из самых сильных и вдобавок был хорошо снабжен пулеметами, патронами и проч. Требования мои остаться, переданные через начальников отрядов, не подействовали. Отправившись к Дыбенко, с целью воздействовать на матросов через него, я был неожиданно для себя (да, повидимому, и для самого Дыбенко) увезен с эшелоном из Ямбурга вместе с двумя своими помощниками. Не желая оставлять войск, мы хотели выпрыгнуть, но поезд пошел полным ходом; бросились к тормозу, но он оказался сломанным. По приезде на полуст. Тикопись, мы вызвали паровоз из Ямбурга, который вскоре и прибыл. Дыбенко же не мог, видимо, удержать своих матросов и уехал с ними в Гатчину [1].

Пример матросов оказался заразительным: за ними успели проскочить в тыл сначала один, а затем еще несколько эшелонов. Остановить их было невозможно.

В 22 часа мы возвратились в Ямбург, где нашли всего только два слабых эшелона. Настроение их было тревожное; бродили всякие слухи, распространялась паника... Части, бывшие впереди (финл. стрелки и изборцы), как оказалось, по распоряжению своих комитетов, ушли с позиции, разоружились и затем исчезли совсем, несмотря на мое противодействие и уговоры [2]. Батареи, оставшиеся без прикрытия, настойчиво просили разрешения сняться с позиций. Таким образом, впереди Ямбурга вновь никого не было, а имевшиеся к тому времени сведения о неприятеле сводились к тому, что немцы заняли Нарву и выдвинули свои передовые части за реку [3].

Сознавая полную беспомощность, т. к. при мне оставалось не более 300 человек, а немцы могли выдвинуть в любую минуту броневые части, или выслать конницу (мост через Нарову взорван не был), не имея впереди разведки и, наконец, учитывая паническое настроение бывших тут двух отрядов, сидевших уже в поездах в полной готовности к отправлению, при условии, что ж.-дорожн. мост у Ямбурга был только слегка испорчен,—я вынужден был разрешить артиллерии сняться с позиций и отойти в тыл, приказал снять телеграфные аппараты

[1] Сношение № 309 и телеграмма моя Наштаверху от 4/17 мара, 22 час. № 15.
[2] Телеграмма моя Наштаверху от 4/17 марта, 13 час. 10 мин. № 14.
[3] Телеграмма моя Наштаверху от 4/17 марта, 22 час. № 15.

на всех ближайших станциях, а через некоторое время выехал с двумя эшелонами к ст. Волосово, где рассчитывал собрать ушедших, привести их в порядок и вновь занять Ямбург [1]).

$\frac{5}{18}$ марта, в 6 часов мы прибыли в Волосово. После розысков ушедших эшелонов оказалось, что часть их находится тут же, другие—в Гатчине, а остальные на промежуточных станциях между двумя первыми.

Прибывший к нам утром из Петрограда свежий эшелон красноармейцев т. Наумова (около 300 штыков) я тотчас же направил в Ямбург, с приказанием занять позицию впереди города, в районе д. Новопятницкой, выслав охранение за д. Дубровку, примерно, на линию дд. Сала-Кобыляки-Анненская и выдвинув разведку к р. Нарове, чтобы выйти в соприкосновение с неприятелем.

Вслед за ним был послан Ямбургский партизанский отряд (около 200 штыков), с подчинением его первому.

На другой день были передвинуты туда же и все остальные эшелоны, за исключением одного, оставленного в Волосове и затем переведенного на ст. Веймарн. Вместе с этими эшелонами возвратился в Ямбург и я с моим маленьким штабом.

Таким образом к утру $\frac{6}{19}$ марта район г. Ямбурга был вновь занят отрядом из 2.500—3.000 чел.

О немцах было известно, что их в Нарве и между нею и ст. Иевве немного—не более нескольких батальонов и двух полков конницы, при чем в самом городе расположен отряд из батальона пехоты, одной кавалерийской части, броневых машин и самокатчиков. Передовые части неприятеля выдвинулись на несколько верст восточнее р. Наровы и постепенно вошли в соприкосновение с нашими [2]).

С тех пор собственно и начинается жизнь и служба отряда Нарвского оборонительного района, более или менее правильное выполнение боевых и охранительных обязанностей, постепенная организация, обучение и проч.

Вскоре ком. Дыбенко был отозван, а через некоторое время из состава отряда выбыл и эшелон моряков.

Наступление неприятеля прекратилось $\frac{5}{18}$ марта, при чем против нашего участка немцы заняли линию р. Наровы и западный берег Чудского озера; далее их расположение тянулось по тому же берегу протока между Чудским и Псковским озе-

---

[1]) Та же телеграмма.

[2]) Сношение № 309 и телеграмма моя Наштаверху от 6/19 марта, 11 час. 30 м. № 33.

рами и этого последнего; заняв Псков, они выдвинулись несколько впереди него.

Среди этих обстоятельств были возобновлены мирные переговоры, которые и закончились, наконец, заключением так называемого Брестского договора $\frac{3}{16}$ марта 1918 г.

Согласно последнему, неприятель продолжал временно занимать оккупированные им области, обязуясь впоследствии очистить их. На основании договора нам было предложено войти в сношение с германским командованием в районе Наровы и Чудского озера, установить демаркационную полосу и выработать правила, обязательные для обоих сторон. Это и было выполнено в особом соглашении смешанной комиссии, в которой немецкую сторону представительствовал Г. М. Шуленбург, а нашу сторону—уполномоченная мною делегация [1]). Желая отстоять по возможности наши интересы, мы требовали сначала установления демаркационной полосы в районе перешейка между морем и северным берегом Чудского озера (через ст. Иевве), с целью сохранить за собою выгодную оборонительную линию р. Наровы, или хотя бы по этой последней, чтобы поставить ее между нами и неприятелем. С своей стороны, немцы потребовали отнесения границы демаркации к р. Луге. Наконец, после долгих препирательств, под угрозой прекращения перемирия и возобновления военных действий, мы вынуждены были с болью в сердце согласиться на среднее решение: разграничительная полоса была установлена в пределах. с востока—от морского побережья до д. Новая и далее по р. Луге до д. Сала, откуда через дд. Монастырек и Тихвинка до мызы Гавриловской и от этой последней по полотну ж. д. на Гдов (путь был оставлен в нашем распоряжении) до р. Черной (в 8 верстах севернее Гдова) и по ней до ее впадения в Чудское озеро; с запада-восточный берег р. Наровы, включая несколько пунктов, от устья до истока у д. Скамья [2]).

Обмен пленных и возвращение жителей разрешались только на большой дороге Нарва — Ямбург. Пропускными пунктами были назначены: на германской стороне—Нарва и д. Верхнее Село [3]), а на нашей—Ямбург и мыза Гавриловская [4]).

В общем все выгоды при установлении демаркационной полосы были на немецкой стороне; мы это хорошо сознавали,

---

[1]) Мое сношение со старшим начальн. германских войск, действовавших в районе Нарвы—р. Наровы и Чудского озера от 7/20 марта № 35.

[2]) Соглашение между главнок-щими германск. и русск. войск. в районе Нарва—Ямбург—Чудское озеро (числа не обозначено).

[3]) На 3 и 10 верст. картах нет.

[4]) То же соглашение.

но сделать ничего не могли, т. к. неприятель грозил возобновить действия в случае нашего несогласия, а сопротивляться его новому натиску мы, разумеется, еще не были в состоянии.

Район наш охватывал собою побережье Финского залива от Западных укреплений Красной Горки до устья р. Луги и далее пространство к востоку от демаркационной полосы; на юге он распространялся по восточному берегу Чудского озера, захватывая С. Раскапель и несколько недоходя устья р. Жемы. Общее протяжение пограничной полосы было более 250 верст, из которых не менее 100 в. морского побережья. С юга к нам примыкал Псковский район обороны.

Все части, охранявшие демаркационную полосу, были названы войсками завесы. К середине/концу марта общее управление ими было об'единено в особых округах, во главе которых поставлены военные руководители со своими штабами. У нас, на севере и сев.-западе был образован так называемый Северный участок и Петроградский район, обнимавший собою промежуток между Онежским и Ладожским озерами, Карельский перешеек и местность между морским побережьем и, примерно, параллелью Ст. Дна. Штаб округа находился в Петрограде.

Этот большой округ подразделялся на несколько малых (районов), одним из которых и являлся наш Нарвский с центром в г. Ямбурге; последний, в свою очередь, состоял из двух участков—Ямбургского и Гдовского. во главе которых впоследствие также были поставлены особые начальники с небольшими штабами.

Войска пограничной завесы занимали небольшими отрядами наиболее важные районы, а за ними на главных направлениях располагались резервы. Система охранения была прерывчатая и заключалась в том, что от передовых отрядов высылались к границе демаркационной полосы полевые караулы, которые в некоторых случаях связывались между собою дозорами и раз'ездами; за караулами располагались поддержки, а еще далее—резервы.

В пределах Ямбургского участка пехотные части, после заключения соглашения, были несколько отведены назад, к району д. Новопятницкой, оставив охранение на линии дд. Сала—Дубровка—Анненская. В Гдовском участке охраняющие части были расположены севернее Гдова.

Все остальное пространство охранялось крайне слабо небольшими конными частями, служба которых была чрезвычайно тяжела, т. к. конных было очень мало, а демаркационная полоса весьма растянута. Охраны побережья Финского залива

вначале вовсе не было, равно как не было и никаких морских средств; впоследствие с этою целью пришлось выделить одну из частей к С. Капорью. Охрану Чудского и Псковского озер выполняла особая флотилия из нескольких вооруженных пароходов.

Войска несли охранительную службу поочередно, по отрядам, при чем у нас назначались для этого более сильные и лучше подготовленные части. Все остальные составляли резерв, расположенный, главным образом, в Ямбурге и его ближайших окрестностях; прибывшие потом части стояли на ст. Веймари и Волосово. Главная позиция войск Ямбургского участка была избрана за р. Лугой, между Луцкой и Порховской колоннями; никаких укреплений на ней не было. Одна двух-орудийная батарея (1. под командой Шпаковского) занимала позицию в районе города, на правом берегу р. Луги.

Разумеется общее наше расположение, с боевой точки зрения, являлось тогда до нельзя слабым и нет никакого сомнения в том, что, в случае наступления неприятеля, мы не в состоянии были бы оказать ему упорного сопротивления.

В основу нашей новой вооруженной силы вначале, как известно, был положен принцип добровольчества, добровольного найма. В этом смысле и был издан декрет Сов. Нар. Ком. от 15/28 января 1918 г.

Элементами комплектования добровольческих войск явились служившие в старой армии солдаты, отдельные и в составе слабых частей, оставшихся в пределах пограничной полосы при общем отходе с прежнего фронта; кроме того, отряды матросов и рабочие контингенты, отчасти из сформированной еще раньше Красной Гвардии, а отчасти, специально организованные на началах выбора и добровольчества из рабочих разных предприятий, особенно крупных. Партизанские отряды формировались, преимущественно, из старых солдат, особенно конных; среди них были и матросские.

У нас, например, в состав участка входили следующие части: Нарвский партизанский отряд Даумана, Ямбургская Красная Гвардия, Ямбургский партиз. отряд Акулова, Белгорайский батальон, эскадрон красных гусар, отряд красноармейцев 4. Капорского полка, 1. отд. батарея Шпаковского, Везенбергский (эстонский) партиз. и Юрьево—Путиловский рабочий отряды и др. [1]).

В смысле своего боевого достоинства и специальной подготовки, части эти представляли собою чрезвычайно пеструю

[1]) Сведения о составе, численности и расположении войск Гатчинского округа (так потом назывался Нарвский район) к 3/16 апреля 1918 г.

картину: в числе их были люди, прошедшие правильную военную школу, находилось не мало и боевых — исключительно бывшие солдаты, но были и совершенно почти не обученные— преимущественно из числа рабочих, пошедших на фронт под влиянием известного воодушевления и опасности, угрожавшей отечеству и революции. Матросские отряды часто выделялись своею решительностью и порывом в боях, но, на ряду с этим нередко были склонны к распущенности и насилию, считались как бы на привелигированном положении среди других и притом были слабо подготовлены к сухопутным действиям.

В нравственном отношении, в смысле готовности постоять за дело свободы, большинство пошедших вначале на фронт, было настроено очень хорошо—с духом и сознанием долга: людей недостойных встречалось, сравнительно, немного. Однако, вскоре, под влиянием непривычного склада боевой обстановки и жизни и, особенно,—очевидного превосходства неприятеля во всех отношениях, а также—благодаря явно неумелому руководству и излишним потерям,—многие падали духом и стремились к возвращению домой. Большое влияние на это оказало и заключение мира—значительная часть считала продолжение военной службы как бы ненужной.

В смысле партийности, в частях встречались представители, едва ли не всех политичеекних партий до анархистских групп включительно, но в массе преобладали большевики и сочувствующие им.

В национальном отношении, наряду с русскими, у нас было довольно много эстонцев и особенно латышей (Нарвский партиз. отряд Даумана, Везенбергский Лебо).

Отрядов и частей, подготовленных более или менее в боевом отношении, как таковых, строго говоря, почти не было, хотя, несомненно, было не мало хорошо обученных отдельных людей и даже целых групп. Лучшими вообще являлись части из бывших солдат; в смысле сознательности, дисциплины и организованности выгодно выделялись среди других латышские части, (напр., Нарвск. партиз. отряд) артиллерийские и иногда конные (батарея Шпаковского, эскадрон красных гусар при Нарвск. партиз. отряде).

Роды оружия представлялись обыкновенно следующим образом: пехота—в виде отдельных рот и отрядов (силою в 1—2 и более рот), солдатских, рабочих и морских. Батальонной организации еще не было, она явилась позже; некоторые части называли себя, впрочем батальонами и даже полками, но их состав не превосходил обычно 200—300 штыков. Наименова-

ния свои они заимствовали от тех частей старой армии, откуда вышли (Белгорайский батальон, отряд 4-го Капорского полка и др.), или же носили названия городов, местностей, фабрик и заводов, где были сформированы (отряды Везенбергский, Ямбургский, Нарвский, Юрьево—Путиловский, Ящерский батальон и пр.). Отряды нередко назывались также и по фамилиям своих командиров.

Пулеметов почти во всех частях было сравнительно много, но распределены они были между отрядами совершенно случайно—так, напр. Белгорайский бат. бывший в составе почти 700 штыков имел 4 пулемета, а Юрьевский—силою всего в 140—150 чел.—целых восемь.

Наиболее сильными у нас по составу пехотными частями являлись Белгорайский батальон, Нарвский отряд Даумана—600 штык. и 4 пулемета и друг. [1]).

Совсем уже слабой численности были конные части—свыше эскадрона, сотни почти не встречалось; обыкновенно же они состояли всего из 50—60 всадников, хотя также называли себя иногда отрядами, даже полками (Красно-кавалер. отряд Лауница в 50 сабель) [1]).

Конные части были почти исключительно солдатские. Лучшею и самою большею из них в составе Ямбургского отряда являлся красно-гусарский эскадрон Мамчиса, состоявший при Нарвск. отряде, силою в 162 сабли и 2 пулемета [1]).

Конницы вообще было чрезвычайно мало и ее недостаток крайне тяжело сказывался в условиях несения охранительной службы в пределах длинной пограничной полосы (у нас, напр., было всего 366 чел. конных).

Столь же слаба была и артиллерия: обыкновенно присутствие на участке 100—200 верстного протяжения 2—4 легких батарей двух-орудийного состава (других почти не было) считалось уже известным благополучием. Батареи эти, состоявшие в большинстве случаев из более сознательных и вполне опытных солдат, были обыкновенно хороши; вновь формируемые значительно уступали им.

В Нарвском отряде было всего две двух-орудийных батареи, из которых одна (Шпаковского) была отличная [1]).

Что же касается до технических войск, то их вначале почти не было; находившийся временно на ст. Ямбург бронирован. поезд был неисправен. Позже, к апрелю, мы располагали уже броневым автомобильным отрядом из нескольких

[1]) Сведение о составе, численности и расположении войск Гатчинского воени. округа к 3/16 апреля 1918 г.

машин с пулеметами, конно-подрывным в составе 26 чел. и авиационным из 6 аппаратов. Некоторые из машин и аппаратов были неисправны, встречались постоянно недочеты во многих отношениях. Конно-подрывной отряд Дмуховского, прибывший раньше, отличался полною дисциплиной, был отлично подготовлен и приносил все время общему делу самую существенную пользу.

Общий боевой состав войск Нарвского района (впоследствие названного Гатчинским округом) достигал к $\frac{3}{16}$ апреля 3.685 штыков, 366 сабель, 61 пулемета, 4 орудий, 5 броневых машин, 2 подрывных и 2 авиационных отрядов, а к $\frac{20}{3}$ числам того же месяца—3700 штыков, 661 сабли, 8 орудий (остальное то же) [1]).

Непосредственное управление войсковыми частями в начале было организовано совершенно случайно; затем, в апреле войсковые штабы начинают устраиваться на более правильных основаниях. К середине/концу марта сорганизовался и прибыл штаб Нарвского района, доведенный постепенно до состава 12—15 лиц; почти одновременно с этим создан был и довольствующий орган, который во многом облегчил тяжелое материальное положение войск, хотя последнее налаживалось долго и с чрезвычайными затруднениями.

Войсковых соединений, об'единявших в себе роды оружия, вначале вовсе не было; они явились значительно позже. До этого же времени, под влиянием иногда необходимости, а во многих случаях и просто неумения и причудливой фантазии людей, совершенно неразбиравшихся в вопросах воинской организации, нередко в состав самых небольших отрядов (в 1—2 роты) включалось 1—2 орудия (помнится был даже такой курьезный случай, когда с пехотой неразлучно ездило и какое-то тяжелое орудие); приходилось наблюдать также, что небольшой отряд ни за что не хотел отдавать взятого где-то аэроплана и тащил его за собой, несмотря на то, что и пользоваться-то им как следует было нельзя за недостатком подготовленных летчиков, неисправностью самого аппарата и пр., и убедить в несуразности этого было иногда не легко.

Конечно, явление это об'яснялось преимущественно непониманием, быть-может, недоверием, но на это несомненно повлияло, отчасти, и следующее: многие боевые солдаты и бывшие офицеры из числа самых младших, преимущественно пехотные, убедившись в течение войны на собственном опыте, например, в недостатке, или даже в отсутствии связи с артиллерией и быстрой, поддержки со стороны последней, предо-

[1]) Сведения о составе, численности и расположении войск Гатчинского округа к 3/16 апреля 1918 г.

ставленные среди общего хаоса сами себе, решали устранить это и заводили при случае „свои“ собственные пушки, которые обыкновенно обслуживали и употребляли самым примитивным способом; с другой стороны, в тогдашней обстановке к подобным мерам (напр. наличие конных частей при пехоте) вынуждала и боевая необходимость.

С явлением этим, повторявшимся затем нередко и в первоначальных организационных работах разного рода военных комиссариатов, особенно мелких, приходилось бороться довольно долго и осторожно.

Приходилось встречаться и со следующим: какой-нибудь небольшой отряд, часто из людей довольно сознательных, одушевленный революционным порывом и имевший за собою известное боевое прошлое, обнаруживал непреклонное желание сохранить свою обособленность и самостоятельность и решительно не хотел расставаться с орудием, излишними пулеметами и проч.; во всем этом, как и в самом названии своем, он часто склонен был видеть своеобразную традицию, которой дорожил.

С такими и подобными им явлениями приходилось серьезно считаться и действовать вдумчиво и осторожно, делая необходимые, в силу духа времени и тогдашней обстановки, отступления. Вполне понимая и уважая стремления наших военных руководителей того времени к скорейшей правильной воинской организации частей, тем не менее скажу, что приходилось нередко встречать в их среде непонимание духа времени, недостаточную оценку настроений и действий массы, стремившейся к своеобразному творчеству домашним, кустарным путем. И, если правда в понимании организации находилась, конечно, на их стороне, то искренний порыв, горячее одушевление и энергия в значительном большинстве случаев приходилось на долю работников, выдвинутых массою.

На подобной почве, в связи со всем прошлым, происходило немало недоразумений и взаимного непонимания, вредно отражавшихся на ходе общего дела в такое исключительно горячее время. Холодное равнодушие и критика, иногда с оттенком скрытой насмешки, не давали возможности многим руководителям глубже вникнуть и понять настроения местных и войсковых представителей, умело подойти к ним и согласовать свои знания и опыт с их искреннею обыкновенно, но неумелою и грубою работою.

Но, если слабы в боевом отношении были части зарождавшейся новой армии, то не лучшим был вначале и командный состав их: подобранный в большинстве совершенно случайно,

под влиянием крайней необходимости, он состоял частью из бывших офицеров, обыкновенно самого младшего возраста, часто далеко не из лучших, нередко малоопытных, а также из солдат и людей не военных. Среди начальников частей и отрядов были как выбранные на эти должности, так и назначенные.

Управление частями крайне усложнялось, т. к. во главе многих из них стояли не только командиры, но и комитеты, иногда особые выбранные коллегии, с которыми первым приходилось делить власть и сообразоваться во всех своих действиях; некоторые части и отряды, впрочем, управлялись единолично. Следует отметить, однако, что, наряду с неумением и неопытностью многих представителей командного состава, среди них было все же немало людей, безусловно искренно преданных делу революции и воодушевленных самым лучшим духом.

Приток добровольцев в новые войска, усилившийся одно время под влиянием известного под'ема особенно среди рабочих, впоследствии стал заметно падать и достиг ничтожной цифры; как было указано выше, явление это сделалось более заметным после заключения мирного договора, когда в глазах массы минула непосредственная угроза извне; обращаться же в солдат, обязанных известным срокам службы, значительная часть добровольцев не хотела.

Понизились заметно, по сравнению с первым временем, и нравственные качества поступавших добровольцев, среди которых было уже немало людей, просто гнавшихся за получением казенного пайка и обмундирования; были и совсем дурные элементы, которых, помимо этого, привлекала еще и возможность легкой наживы, грабежа в условиях тогдашней жизни, когда нередко царила анархия и во всяком случае была обезпечена полная безнаказанность. Прилив таких людей в войска, совместно с некоторыми другими обстоятельствами, содействовал тому, что доверие к новой армии подрывалось, а отношения к ней населения, в особенности сельского, постепенно менялось в худшую сторону.

Порядок в войсках, собранных в Ямбурге, и управление ими налаживались с большим затруднением. Прежде всего пришлось затратить много труда, чтобы заставить и убедить части, крепко державшиеся за свои вагоны, в которых они жили, покинуть их и перейти в город и тем более другие назначённые им пункты. Немало приходилось бороться с распущенностью и проявлениями озорства и разного рода насилий, прежде чем в городе и его ближайших окрестностях наладился мало-мальски сносный порядок. Бывшие случаи действитель-

ных неприязненных действий со стороны белогвардейских элементов и еще больше расходившиеся преувеличенные слухи о том подливали масло в огонь, вызывая озлобление среди войск и соответствующие расправы; все это еще более затрудняло установление порядка и постепенный переход к нормальной жизни и службе частей.

Наши об'езды главной позиции и почти всех войск, беседы и разговоры, как с ними непосредственно, так и с собиравшимися периодически начальниками и представителями, по поводу необходимости и характера современной дисциплины, организации и порядка, взаимных соотношений, несения службы и проч., в связи с появлением общего управления войсками, которое связало их, до известной степени, в одно целое, дало боевые указания, инструкции для ведения специальной подготовки, снабдило деньгами и картами, упорядочило довольствие и т. д.,—все это имело большое значение: части и отряды почувствовали, что они не брошены на произвол судьбы перед лицом неприятеля, что ими управляют, что само управление тут же с ними и живет, что оно дает все, что возможно и проч. Ближайшим и весьма скорым последствием этого было постепенное нарождение доверия к управлению, известной внутренней связи с ним, а затем спокойствия и порядка; мы взаимно ознакомились, нас, до того почти неизвестных массе, стали признавать и понимать; штаб наш делался, очевидно, для всех центром отряда. Первый и самый трудный и важный шаг был сделан таким образом, оставалось закрепить его и итти дальше. Нарождавшиеся доверие и связь проявлялись вначале в формах, быть-может, довольно наивных, но несомненно в искренних, а порою и трогательных: чуть ли не каждый товарищ, не говоря уже о командирах и представителях, непременно хотел лично видеть старшего начальника, непосредственно расказать ему обо всем необходимом, обо всех нуждах своих или своей части, самому получить ответ и проч.; мы жили тогда еще в поезде, и наши вагоны буквально целые дни были переполнены посетителями из войск, неизменно добивавшимися личного свидания; нас приглашали к себе на собрания, митинги: красноармейцы услужливо приносили нам молоко, просили иногда хлеба, когда его бывало мало и проч.; нередко влетал в мой вагон какой-либо рабочий или солдат и просил, например, разменять деньги, посоветоваться, с каким поездом ему выгоднее проехать туда-то и т. д.; некоторые части, по своему почину, устраивали иногда торжественные шествия, или нечто в роде парадов и всегда приходили приветствовать,

а от'езжавший на другой фронт товарищ бросился обнимать, заплакал и просил проводить его до вагона...

Таким образом повседневным путем, путем непосредственного общения с массой, личного воздействия, как на нее, так и на отдельных ея представителей, путем житейских мелочей налаживались в отряде доверие и внутренняя связь между управлением и частями, этот основной фундамент всякого дела и военного в частности, особенно в революционный период.

Попутно с этим шла и собственно боевая подготовка частей и отрядов. Войска получили от нас общие указания по части организации и специального обучения, при чем в них, на ряду с техникой дела, были освещены в общих чертах и все важнейшие вопросы военно-нравственного значения (понятия о современной дисциплине и чувстве долга, о внутренней связи, характере взаимных отношений между начальником и подчиненным и всех товарищей между собою, общем направлении служебных требований и т. д.); была особенно оттенена необходимость постепенности ведения боевой подготовки, с тем, чтобы брать в первую голову именно то, что было нужнее всего в нашей обстановке. [1]).

Напряженная все время работа, выражавшаяся в составлении всех этих указаний, в частых беседах на те же темы с начальниками и представителями частей, об'езды войск и разговоры с ними и т. д.,—все это принесло свои плоды: войска начали постепенно организоваться на более правильных началах, сводиться в роты, затем—в батальоны, стали заниматься боевой подготовкой, практиковаться в стрельбе и пр.; несение боевой службы также понемногу становилось на более прочную ногу и, примерно, в апреле мы почувствовали в себе известную силу, что мы — уже не те, что были раньше, в начале марта; явилась и известная уверенность в том, что, в случае наступления неприятеля, мы сумеем сдержать его и дать отпор.

Затем, желая притти на помощь общему делу в более широком смысле, в организации и подготовки новой армии, я отправил в конце марта, в Выс. Воен. Сов. при Сов. Нар. Ком. выработанный мною проект общих оснований для формирования, службы и подготовки Красной армии. [2]).

В этом проекте, помимо общих принципиальных предложений, я обрисовал вкратце характер того основного уклада, в

[1]) Составленные мною: „Инструкция для организации и боевой подготовки Нарвского и Гдовского отрядов" от 9/22 марта; „Указания Нарвск. и Гдовскому отрядам для действий ночных и в лесах" от 12/25 марта и таковые же „Указания для ведения пешей и конной разведки" от 13/26 марта 1918 г.

[2]) Проект мой, приложенный к сношению от 28/9 марта за № 129/151.

который, по моему мнению, должна была вылиться жизнь и служба новой армии, набросал в общих чертах программу первоначальной боевой подготовки и, наконец, выработал план и систему создания новых воинских руководств, об'единенных одною мыслью и духом и тесно связанных между собой.

Впоследствии этот проект, значительно дополненный, был напечатан и разослан в войска и штабы.

Общее управление войсками, руководство и ориентировка свыше, отсутствие чего так неблагоприятно сказывалось вначале на местах, начали постепенно складываться: в апреле появились указания Выс. Воен. Сов. и начальников округов по части условий приема добровольцев в войска, формирования частей, несения службы, и начальники частных округов и районов начали периодически собираться в Петрограде и договариваться об общем направлении и ходе организационной работы и проч. На ряду с этим, постепенно приводится в известность и берется на учет разбросанные повсюду вооружение, снаряжение, продовольственные и иные запасы, налаживается, хотя и с крайними затруднениями, отпуск войскам всего необходимого.

На все это был затрачен огромный упорный труд и только медленным тяжелым путем дело становится понемногу на более или менее прочную ногу.

В конце марта наш штаб был переведен в г. Гатчину, а округ (район) получил название Гатчинского. Непосредственное командование Ямбургским отрядом было мною передано бывшему полк. Скоробогачу, а в Гдовский был назначен бывший полк. Васильев; при каждом из них был организован небольшой штаб, в состав которого вошли и представители от интендантства.

Неприятель все это время не проявлял каких-либо активных действий, но недоразумения между нашими частями и немцами, преимущественно на почве взаимных нарушений установленных правил и разных злоупотреблений по отношению к местному населению, происходили нередко.

Помимо последствий общей разрухи, недостатков в организации и трудности регулярного получения частями всего необходимого, живая работа много затруднялась и благодаря неподвижности и бюрократизму наших старших штабов и учреждений, довольствовавших войска, унаследовавших эти качества из прежней армии. На самые жизненные потребности войск реагировали нередко крайне слабо, указания зачастую давались весьма туманные, мало сообразованные с чрезвычайно оригинальной обстановкой и духом того времени; многочисленность этих штабов и управлений, случайный нередко подбор

личного состава их, отсутствие инициативы, необыкновенная медлительность и формализм, в связи с характерной погоней за мелочами и пустяками, упуская порою самое важное и принципиальное, — все это делало работу их малопродуктивной и донельзя тяжко отражалось на местах. Часто приходилось убеждаться в том, что между черновыми работниками внизу и старшими управляющими органами существует взаимное непонимание, нет тесной связи, одним словом, не было именно того, что так существенно было нужно тогда и отсутствие чего так ярко и больно давало себя знать не только в это время, но еще и в старой армии.

В апреле начали постепенно организоваться военные комиссариаты в городах и волостях, а в мае было получено распоряжение о формировании в округах дивизий. Войска нашего округа должны были составить Гатчинскую дивизию (названную впоследствие 3. Петроградской). Почти одновременно с этим был учрежден институт военных комиссаров при частях, как политических представителей правительства; первым комиссаром у нас в дивизии был назначен т. Дауман, бывший начальник Нарвск. партизанск. отряда.

Части постепенно преобразовывались в батальоны, а затем и в полки.

В апреле, когда вверху убедились в невозможности создать сильную числом и качеством армию путем добровольчества и найма, а обстановка выяснила полную необходимость иметь таковую, был об'явлен декрет Сов. Нар. Ком. (от $\frac{8}{21}$ апреля), согласно которому в основу будущей армии был положен принцип обязательного привлечения населения к несению воинской повинности.

Несколько позднее было реорганизовано управление армией, был создан Выс. Воен. Сов., под председательством Л. Троцкого, в составе политических деятелей и военного руководителя М. Бонч-Бруевича, который в тоже время являлся и начальником Штаба Совета.

В конце мая я был назначен военным руководителем северного участка и петроградского района и вначале июня, сдав дивизию, переехал в Петроград.

К этому времени последняя заключала уже в своем составе свыше 5.000 штыков, имела бригадную организацию и вполне благоустроенный и налаженный в работе штаб.

Заканчивая этим свои воспоминания о непосредственной службе в рядах Красной армии, я выскажу следующие соображения:

1) Настоящие основы боевого ведения и подготовки войск остались по существу теми же, какими были и прежде, так как человек по своей природе не изменился. И если раньше мы вынуждены были часто забывать о них, отступать, или заменять их в некоторых случаях иными, то это происходило преимущественно под влиянием общего режима нашей прежней жизни, который властно сказывался и на укладе воинской жизни и службы, давая ему ложное во многом направление.

2) Но если суть дела осталась та же, то, наоборот, в высшей степени изменилась обстановка, среди которой приходится работать в новой армии. Вследствие многих понятных причин, наше положение, работников старой еще армии, сделалось неблагоприятным среди современной войсковой массы, и особенно трудным оно было вначале возникновения новой вооруженной силы. Необходимо глубоко вникнуть во все происшедшее, серьозно изучить теперешнюю обстановку, по возможности отрешившись от многих предубеждений, примениться к ней и в работе своей всегда сообразоваться с духом и особенностями переживаемого времени; главное же изучить современную войсковую массу, уметь подойти к ней и действовать всегда доброжелательно и искренно; если последнее налицо, то будет сделан первый шаг по пути к доверию, а оно теперь особенно необходимо.

3) Если и прежде еще близость начальника к войскам по существу и тесная внутренняя связь с ними являлись чуть ли не первым условием боевой крепости части, то еще более необходимо это в новой армии, которая только создается постепенно и построена на принципах товарищества и дружбы, вполне отвечающих не только духу времени и направлению всего нового строительства, но и лучшим природным свойствам и особенностям русской души. И путь, идущий от сердца,— самый простой, скорый и беспромашный.

4) Если в старой армии более или менее крупный начальник (напр., нач. дивизии) мог управлять войсками, не находясь всегда в непосредственной близости от них, а лишь общаясь с ними периодически, то теперь это совершенно невозможно: не только духовная, но и чисто физическая близость начальника к войскам получает особенное значение; если совместная жизнь с массой и личный пример начальника приносили всегда очевидную пользу делу, то в настоящих условиях это способно дать еще более ощутительные результаты. Нужно помнить, что недостатков по части доверия войск, близости и внутренней связи с ними не в состоянии возместить сплошь да рядом даже самое

искуссное управление и самая совершенная техника; это всегда так было, а теперь становится особенно ярким и рельефным.

5) Тоже самое приходится сказать и о штабах:

Они являются, ведь, органами управления в руках начальников. В них совершенно необходимо „вдунуть душу живую". Невероятно допустить, чтобы в новой, революционной армии продолжало бы существовать прежнее удаление штабов от войск по существу, взаимное незнание, непонимание и недоверие, старые неподвижность и формализм, отсутствие чуткости к войскам и слабое обыкновенно реагирование на все явления их жизни и службы. Если начальник обязан всегда переживать с войсками и горе и радость и делить с ними боевую судьбу, то не в меньшей мере должны делать это и штабы.

Сказанное о последних в полной мере относится и ко всем учреждениям, довольствующим войска.

7) Много значит и подбор помощников и сотрудников в штабах. Если и раньше нельзя было ограничиваться в этом отношении одним счетом, то теперь особенно важно подбирать себе людей известных и преданных делу. Необходимо помнить, что неумелый или случайный подбор товарищей не только скажется на успехе управления войсками, но может и дискредитировать его в глазах массы.

Кроме того: если более привольная жизнь штабов и учреждений и сама излишняя многолюдность их всегда производили нехорошее впечатление на войска, то теперь с этим надо особенно считаться. Штабы должны жить и работать войсковым темпом и быть не только мозгом, но и сердцем войск. Число работников в штабах и управлениях должно быть строго ограничено пределами необходимости; гораздо лучше иметь небольшие, но хорошо подобранные штабы, чем многолюдные и случайно составленные; всякая неподвижность, мелочность, канцеляризм и пр.—навсегда должны быть изгнаны из их жизненного и служебного обихода.

8) Признавалось и прежде (правда, больше в теории), что в войсках необходимо воспитывать твердость душевную, уверенность в себе, самостоятельность и самодеятельность, всячески дорожить и укреплять воинскую организацию и организованность. Но если в старой армии это оставалось обыкновенно мертвой буквой, то теперь весь ход современной жизни определенно указывает на то, что сейчас без этого нельзя вести никакой плодотворной работы и что запрос на все это будет только увеличиваться в будущем; разумеется, армия и военное дело вообще должны самым серьозным образом считаться с этим.

9) Умение руководить войсками, теперь значит еще больше. Не говоря уже об успехе, но если прежде нужно было вообще „беречь кровь" и добиваться победы „малою кровью", то теперь это особенно необходимо: неуменье, неосторожность, отсутствие строгого расчета и пр. — в результате одна, другая неудача молодых войск, излишние напрасные жертвы — подрывают доверие их к руководству и они становятся неспокойными и малоустойчивыми, быть-может, надолго. И наоборот, ряд успехов способен быстро поднять дух теперешних войск на большую высоту.

Поэтому, вдумчивое всегда сверху до низу руководство, систематичность всякой работы, верный расчет, тщательная непрерывная взаимная ориентировка, связь и поддержка, связность между разными родами оружия, разведка—все это играет сейчас еще большую роль, чем прежде. Такую работу войска всегда высоко ценят, а для теперешних она будет иметь особо важное значение: они непременно увидят, почувствуют такое руководство, отдадут ему должное, поверят в него и постепенно приобретут недостающую им стойкость.

Я уже и не говорю о том, как благотворно отразится такое руководство на духе войск, равно, как, необходим он именно в молодых частях нашей революционной армии.

Много весьма жизненных и крайне интересных вопросов по части организации, службы и боевого употребления современных войск нуждаются в возможно полном освещении; и особенно поучительными и полезными для дела могут явится подобные исследования, если эти вопросы будут разобраны путем широкого сопоставления действий старой армии с таковыми же за время войны 1918—1919 гг., разумеется, учитав соответственно разницу в условиях и обстановке ее ведения. И если отнестись к делу с беспристрастием, то мы, вероятно, увидим, что последняя война представляет собою не мало своеобразного и способна, быть-может, привести к некоторым не безынтересным выводам.

Поэтому крайне желательно видеть на страницах нашего сборника статьи и материялы, посвященные указанным вопросам.

Дм. Парский.

Из архивных материалов.

Силы, вооружение и запасы снарядов союзников в 1916 году — по данным штаба маршала Жофра.

Данные о силах союзников на всех театрах войны к $\frac{1\ мая}{18\ апреля}$, $\frac{1\ июля}{18\ июня}$, $\frac{1\ ноября}{19\ октября}$, 1916 г. и предположения к $\frac{1\ апреля}{19\ марта}$ 1917 г., согласно таблицам представленным на конференции союзников в Шантильи $\frac{12\ марта}{28\ февраля}$ 1916 г. и на конференции $\frac{19\ ноября}{6\ октября}$ 1916 г.

	ЧИСЛЕННОСТЬ АРМИЙ.				ЧИСЛО ШТЫКОВ.				ПОПОЛНЕНИЕ.			
	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.
Франция.	3.000.000	3.000.000	2.934.000	2.966.000	1.510.000 [1])	1.510.000 [1])	1.550.000	1.468.000	890.000	750.000	331 000	320.000
Англия:	1.510.000 [2])	1.580.000 [3])	1.980.000	2.223.000	787.000	851.000	864.500	1.024.500	[4])	[4])	500.000	нет сведений.
Россия:	4.500.000	4.500.000	6.860.000	—	1.800.000 [5])	2.000.000 [6])	1.929.000	2.300.000	3.145.000	3.145.000	1.500.000	1.050.000
Италия:	1.300.000	1.300 000	1.834.000	1.913.000	656.000	656.000	671.000	749.000	1.600.000	1.440.000	370.000	500.000
Бельгия:	128.200	128.200	150.512	151.000	60.500	60.500	73.800	74.000	18.000	17.000	3.000	10.000
Сербия:	100.000	100.000	130.000	—	72.000	72.000	43.200	—	50.000	50.000	—	—
Румыния:			420.000				220.000				300.000	

Примечание: [1]) 1.457.000 на северо-восточном фронте, 52.000 в Салониках.
[2]) 45 див. в Франции, 8 в Египте, 5 в Салониках, 7 в Мессопотамии,—не считая 9 див. в Индии и 14 в Англии.
[3]) 49 див. в Франции, 8 в Египте, 5 в Салониках, 7 в Мессопотамии, — не считая 12 див. в Англии и 3 новые австралийские.
[4]) Дивизии пополняются полностью.
[5]) Не считая 142.000 конницы вооруженной штыками—не считая кавказской армии и 7 формирующихся дивизий.
[6]) Не считая 7 новых дивизий и 4 бригад.

ВООРУЖЕНИЕ.

	ПУЛЕМЕТЫ.				Автоматические ружья.		ОРУДИЯ. ПОЛЕВЫЕ.				ОРУДИЯ. ТЯЖЕЛЫЕ.		ТЯЖЕЛЫЕ. Пушки.		ТЯЖЕЛЫЕ. Гаубицы.		АЭРОПЛАНЫ.	
	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.
Франция:	13.000	13.000	13.476	13.596	31.596	91.796	6.333	6.533	6.270	6.588	4.162	4.288	3.364	3.664	1.084	1.470	1.320	1.950
Англия:	7.828	10.100	4.044	5.192	9.162	15.939	2.247[1]	2.483[1]	3.652	3.876	1.144[1]	1.366[1]	516	612	1.587	2.146	800	1.100
Россия:	7.129	5.880	12.000	24.000	300	10.300	5.880	6.400[2]	5.937	6.957	1.569	1.190[3]	895	1.129	1.113	1.419	598	—
Италия:	1.760	1.760	3.588	4.750	—	—	2.000	2.000	2.458	2.898	630	930	1.839	2.502	616	1.360	348	—
Бельгия:	688	982	1.101	1.114	58	58	296	320	368	428	76	86	37	53	86	103	47	90
Сербия:	144	144	312	312	—	—	216	216	224	224	72	72	—	—	48	48	50	50
Румыния:	—	—	800	1.450	—	—	—	—	556	—	—	—	—	—	136	—	—	—

Примечание: [1]) Орудия на французском фронте.
[2]) 3.012 полевых орудий должны быть получены в 1916 г.
[3]) Точных сведений нет.

	ЗАПАСЫ СНАРЯДОВ.								ЕЖЕДНЕВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СНАРЯДОВ.							
	ПОЛЕВЫЕ ОРУДИЯ.				ТЯЖЕЛЫЕ ОРУДИЯ.				Полевая артиллерия.				Тяжелая артиллерия.			
	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апр. 1917 г.	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апр. 1917 г.	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1916 г.	1 мая 1916 г.	1 июля 1916 г.	1 ноября 1916 г.	1 апреля 1917 г.
Франция:	15.000.000	20.000.000	6.236.000	—	5.500.000 [1])	7.000.000 [1])	2.218.000	—	130.000	140.000	212.700	216.000	35.000	40.000	59.000	96.000
Англия:	6.000.000	8.000.000	3.855.000	—	1.100.000	2.100.000	1.568.000	—	52.000	83.000	147.000	179.000	19.000	25.000	72.000	114.000
Россия:	9.600.000	12.000.000	7.000.000	—	1.200.000	1.400.000	600.000	—	85.000	85.000 [2])	87.850	93.300	5.000	5.000	13.000	19.000
Италия:	2.200.000	3.400.000	6.800.000	—	400.000	400.000	1.000.000	—	27.000	40.000	60.000	—	3.000	3.500	12.000	—
Бельгия:	480.000	540.000	723.200	—	36.000	46.000	42.513	—	2.500	4.000	4.300	4.300	500	500	220	220
Сербия:	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Румыния:	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание: [1]) Не включая расход под Верден.
[2]) Не считая заграничных заказов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 30 руб